10
С-42
Сказания иностранцев о Русской армии...
Спб, 1912

381

10
С42

ИЗДАНІЕ КНЯЗЯ АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВА.

Сказанія иностранцевъ о Русской Арміи

въ войну 1904—1905 г.г.

381

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
Коммиссіонера военно-учебныхъ заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная 14.
1912.

53
3528

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
533927 М

Типографія „Родникъ“. Невскій пр., д. 88.

Введеніе.

Наканунѣ столѣтія „священной памяти Двѣнадцатаго Года“, подъ впечатлѣніемъ недавнихъ пораженій невольно напрашивается мысль: истинны ли слова поэта, что тогда были другіе люди, „богатыри, не вы“.

Неужели русскій народъ не тотъ, что прежде, неужели его теперешнее войско не то же, что войска, побѣдившія величайшихъ полководцевъ: Карла XII подъ Полтавой, Фридриха II-го подъ Кунерсдорфомъ и Цорндорфомъ, войска, уничтожившія величіе Наполеона, взявшія Берлинъ и Парижъ, побѣдившія природу, перейдя Альпы съ Суворовымъ, переправившись по льду черезъ море въ Швецію, на нашей памяти перейдя зимою черезъ Балканы, хотя Мольтке считалъ это невозможнымъ, и прошедшія лѣтомъ по зной-нымъ и безводнымъ Хивинскимъ пескамъ.

Наши войска показали себя въ послѣднюю войну такими же, какъ и прежде. При другихъ обстоятельствахъ они могли бы и теперь побѣдить и побѣдятъ еще многихъ враговъ въ будущемъ.

Непобѣдимыхъ войскъ или народовъ въ исторіи нѣтъ.

Необходимо послѣ неудачъ изучать ихъ причины, для ихъ устраненія въ будущемъ.

Однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ является наша внутренняя смута, разладъ между

интеллигенціей и народомъ, раздѣленіе и самой интеллигенціи на партіи.

Все это привело къ тому, едва ли не безпримѣрному въ исторіи явленію, что вся такъ называемая передовая часть интеллигенціи, мечтавшая объ освободительномъ движеніи, открыто радовалась нашимъ военнымъ неудачамъ и пораженіямъ, сочувствовала врагу, содѣйствовала ему забастовками въ казенныхъ заводахъ и верфяхъ, устройствомъ бунтовъ, въ родѣ 9-го января 1905 года, и волненій во всей странѣ, веденіемъ измѣнническої пропаганды въ войскахъ на самомъ театрѣ войны.

Лѣвая печать и часть интеллигенціи этимъ покрыла себя несмываемымъ позоромъ и болѣе отвѣтственна передъ потомствомъ за заключеніе преждевременно мира, чѣмъ недочеты нашей военной организаціи или ошибки нашихъ военноначальниковъ.

Печать внушила намъ сильно укоренившееся, при нашей склонности къ самоуниженію, мнѣніе, что все у насъ плохо, народъ ни къ чему неспособенъ, правительство ниже всякой критики, войско безъ доблести.

Партійная рознь дошла до того, что если встрѣчаются указанія на то, что все это не такъ, и что среди огорченій и ужасовъ послѣднихъ лѣтъ есть много и отрадныхъ и утѣшительныхъ явленій, то немедленно, вмѣсто опроверженія, начинаютъ говорить, что подобныя мнѣнія диктуются не изученіемъ дѣйствительности, а корыстными цѣлями.

Для того, чтобы составить себѣ безпристрастное мнѣніе о причинахъ нашихъ пораженій въ послѣдней войнѣ и о качествахъ или недостаткахъ нашихъ войскъ, намъ остается прислушаться къ голосу нашихъ враговъ или, во всякомъ

случаѣ, недоброжелателей, къ голосу иностранцевъ, слѣдившихъ за военными дѣйствіями и изучавшихъ исторію послѣдней войны.

Для этого я просилъ одного изъ участниковъ послѣдней войны, занимающагося ея исторіей, пересмотрѣть возможно большее число сочиненій иностранцевъ и указать въ удобопонятной для неспеціалиста формѣ, что въ нихъ для насъ заключается новаго и интереснаго.

Какъ ни тяжко для нашего самолюбія сознаніе пораженія, но все же изъ этихъ иностранныхъ, скорѣе—враждебныхъ намъ сочиненій вытекаетъ, что русское войско въ прошлой войнѣ показало тѣ же удивительныя качества—мужества и выносливости, которыми оно отличалось въ прежнихъ побѣдоносныхъ войнахъ.

Эти качества еще болѣе достойны удивленія въ послѣдней кампаніи, такъ какъ наше войско сражалось за непонятныя ему задачи, въ незнакомой, отдаленной странѣ, среди враждебнаго населенія и исключительно по долгу присяги своему Царю и преданности родинѣ.

Передъ голосомъ безпристрастныхъ, скорѣе—недружелюбныхъ намъ иностранцевъ должны разсѣяться всѣ клеветы и инсинуаціи нашихъ внутреннихъ враговъ и, естественно, является увѣренность въ будущихъ побѣдахъ.

Списокъ источниковъ.

Янъ Гамильтонъ, британскій военный агентъ при арміи маршала Куроки.—„Записная книжка штабного офицера во время Русско-Японской войны", т. 1 и 2. Переводъ съ англійскаго Семенова и Лазаревича, изд. В. Березовскаго.

Баронъ Теттау. „Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками". Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. Грулева, ч. 1 и 2, изд. В. Березовскаго.

Изданные В. Березовскимъ выпуски „Русско-Японской войны въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ".

Выпускъ 1-ый. Иммануэль. „Поученія, извлеченныя изъ опыта Русско-Японской войны".

Выпускъ 2-й. Лёффлеръ. „Стратегическіе и тактическіе уроки Русско-Японской войны".

Выпускъ 3-й. Ніессель. „Изъ опыта Русско-Японской войны".

Выпускъ 4-й. Ф.-Лютвицъ. „Атаки японцевъ во время войны въ Восточной Азіи 1904—1905 г.г.".

Выпускъ 5-й. Бронсаръ ф.-Шеллендорфъ. „Изъ записокъ очевидца Мукденскихъ боевъ".

Выпускъ 6-й. Аладаръ Кнебель ф.-Трейеншвертъ „Дѣйствія пѣхоты въ освѣщеніи Русско-Японской войны".

Выпускъ 7-й. Рихардъ ф.-Флекъ. „Мукденскій бой 16—25 февраля".

Выпускъ 8-й. Р. Менье. Извлеченія изъ сочиненія „О Русско-Японской войнѣ".

Выпускъ 10-й. Луиджи Барцини. „Японцы подъ Мукденомъ".

Выпускъ 11-й. Графъ Врангель. Извлеченія изъ труда „Конница въ Восточно-Азіатской войнѣ".

Выпускъ 12-й. Азіатикусъ. „Развѣдка во время Русско-Японской войны".

Выпускъ 13-й. Эдмондъ Ферри. „Отъ Мукдена къ Нанси".

Выпускъ 15-й. Ф.-Герчъ „О Русско-Японской войнѣ 1904—1905 г.г.".

Выпускъ 16-й. Извлеченія изъ австрійскаго военнаго журнала Штрефлера.

Выпускъ 17-й. Пеле-Нарбоннъ. „Поучительность для кавалеріи въ Манчжуріи".

Выпускъ 18-й. Капитанъ Винцентъ. „Артиллерія въ Манчжурскую кампанію".

Выпускъ 19-й. Ф.-Лигницъ. „Японо-Русская война".

Выпускъ 20-й. „Обзоръ сраженій при взятіи сухопутныхъ укрѣпленій Портъ-Артурской крѣпости".

Выпускъ 21-й. Изъ книги Бардонно. „Отъ Ялу до Ляояна".

Выпускъ 22-й. Габерманъ и Новакъ. „Подробные тактическіе очерки изъ войны 1904—1905 г.г.".

Выпускъ 23-й. Продолженіе предыдущаго выпуска.

Выпускъ 24-й. Ф.-Лигницъ. Извлеченія изъ 2-й части сочиненія „Японо-Русская война".

Выпускъ 25. Ф.-Кюльманъ. „Разборъ нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей Русско-Японской войны".

Выпускъ 26. Жаненъ. „Нѣсколько эпизодовъ изъ дѣйствій Японцевъ въ Манчжуріи".

„Русско-Японская война".—Оффиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Собралъ М. Кинай (Шимбашидо, Токіо), т. 1 и 2. Переводъ съ англійскаго М. Грулева. Изданіе В. Березовскаго.

Ф. Камперіо. „Подъ Ляндянсяномъ и Ляояномъ". Переводъ съ итальянскаго С. Толкушкина. Отдѣльный оттискъ журн. „Офицерская жизнь".

Generale F. Silvestre Considerations sur la Campagne de Mandchourie" (1904—1905).

Клеманъ де Грандпре. „Паденіе Портъ-Артура". Переводъ съ французскаго Генеральнаго Штаба Полковника Хвостова.

Эллисъ Ашмедъ Бартлетъ. „Осада и сдача Портъ-Артура. Переводъ съ англійскаго Генеральнаго Штаба Полковника Хвостова.

Осада Портъ-Артура. Критико-историческое изслѣдованіе, составленное Германскимъ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ. Переводъ Генеральнаго Штаба Подполковника М. Иностранцева.

Штрефлеръ. „Борьба за Портъ-Артуръ". Съ нѣмецкаго. А. В. Шварцъ и Ю. Д. Романовскій.

Балкъ. „Ночные бои и ночныя упражненія". Переводъ съ нѣмецкаго Ген.-Лейт. Шванкъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе. стр.

Списокъ источниковъ.

Предисловіе. 1

Глава VI. Начало войны; первыя впечатлѣнія иностранцевъ . . . 7

„ VII. Бой у Тюренчена 36

„ VIII. Дѣйствія Восточнаго отряда 67

„ IV. Ляоянъ 124

„ V. Сентябрское наступленіе; Шахейская операція 155

„ IV. Мукденъ 138

„ VII. О русской арміи. Ея организація, управленіе, система подготовки. Качества и боевая работа родовъ войскъ . 216

„ VIII. Борьба за Портъ-Артуръ 258

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русско-Японская война 1904-5 годовъ отличается особенностью, несвойственною большимъ войнамъ минувшаго вѣка. Особенность эта состоитъ въ томъ, что при обѣихъ враждующихъ арміяхъ находилось больше, чѣмъ когда-бы то ни было, военныхъ агентовъ всѣхъ европейскихъ державъ и корреспондентовъ всевозможныхъ органовъ европейской прессы. Хотя донесенія этихъ лицъ съ театра военныхъ дѣйствій, и даже съ полей сраженій, и подвергались штабной цензурѣ, но это, обыкновенно, не шло въ ущербъ правдѣ. Ходъ боевыхъ событій представлялся всей Европѣ безъ обычныхъ прикрасъ, составляющихъ суть тѣхъ батальныхъ картинъ, которыми рисовались бои добраго стараго времени.

И если даже допустить, что штабная цензура повинна въ нѣкоторомъ искаженіи донесеній корреспондентовъ, то этотъ упрекъ никоимъ образомъ не можетъ относиться къ военно-литературнымъ трудамъ состоявшихъ при арміи иностранцевъ.

Вотъ почему, труды этихъ лицъ имѣютъ огромное значеніе для всѣхъ, изучающихъ минувшую нашу войну, являющуюся предъ нами въ такой неприкрытой наготѣ,

которой войны добраго стараго времени достигали только по прошествіи очень многихъ лѣтъ, когда умирали участники войны и, ихъ наслѣдники печатали мемуары, давно хранившіеся въ глубинахъ фамильныхъ шкаповъ и сундуковъ.

Вспомнимъ, что истинное освѣщеніе многихъ событій франко-прусской войны, получилось лишь послѣ напечатанія записокъ Кречмана, а наша турецкая война 1877-78 г.г. и до сихъ поръ не можетъ считаться получившей законченное историческое изслѣдованіе.

Было бы несправедливо игнорировать все, что написано нашими офицерами-участниками минувшей войны. Напротивъ, безъ нихъ, безъ ихъ трудовъ, изученіе войны невозможно; никакая официальная исторія не можетъ удовлетворить людей вдумчиво относящихся къ явленіямъ войны и въ нихъ ищущихъ разгадки многихъ вопросовъ, сопряженныхъ съ дѣломъ боевой подготовки войскъ.

Но, для достиженія той цѣли, которую поставилъ себѣ авторъ настоящей книги, пока, необходимо воспользоваться трудами только иностранцевъ, по крайней мѣрѣ, съ нихъ начать.

Иностранцы говорили о насъ безъ всякаго стѣсненія. Иностранцы-офицеры, посылая свои донесенія, не могли не считаться съ чувствомъ не только общественной, но и личной, служебной отвѣтственности. Вотъ почему ихъ отзывы о нашей арміи надо принять, какъ наиболѣе безпристрастные.

Къ сожалѣнію, того же безпристрастія трудно ожидать отъ соотечественниковъ. Какъ это ни странно, но съ первыхъ нашихъ боевыхъ неудачъ на сопкахъ Маньчжуріи и до настоящей минуты мы совсѣмъ не проявили желанія сколько

нибудь прикрасить событія въ свою пользу. Напротивъ, кромѣ самоуничиженія и осужденія всѣхъ и вся наша печать ничего не проявила. Въ этомъ отношеніи особенно много усердія и рвенія было приложено со стороны тѣхъ органовъ печати, статьи которыхъ, полныя злобы, во время войны подрывали вѣру въ армію и ея успѣхи; послѣ же войны старались дискредитировать достоинство военнаго мундира.

Самую лучшую страницу исторіи минувшей войны, грандіозную борьбу за Портъ-Артуръ, которую иностранцы справедливо сравниваютъ съ обороной Сарагоссы и Севастополя, изъ-за отсутствія величія духа у нѣсколькихъ старшихъ начальниковъ, наша печать облила потоками грязи, какъ-бы накладывая незаслуженное, позорное клеймо на геройскій гарнизонъ.

Такое направленіе военной литературы, принося огромную пользу въ качествѣ критики, не можетъ быть терпимо въ теченіе 6 лѣтъ, потому что порождаетъ духъ тоски и унынія въ той средѣ, наименѣе повинной въ понесенныхъ нами неудачахъ, которая въ будущемъ раньше всѣхъ встрѣтится съ врагомъ и своею кровью расплатится за всѣ недочеты боевой подготовки мирнаго времени.

Эта среда—строевая, т. е. сама армія, состоящая изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Критикуя явленія минувшей войны, у насъ забываютъ главный факторъ войны—армію, забываютъ воздать должное ея многочисленнымъ, невиднымъ героямъ, сложившимъ удалыя головушки на сопкахъ Маньчжуріи.

Подобное забвеніе, конечно, не похвально, но съ нимъ мирится незлобивый русскій человѣкъ, готовый и впредь пролить кровь за Царя и Родину, когда угодно, и гдѣ

понадобится. Но вотъ съ чѣмъ не могутъ мириться грамотные русскіе люди, это съ лживыми свидѣтельствами писателей „не нюхавшихъ пороху“ о томъ, что наша армія въ минувшую войну не проявила доблести, отличавшей нашихъ предковъ въ теченіе ряда вѣковъ.

Подобное обвиненіе слишкомъ тяжко и влечетъ столь ужасныя послѣдствія въ дѣлѣ государственной обороны, что всякому, любящему свою родину и армію надо съ этимъ вопросомъ разобраться съ наибольшимъ вниманіемъ.

Вѣдь, если армія утратила доблесть, то никакія мѣры, ничто въ мірѣ не поможетъ, и Россіи предстоитъ участь Византіи. Подумали-ли писатели, обвиняющіе армію въ утерѣ мужества, воинской доблести, — на какія страданія они наталкиваютъ всю мыслящую, всю грамотную Россію. Да и на какихъ данныхъ можетъ быть основано подобное заключеніе? Война была неудачна. Армія претерпѣла пораженіе въ бояхъ подъ Мукденомъ, но не была разбита, потому что нашла въ себѣ духовныя силы для возрожденія тамъ же, на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ непосредственной близости непріятеля-побѣдителя, который по какимъ-бы то ни было причинамъ, но оказался безсиленъ для использованія своей побѣды.

Мнѣ кажется, что въ дѣлѣ оцѣнки нашей арміи въ минувшую войну мы не можемъ стать на высоту истинной справедливости и, вотъ почему. Мы всѣ воспитаны на военной исторіи, состоящей изъ лживыхъ батальныхъ картинъ. Русскіе всегда и вездѣ были только героями, красиво ходили на врага, равняясь по фронту и въ затылокъ, не знали, да и не могли знать, что такое чувство страха, потому что противникъ обыкновенно но могъ вынести вида свер-

кающихъ штыковъ нашихъ и своевременно обращался въ бѣгство. Такъ писали военную исторію для насъ, которымъ и пришлось разсчитаться за излишнее довѣріе къ гг. историкамъ, басни коихъ мы принимали за чистую монету.

Тѣмъ изъ насъ, кто такъ или иначе уцѣлѣлъ, пришлось разъ навсегда убѣдиться, что бой для каждаго отдѣльнаго участника, а равно и для всей массы, есть ни что иное, какъ постоянная, непрерывная борьба между самымъ обыкновеннымъ страхомъ (который принято называть инстинктомъ самосохраненія) и чувствомъ долга. Побѣда послѣдняго и есть та воинская доблесть, которая не можетъ быть присущена *поголовно всей арміи* въ теченіи всей кампаніи. Какъ у нѣмцевъ въ 1870—71 гг. цѣлые корпуса не могли похвастать особымъ проявленіемъ доблести (см. письма Кречмана) такъ и у насъ были неудачи съ отдѣльными частями, не оказавшія, однако, никакого вліянія на сосѣдей.

Нѣмцы остались побѣдителями—ихъ не судятъ. А мы хорошо знаемъ кличъ толпы,—„горе побѣжденнымъ“. Въ этомъ великое горе, потому что, когда свои же соотечественники возводятъ на армію неслыханную вину, то вмѣсто гордаго указанія на достигнутые результаты побѣды, намъ приходится смиренно просить послушать иностранцевъ, которые были среди насъ и видѣли все, что мы сдѣлали, что мы могли сдѣлать для родины! Послушайте иностранцевъ и поучитесь у нихъ безпристрастію и тонкому умѣнію разобраться въ причинахъ наблюдаемаго явленія.

Прислушайтесь къ словамъ иностранцевъ и убѣдитесь, что причины нашихъ пораженій въ дурномъ управленіи, въ нерѣшительности главнокомандующаго, въ неподготов-

ленности командnаго состава, въ отсутствіи системы боевой подготовки, въ полной всеобщей неподготовленности къ войнѣ, въ совершенной ея не популярности, въ работѣ, наконецъ, темныхъ силъ, приведшихъ къ революціи. И при всѣхъ этихъ условіяхъ армія воевала, постоянно отступая не иначе, какъ *по приказанію,* рѣшительно не понимая, зачѣмъ отъ нея требовались такія крупныя кровавыя жертвы. Впрочемъ, читатель увидитъ это изъ сказаній иностранцевъ, которыхъ послѣ войны пришлось собрать очень большое количество.

Противъ ожиданія, книга разрослась въ размѣрахъ, но зато авторъ свободенъ отъ упрека въ игнорированіи кого-либо изъ иностранцевъ до сихъ поръ переведенныхъ на русскій языкъ, а потому доступныхъ всѣмъ желающимъ съ ними поближе познакомиться.

А. Н. А.

I.

Начало войны; первыя впечатлѣнія иностранцевъ.

Иностранцы, наблюдавшіе явленія нашей войны съ Японіей, стараются объяснить причины нашихъ пораженій; многіе изъ этихъ наблюдателей не ограничиваются передачей своихъ боевыхъ впечатлѣній, но разбираются въ нихъ и оцѣниваютъ боевыя качества арміи, какъ одинъ изъ многочисленныхъ факторовъ, во всей совокупности дающихъ побѣду или пораженіе.

Еще задолго до начала боевыхъ столкновеній, въ настроеніи правящихъ сферъ, общества и народа кроется исходъ начатой государствомъ войны. Это хорошо знали и мы и наблюдавшіе насъ иностранцы, во главѣ которыхъ надо поставить барона Теттау, достаточно извѣстнаго въ нашихъ военныхъ кругахъ.

М. Грулевъ, переводчикъ книги барона фонъ-Теттау,[1]) совершенно правъ, говоря въ своемъ предисловіи, что „будучи наблюдателемъ вполнѣ освѣдомленнымъ, обладая притомъ, какъ человѣкъ образованный—большимъ военнымъ кругозоромъ, баронъ фонъ-Теттау не оставляетъ безъ своихъ замѣчаній ни одной операціи и часто высказываетъ весьма мѣткія и вѣрныя сужденія не только о событіяхъ,

---

[1]) Баронъ Теттау. „Восемнадцать мѣсяцевъ въ Маньчжуріи съ русскими войсками". Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей М. Грулева. Въ двухъ частяхъ. Изданіе В. Березовскаго, 1908 г.

но и о лицахъ. Но, оставаясь все время зрителемъ постороннимъ, а затѣмъ—писателемъ вполнѣ благовоспитаннымъ, авторъ выражаетъ свою критическую оцѣнку въ формѣ въ высшей степени сдержанной и объективной".

Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію, авторъ устанавливаетъ взглядъ на характеръ подобныхъ трудовъ находя, что „лишь такое повѣствованіе о военныхъ событіяхъ цѣнно, если въ немъ правдивое мнѣніе высказывается свободно и откровенно. Такимъ путемъ, только, война чему нибудь научитъ. Каждая армія въ свое время переживала періоды несчастья, какія Россія испытала въ эту войну; но тамъ, гдѣ откровенно признавались причины неудачъ, гдѣ старались устранить ихъ, тамъ снова наступали времена духовнаго подъема".

Съ первыхъ же строкъ своего труда, баронъ Теттау заводитъ рѣчь о русской арміи, о русскомъ солдатѣ, котораго успѣлъ узнать въ мирное время, въ теченіе двухмѣсячной командировки въ Россію. Прислушаемся къ словамъ этого компетентнаго иностранца. Вотъ, что онъ говоритъ: [1]) „Въ моей книгѣ, я выразился, что русскій солдатъ человѣкъ вѣрный, самоотверженный, относящійся къ начальнику съ полнымъ довѣріемъ—поэтому онъ въ рукахъ хорошихъ руководителей представляетъ собою такой матеріалъ, какой едва ли можетъ дать другая армія въ мірѣ—вотъ что я утверждалъ, утверждаю и понынѣ. Что этотъ матеріалъ все же не оправдалъ себя,—на это существуетъ много причинъ, которыя кроются собственно въ подготовкѣ и примѣненіи этого матеріала".

„Я позволю себѣ тутъ привести только одну причину, почему русскій солдатъ не всегда былъ такимъ, какъ можно было отъ него ожидать:—онъ въ нравственномъ отношеніи стоялъ ниже японскаго солдата. Это, конечно, никого не

---

[1]) Предисловіе къ нѣмецкому изданію, стр. II и III.

должно поражать. Японецъ боролся за священное дѣло, за будущность своего отечества; за японскимъ солдатомъ стоялъ весь народъ, вся печать. Въ каждомъ письмѣ всѣ близкіе японскому солдату люди старались возбудить въ немъ священную искру, убѣждая его идти на смерть за отечество; умершихъ чтили, какъ геровъ. Не то было на сторонѣ русскихъ: война не пользовалась симпатіей, въ самыхъ высокихъ кругахъ къ ней относились по меньшей мѣрѣ равнодушно, если не съ большой антипатіей. А въ народѣ ее совершенно не постигали. Солдаты, въ особенности принадлежащіе къ частямъ войскъ, расквартированнымъ въ Европейской Россіи—зачастую не знали, за что они воюютъ; въ каждомъ письмѣ близкіе спрашивали скоро ли они возвратятся, чего имъ нужно въ Маньчжуріи? Нельзя поэтому и винить русскія войска, что у нихъ энергія скоро оказалась парализованной".

Не забудемъ, что это предисловіе написано къ труду, приготовленному авторомъ къ печати уже по окончаніи войны. Въ началѣ же кампаніи, тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, авторъ, зная слабыя стороны русской арміи, все таки вѣрилъ въ ея успѣхъ. „Я питалъ большую симпатію къ русской арміи, хотя и не закрывалъ глаза на ея слабыя стороны; мнѣ неоднократно во время маневровъ представлялась возможность убѣдиться, что многаго оставляетъ желать руководительство и боевая подготовка. Но я не сомнѣвался, что война должна кончиться побѣдой Россіи, такъ какъ я зналъ, что армія ея въ основѣ хороша и въ ней царитъ превосходный духъ" [1]).

Здѣсь будетъ кстати сопоставить мнѣніе о современныхъ арміяхъ вообще и, о нашей въ частности, принадлежащее не менѣе извѣстному у насъ сэру Яну Гамильтону, состоявшему при арміи Куроки въ качествѣ Британскаго военнаго

[1]) Бар. Теттау ч. I, стр. 5.

агента. Первыя впечатлѣнія, произведенныя японской арміей, заставляютъ Гамильтона придти къ заключенію, которое онъ самъ считаетъ рискованнымъ[1]). „Въ отправленныхъ мною письмахъ“, говоритъ Гамильтонъ, „я рисковалъ послѣдними крохами моей военной репутаціи. Я предсказывалъ въ нихъ, что японская армія одержитъ успѣхъ надъ русской при условіи равновѣсія въ силахъ“...

„Недалекъ тотъ часъ, когда современному міру придется или измѣнить свои идеалы или же пасть подъ ударами народовъ, болѣе близкихъ къ природѣ, менѣе сложнаго и нервнаго типа“.

„Даже и въ настоящее время цивилизованныя націи стараются закрывать глаза на все это. Онѣ поступаютъ совершенно такъ же, какъ человѣчество, отгоняющее отъ себя помышленія о смертномъ часѣ. Гораздо легче осуждать британское военное министерство, поднимать на смѣхъ британскихъ офицеровъ и отзываться съ пренебреженіемъ о потокахъ крови и расходахъ, „коими была достигнута побѣда, надъ горстью фермеровъ“. Гораздо труднѣе стать лицомъ къ лицу съ ужасной истиной, что только примитивное состояніе бурскаго народа позволило ему такъ долго сопротивляться въ борьбѣ съ войсками, лишенными этого преимущества. Если-бы эта война началась нѣсколькими годами позже, пораженіе, нанесенное передовой цивилизованной націи отсталымъ народомъ, сопровождалось бы исчезновеніемъ британскаго владычества, имени и языка изъ Южной Африки“.

Я не могъ обойти эту цитату, считая, что во взглядахъ на современную армію, Гамильтонъ глубоко правъ, а потому намъ нельзя не считаться съ мнѣніемъ этого выдающагося военнаго дѣятеля; напротивъ, полезно внима-

---

[1]) Записная книжка штабнаго офицера во время русско-японской войны. Часть I, стр. 4—10.

тельно прислушаться къ дальнѣйшимъ сужденіямъ о насъ этого суроваго воина и безпристрастнаго человѣка.

Развѣ не вѣрно, что „теперь не время для цивилизованныхъ націй играть въ игрушки съ своей арміей или стараться провести другъ друга на Гаагской Конференціи“?

Положимъ, что игра въ игрушки съ арміей никогда и никому даромъ не проходила, а въ наши времена подобныя забавы грозятъ самому существованію государства. Насколько же мы повинны въ воинскихъ забавахъ—предоставимъ высказаться иностранцамъ, а покуда продолжимъ знакомство съ мнѣніемъ Гамильтона.

„Мощь русской арміи, въ противоположность другимъ европейскимъ націямъ, заключается въ ея нижнихъ чинахъ, крестьянахъ, до сихъ поръ находящихся въ общеніи съ природой, людяхъ крѣпкаго тѣлосложенія, коренастыхъ, терпѣливыхъ и неразвитыхъ. Но они не только не обладаютъ навыкомъ къ войнѣ, но и лишены той жизненной искры военнаго задора, который такъ сильно искупаетъ недостатки физической организаціи. Конечно, если бы русскимъ пришлось оборонять свои собственныя жилища, они были бы иными. Менѣе всего они обладаютъ независимостью характера и способностью дѣйствовать по собственному почину. Современная же война отнынѣ предъявляетъ къ этимъ качествамъ самыя высокія требованія“.

Не будемъ оспаривать взгляды Гамильтона на качества нашей арміи, потому что, какъ это ни печально, а надо признать здѣсь весьма значительную долю правды, т. е. что по части воинскаго воспитанія, мы, наканунѣ войны съ японіей, были далеко отъ идеала подготовки современныхъ армій. Офицеры сознавали это и, по обыкновенію, не стѣснялись высказывать свои мысли вслухъ. „Насъ тогда поразило, говоритъ Теттау [1]), что русскіе офицеры, съ которыми мы встрѣчались и бесѣдовали въ пути,

[1]) Теттау, ч. I. стр. 8.

уже тогда высказывали сомнѣнія насчетъ благопріятнаго исхода войны". Это настроеніе офицеровъ нельзя не учесть при оцѣнкѣ ихъ боевой службы, отлично выполненной, не взирая на убѣжденіе въ безнадежности борьбы.

Вообще, „во всѣхъ разговорахъ о войнѣ, ярко выступало пессимистическое настроеніе; хотя господствовало убѣжденіе, что японцевъ въ концѣ концовъ побѣдятъ, но тяжелой цѣной денегъ и крови; говорили, что война продолжится два, даже три года. Даже самъ командующій арміей, говорятъ, высказалъ, что объ окончаніи войны ранѣе $1^1/_2$ лѣтъ и думать нечего. Въ военномъ министерствѣ существовало мнѣніе, что ранѣе конца августа не начнутся серьезныя операціи" [1]).

„Такимъ образомъ, мы до конца мая стянемся и подвеземъ подкрѣпленія, а тамъ наступитъ періодъ дождей, продолжающійся два мѣсяца, въ теченіе которыхъ немыслимы какія-либо операціи. По окончаніи этого времени мы будемъ достаточно сильны, чтобы перейти въ наступленіе; слѣдовательно союзникомъ долженъ былъ быть періодъ дождей! Какое жестокое разочарованіе! Тропическіе дожди вовсе не наступили, а въ концѣ августа, когда собирались приступить только еще къ операціямъ, судьба войны была уже рѣшена боемъ у Ляояна" [2])!

Принятые въ Петербургѣ радушно, военные агенты Германіи были недовольны лишь тѣмъ, что отправленіе на театръ войны откладывалось со дня на день. „Для насъ было ясно, что пока намъ не желаютъ дать заглянуть въ незаконченную боевую подготовку на театрѣ военныхъ дѣйствій.

„Что тамъ дѣйствительно не все было готово,—что на самомъ дѣлѣ война захватила всѣхъ врасплохъ, въ этомъ мы убѣждались все болѣе и болѣе" [3]).

---

[1]) Теттау, т, I, стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 14.
[3]) Тамъ же, стр. 9.

Въ самой системѣ мобилизаціи не все обстояло благополучно; напротивъ, происходили значительныя тренія, не укрывшіяся отъ вниманія иностранныхъ наблюдателей.

„Мобилизаціи были частныя и съ самаго начала вызывали неудовольствіе населенія тѣмъ, что въ то время, когда изъ нѣкоторыхъ мѣстностей оказались призванными всѣ запасные, въ другихъ они оставались дома. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ непопулярностью войны вообще, повело къ довольно серьезнымъ безпорядкамъ".

„Желаніе возможно меньше ослаблять части войскъ европейской Россіи имѣло послѣдствіемъ формированіе IV, V и VI Сибирскихъ корпусовъ исключительно изъ развернутыхъ резервныхъ частей. Мѣра эта не дала хорошихъ результатовъ, такъ какъ части эти оказались значительно ниже дѣйствующихъ. Все это взятое вмѣстѣ подтверждаетъ старую истину, что новыя формированія и импровизаціи не ведутъ къ добру и, что преимущество остается на сторонѣ дѣйствующихъ войскъ, на которыя по необходимости, будетъ падать вся тяжесть рѣшительныхъ боевъ. Эта истина неизмѣнна и при современныхъ милліонныхъ арміяхъ" [1]). Ну, а мы этой истиной пренебрегли, хотя и не могли ея не знать, потому что встрѣчались съ ней въ учебникахъ тактики и администраціи.

Виновниковъ собственной халатности стали искать еще задолго до конца войны. Въ числѣ обвиняемыхъ очутился и Драгомировъ со своей системой воспитанія. И это обстоятельство не ускользнуло отъ внимательнаго иностранца. „Въ теченіе войны", говоритъ Теттау, „мнѣ приходилось часто слышать, что Драгомировская система воспитанія потерпѣла крушеніе, что часть вины за неудачи падаетъ на стараго учителя русской арміи. Можетъ быть и основательно, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ пренебреженіи къ

[1]) Поученія, извлеченныя изъ опыта Русско-Японской войны, Маіоромъ Германской службы Иммануэлемъ. Изд. В. Березовскаго, стр. 1.

дѣйствію огня, что онъ слишкомъ мало придавалъ значенія формамъ строя, и это все повело къ неправильному пониманію. Но основная мысль его ученія,—что моральная сторона одерживаетъ побѣду—подтвердилась какъ нельзя болѣе, если и нуждалась еще въ подтвержденіи именно этой войной. Что русскія войска на Дальнемъ Востокѣ не были воодушевлены этимъ духомъ, объясняется особенными, уже упомянутыми выше причинами. Во всякомъ случаѣ въ нихъ Драгомировъ неповиненъ“ [1]).

Знакомство со взглядами иностранцевъ на основныя причины неудачи нашей арміи нельзя не дополнить въ значительной степени изслѣдованіями генерала Сильвестра. Вотъ, что говоритъ о насъ этотъ воинъ и человѣкъ заслуженно высокой репутаціи.

„Маньчжурская война, въ Россіи была принята офицерами и солдатами совсѣмъ не такъ, какъ въ Японіи. Народъ не зналъ Маньчжуріи, столь мало извѣстной, впрочемъ, и людямъ культурнымъ; солдатъ не представлялъ себѣ куда его везутъ въ теченіе столь долгаго пути черезъ новыя и незнакомыя страны“.

„Полезность войны, интересъ, который къ ней могла бы проявить Россія, отъ солдата совершенно ускользалъ.

„Извѣстно, что между высшими сановниками Имперіи было не мало лицъ, считавшихъ занятіе Портъ-Артура и южной Маньчжуріи не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для Россіи. Очень многіе офицеры раздѣляли это мнѣніе и не могли интересоваться войной“.

„Никогда война, которую приходится вести не людямъ военнаго ремесла, но главнымъ образомъ резервистамъ,— не представлялась менѣе національной въ глазахъ ея участниковъ. Какое-же воодушевленіе, какое усердіе можно было найти въ войскахъ? Лишь дисциплина, воинскій долгъ являлись рычагомъ приводившимъ ихъ въ движеніе.

---

[1]) Теттау, ч. 1, стр. 11—12.

„Поспѣшимъ отмѣтить, что во многихъ случаяхъ эти качества давали замѣчательный результатъ. Но этого было мало въ войнѣ, представлявшей столько тягостей, новизны и непредвидѣнностей“.

„Запасные не были предметомъ тщательнаго выбора, съ точки зрѣнія ихъ обученія (попадались даже моряки); большинство было женато; они оставляли за собой семьи на произволъ судьбы. Всѣ люди даннаго уѣзда, признаные годными были отправлены на войну; не оставалось рукъ для обработки земли въ странѣ исключительно земледѣльческой, чтобы обезпечить пропитаніе женщинамъ и дѣтямъ. Не удивительно, что запасные получали изъ деревень отчаянныя письма призывающіе ихъ домой“.

„Революціонныя партіи распространяли передъ отъѣздомъ войскъ, и во время долгаго пути, прокламаціи, призывающія къ неповиновенію. Имъ удалось достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ и понизить духъ, который, напротивъ того, слѣдовало экзальтировать, чтобы армія могла подняться на высоту выпавшей на ея долю столь трудной задачи“.

„Природной храбрости и преданности долгу русскихъ не хватало убѣжденія въ необходимости самопожертвованія ради хорошо извѣстной, высокой цѣли. Этого убѣжденія не существовало не только среди солдатъ, но и среди большаго числа офицеровъ и даже генераловъ“.

„Между офицерами и запасными врачами были проникнутые революціонными идеями или принадлежащіе къ русскимъ революціоннымъ фракціямъ; они видѣли свой успѣхъ въ пораженіи арміи, которое какъ будто-бы могло облегчить осуществленіе ихъ вождѣлѣній рассовыхъ и сословныхъ. Ихъ дѣйствія не шли въ пользу поднятія духа арміи“.

„Многіе корпуса, импровизованные съ началомъ войны, лишенные внутренней спайки, вступали въ бой почти съ

выходомъ изъ вагона, когда начальники еще не успѣли взять своихъ людей въ руки. Понятно, что многіе и не дали на полѣ сраженія того, что отъ нихъ можно было ожидать. Между тѣмъ, тѣ же войска позднѣе пріобрѣли недостающую имъ солидность, держали себя въ бояхъ отлично и заслужили всяческія похвалы".

„Но, неудачное начало было непоправимо".

„Несмотря на всѣ превратности, выносливость русскаго солдата оставалась замѣчательной: долго не позволилъ онъ развратить себя отступленіями. Однако, послѣ Мукдена, тѣ, для которыхъ отступленіе превратилось въ бѣгство были глубоко испорчены; они потеряли свою беззаботность и сообщали прибывавшимъ укомплектованіямъ свое нравственное униженіе".

„Извѣстно, что въ это время укомплектованія составлялись изъ людей дѣйствующей арміи, старшихъ сроковъ службы. Часто они не находили со стороны стариковъ-запасныхъ въ Маньчжуріи дружескаго пріема; сліяніе этихъ категорій солдатъ происходило съ трудомъ и никогда не было полнымъ"...

„Было бы ошибкой предположить, что боевыя качества русскаго солдата за эту несчастную войну ухудшились и военное могущество Россіи потерпѣло пораженіе".

„Потери, достигавшіе 70 % для нѣкоторыхъ корпусовъ, не покинувшихъ при этомъ поля борьбы, огромная пропорція офицеровъ, убитыхъ передъ своими войсками, вотъ блестящія доказательства той душевной силы, которой обладаютъ русскіе войска. Они ничего не потеряли изъ своего упорства, дѣлавшаго ихъ всегда страшными врагу".

„Нарисовавъ картину ихъ организаціи и условій, въ которыхъ они прибыли на войну, можно заключить, что ихъ неудачи являются неизбѣжнымъ результатомъ этихъ условій".

„Безъ сомнѣнія явится вопросъ: какъ было возможно резервныя войска, эту настоящую милицію и другія части, организованныя въ условіяхъ, исключившихъ возможность внутренней спайки, въ самой Манчжуріи, превратить въ корпуса, похожіе на тѣ, которые подготовляютъ къ бою въ Европейскихъ арміяхъ. А между тѣмъ достоинство этихъ импровизованныхъ войскъ безпрерывно возрастало во время войны".

„Мѣстность въ Маньчжуріи особенно пересѣчена и вся обстановка войны столь отличается отъ того, что могли изучить и предусмотрѣть русскіе офицеры, отъ которыхъ требовалась гибкость и находчивость мало вяжущаяся съ преклоннымъ возрастомъ весьма многихъ, особенно генераловъ. Но, между молодыми обнаружилось не мало поднявшихся на высоту всѣхъ требованій современной войны. Слѣдовало безъ всякаго колебанія произвести чистку командnаго состава, чтобы повысить въ чинахъ и должностяхъ тѣхъ, способности которыхъ отмѣтитъ самый опытъ войны" [1]).

„Наконецъ, иностранцамъ разрѣшили двинуться на театръ войны. Проѣздомъ черезъ Сибирь, бар. Теттау заноситъ свои впечатлѣнія; изъ нихъ многія очень цѣнны для цѣли, преслѣдуемой этой книгой, потому что на фонѣ картины порядковъ подготовительнаго періода войны, еще рельефнѣе обнаруживаются физическія и нравственныя качества арміи. „Господствовало повсемѣстно мнѣніе", говоритъ Теттау, „что Россія употребила время переговоровъ до начала войны на мобилизацію и на перевозку по крайней мѣрѣ сибирскихъ частей войскъ; думали, что подготовлена перевозка и европейскихъ войскъ. Поэтому мы были крайне изумлены, что не видѣли на желѣзной дорогѣ цѣльныхъ частей войскъ, кромѣ подкрѣпленій изъ артиллерійскихъ частей" [2]).

---

[1]) Gen. F. Silvestre. Considerations sur la Campagne de Mandchourie (1904—1905) стр. 30—33.

[2]) Теттау ч. I, стр. 16.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
533927

Въ началѣ войны Сибирскій путь обладалъ весьма ограниченной провозоспособностью. „На востокъ ежедневно отправлялось только четыре воинскихъ поѣзда, считая и поѣзда съ воинскими грузами; артиллерія посылалась по-полубатарейно“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, нѣмцы не могли не изумляться медленности мобилизаціи и сосредоточенія сибирскихъ войскъ.

„Если мы и установили, что на западъ отъ Байкала всѣ части войскъ все еще находятся на мѣстахъ мобилизаціи, то мы думали, что резервныя и казачьи войска, находящіяся на востокѣ отъ озера, т. е. въ Забайкальи, давно ушли въ Маньчжурію; въ нихъ мобилизація началась 10-го февраля, такъ что прошло уже 7 недѣль съ того дня. Это были тѣ ближайшія войска, которыя должны были служить первымъ резервомъ для восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ бригадъ, бывшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому, мы были крайне изумлены, увидя въ Верхнеудинскѣ и въ Читѣ на вокзалѣ солдатъ 1-й сибирской стрѣлковой дивизіи; отъ нихъ мы узнали, что полки дивизіи еще въ походъ не ушли. Когда мы офицерамъ высказали свое изумленіе, то намъ давали неизмѣнно тотъ отвѣтъ, какой пришлось уже слышать въ Петербургѣ: „Къ чему намъ торопиться, еще есть достаточно времени до начала военныхъ дѣйствій!“ Постепенно для меня становилось ясно, что эта война не скоро окончится“.

„Льготные забайкальскіе казачьи полки тоже еще не были отправлены на театръ военныхъ дѣйствій, но очевидно уже собирались выступить“ [2]).

Какъ бы то ни было, а войска безпрерывно тянулись на Востокъ и подвергались наблюденію нашихъ иностранцевъ.

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 26.

„Люди, которые намъ встрѣчались, производили на насъ отличное впечатлѣніе, они были бодры и довольны“ [1]).

Какъ извѣстно, зимняя переправа черезъ Байкалъ совершалась по льду, пѣшкомъ. Если припомнить, всѣ корреспонденты отдавали справедливость бодрости и выносливости людей, легко продѣлывавшихъ 45-ти-верстный переходъ. Въ этомъ случаѣ, впечатлѣніе корреспондентовъ не расходится съ мнѣніемъ иностранцевъ. „Войска дѣлали разстояніе въ 45 километровъ черезъ озеро въ *одинъ* переходъ; они были снабжены полушубками и валенками. При нѣкоторыхъ ротахъ офицеры слѣдовали тоже пѣшкомъ вмѣстѣ съ людьми; *походный порядокъ былъ превосходный*“ [2]).

Продолжительный переѣздъ не прошелъ для нашихъ путешественниковъ даромъ; они имѣли случай близко познакомиться съ русскимъ солдатомъ, познать его такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, а не на смотрахъ и парадахъ, производимыхъ въ честь пріѣзжихъ иностранцевъ.

„Такъ какъ мы сами“, пишетъ Теттау, „ѣхали воинскимъ поѣздомъ, то не перегоняли другіе поѣзда и не могли установить, какія войска находятся въ пути. Зато съ тѣми, которыя были нашими спутниками, мы отлично познакомились. Намъ они доставляли громадное удовольствіе; это были добрые, безобидные парни, у которыхъ въ глазахъ свѣтилось добродушіе и покорность“ [3])... „Большая часть нижнихъ чиновъ пошла по собственному желанію. Довѣрчиво отправлялись они въ незнакомую страну, навстрѣчу неопредѣленному будущему. Кто знаетъ, сколько изъ нихъ увидятъ снова родину! —Здѣсь мы натолкнулись на нѣчто вполнѣ непонятное: три роты баталіона были взяты изъ 9-й пѣхотной дивизіи, а одна рота изъ 31-й ди-

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 17.
[2]) Тамъ же, стр. 23.
[3]) Тамъ же, стр. 30.

визіи. Обѣ эти дивизіи составляютъ 10-й армейскій корпусъ, назначенный первымъ, изъ числа европейскихъ корпусовъ, къ перевозкѣ на театръ войны... Надо думать, что Россія имѣла достаточно другихъ войскъ, чтобы не ослаблять выдѣленіемъ ротъ тѣ корпуса, которые находились наканунѣ мобилизаціи. Это одна изъ несуразностей этой войны, которыя впослѣдствіи горько за себя отомстили".

„Начальникъ эшелона пользовался каждымъ случаемъ, чтобы дать людямъ, которые ѣхали уже цѣлый мѣсяцъ, возможность поразмяться. Это была веселая картина, когда капитанъ приказалъ людямъ при остановкѣ на маленькой станціи около Цицикара высадиться, заставилъ ихъ бѣгать въ перегонки, прыгать съ горки и играть. Какъ маленькія дѣти весело шалили эти воины, которымъ скоро предстояло стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Въ бѣготнѣ одинъ изъ стрѣлковъ, по имени Сухомскій, потерялъ въ пескѣ свой кошелекъ съ 10 рублями. Усердно его искали, но наступило время отъѣзда и Сухомскій долженъ былъ съ грустью прекратить поиски. Его ротный командиръ добродушно подарилъ ему часть денегъ, мы тоже приложили кое-что. Но на слѣдующей станціи къ намъ пришелъ офицеръ роты и принесъ назадъ эти деньги. Какъ оказалось, Сухомскій нашелъ свой кошелекъ, который провалился въ нижнее платье. Это маленькое происшествіе сблизило насъ съ офицерами. Они пригласили насъ въ свой вагонъ, гдѣ радушно угостили. Они выбрали для себя вагонъ 3-го класса, въ которомъ сами готовили себѣ пищу. Все было просто и по-солдатски. Офицеры произвели на насъ отличное впечатлѣніе, никакого самомнѣнія или самохвальства. Они всецѣло были поглощены заботой о людяхъ" [1]).

Пусть же всѣ, столь охотно позорившіе русскаго офицера и русскаго солдата почитаютъ эти правдивыя строки

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 31—32.

образованнаго офицера-иностранца, вполнѣ подготовленнаго школой и службой къ тому дѣлу, за которое онъ взялся. Свидѣтельство такого наблюдателя дороже многочисленныхъ изслѣдованій людей, не стѣсняющихся позорить армію ради достиженія своихъ личныхъ— политическихъ или иныхъ цѣлей. Не виновата армія въ томъ, что была плохо управляема, въ томъ, что самая организація этого управленія не выдерживала критики. Во всемъ этомъ не трудно убѣдиться; стоитъ послѣдовать за барономъ Теттау въ штабы Намѣстника и командующаго арміей.

„Распредѣленіе власти на театрѣ войны, въ началѣ военныхъ дѣйствій, было своеобразное и не вполнѣ ясное. Настоящимъ командующимъ арміей былъ, несомнѣнно, генералъ-отъ-инфантеріи и генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Онъ былъ тотъ человѣкъ, на котораго были обращены всѣ взоры, отъ его талантовъ и его энергіи зависѣла участь кампаніи. Для великой задачи, поставленной ему, необходима была самостоятельность и полная свобода дѣйствій. Между тѣмъ онъ въ этомъ именно былъ ограниченъ, такъ какъ онъ былъ подчиненъ „Намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ“ адмиралу Алексѣеву, какъ главнокомандующему арміи. Впослѣдствіи причину многихъ неудачъ увидѣли въ этихъ отношеніяхъ высшаго командnаго состава; утверждали, что намѣстникъ заставилъ генерала Куропаткина предпринять операціи противъ его желанія при Вафангоу; точно также во время дѣйствій на Шахэ, онъ не далъ ген. Куропаткину всѣхъ войскъ, необходимыхъ для выполненія его плановъ. Для такихъ предположеній не существуетъ ни малѣйшихъ доказательствъ и они отчасти противорѣчатъ фактическимъ даннымъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что подчиненіе командующаго арміей адмиралу Алексѣеву должно было вызвать затрудненія и создать поводъ къ треніямъ“ [1]).

[1]) Теттау, ч. I, стр. 32.

Личный составъ штаба намѣстника вызываетъ характерную остроту иностраннаго наблюдателя: „Начальникомъ штаба былъ генералъ-маіоръ Жилинскій; остальные начальники отдѣленій носили „чисто-русскіе“ имена: генералъ-квартирмейстеръ генералъ Флугъ, дежурный генералъ — генералъ-маіоръ Клодтъ, начальникъ морского штаба контръ-адмиралъ Витгефтъ; затѣмъ начальникъ дорожныхъ сообщеній генералъ Нидермиллеръ, полковникъ Миллеръ и др.“ [1]).

И вотъ здѣсь, въ этомъ штабѣ, наканунѣ первыхъ боевыхъ столкновеній господствовало мнѣніе о противникѣ и предстоящемъ намъ образѣ дѣйствій, достойное вниманія благодарнаго потомства:

„Изъ всѣхъ разговоровъ съ офицерами мы поняли, что здѣсь, въ главной квартирѣ намѣстника, господствуетъ болѣе оптимистическій взглядъ на положеніе вещей, нежели въ Петербургѣ или даже въ штабѣ Куропаткина. Высказывалось мнѣніе, не умаляя качествъ противника, что онъ *пропустилъ надлежащій моментъ*, что теперь русскіе стали достаточно сильными, чтобы отразить атаку японцевъ въ Маньчжуріи. Необходимость отступленія, чтобы избѣгнуть атаки японцевъ до прибытія всѣхъ войскъ считалась немыслимой“ [2]).

Въ ожиданіи отъѣзда къ передовымъ отрядамъ, иностранцы внимательно приглядываются ко всему ихъ окружающему и заносятъ въ свои дневники преинтересныя вещи. Отмѣчается добродушіе русскаго народа, сказавшееся въ отношеніяхъ къ китайцамъ, которыхъ нашъ солдатъ не считалъ хуже себя.

„Отношенія между русскими и китайцами въ городахъ были хорошія, по виду даже дружелюбныя. Русскій солдатъ не считалъ китайца ниже себя, работалъ съ нимъ за

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 40.
[2]) Тамъ же, стр. 40.

одно, обращался съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Какъ часто намъ приходилось видѣть, какъ между русскимъ солдатомъ и китайцемъ завязывалась драка, причемъ иной разъ доставалось русскому, а другіе солдаты преспокойно оставались зрителями такого происшествія. Словомъ, пока ладили—дрались, мирились, но другой вопросъ были-ли такія отношенія цѣлесообразны" [1]).

Вообще, русская армія относилась съ полнымъ почтеніемъ къ религіознымъ обычаямъ китайцевъ; особенно старались соблюсти неприкосновенность могилъ.

„Русскіе почитали святость могилъ; онѣ охранялись китайскими солдатами, а впослѣдствіи и русскими часовыми. Войскамъ было настрого воспрещено рубить дрова въ окружающихъ могилы рощахъ" [2])...

...„Русскіе войсковые начальники настолько считались съ религіозными чувствами мѣстнаго населенія, что позже, когда армія стояла подъ Мукденомъ, хотѣли даже избѣгнуть сраженія у императорскихъ могилъ. Опасались, что подобное нарушеніе покоя останковъ старыхъ Императоровъ вызоветъ возстаніе въ Мукденѣ" [3]).

При первомъ же представленіи Куропаткину, иностранному офицеру, воспитанному въ духѣ наступательной тактики, пришлось сразу натолкнуться на нашу приверженность къ „позиціямъ", красной чертой проходящую черезъ всю войну. „Когда мы на слѣдующее утро были въ полной парадной формѣ, чтобы представиться командующему арміей, пишетъ Теттау, мы узнали, что генералъ Куропаткинъ только-что уѣхалъ верхомъ „на позицію". Какъ на позицію? Вѣдь позиція находится на Ялу, въ 200 километрахъ отъ Ляояна? Намъ объяснили, что командующій арміей объѣзжаетъ „позицію у Ляояна". Мы, правда, не

---

[1]) Теттау, часть I, стр. 43.
[2]) Тамъ же, стр. 51.
[3]) Тамъ же, стр. 51.

поняли, что значитъ „позиція у Ляояна“, когда противникъ еще сидѣлъ въ Кореѣ, но были довольны тѣмъ, что генер. Куропаткинъ не уѣхалъ верхомъ на Ялу, а вернется всего черезъ нѣсколько часовъ“ [1]).

Вскорѣ авторъ отмѣчаетъ, „что генералъ Куропаткинъ въ своемъ поѣздѣ настрого воспретилъ доступъ шампанскому, женщинамъ и картамъ. Стаканъ шампанскаго разрѣшался только при офиціальныхъ торжествахъ. При огромной работоспособности генерала, который любилъ лично дѣлать всѣ распоряженіи о боевой готовности и движеніяхъ арміи до мельчайшихъ подробностей—въ этомъ онъ несомнѣнно заходилъ слишкомъ далеко—остальные чины его штаба мало выдѣлялись“ [2]).

Баронъ Теттау не можетъ пожаловаться на русское гостепріимство и довѣріе, оказанное ему и болгарскому военному агенту Пападонову, но все-таки не совсѣмъ доволенъ искусственными задержками отправленія на Ялу, къ нашему Восточному отряду, гдѣ со дня на день ожидались первыя событія войны.

„О нашихъ физическихъ потребностяхъ при тяжелыхъ обстоятельствахъ на театрѣ войны позаботились съ чисто русскимъ гостепріимствомъ“ [3])...

...„Тѣмъ сильнѣе мы рвались поскорѣе къ войскамъ, стоявшимъ впереди, ближе къ непріятелю, но отправленію препятствовали разныя причины: то не хватало лошадей, то не было вещевыхъ двуколокъ, денщиковъ и т. д. Надо было мириться: „терпѣніе, терпѣніе!“—приходилось намъ ежедневно слышать и по русски и по французски, въ видѣ утѣшенія“ [4])...

...„Въ особенности въ началѣ замѣчалось, что не расположены давать намъ свѣдѣнія обо всемъ томъ, что намъ

[1]) Теттау, ч. I, стр. 52.
[2]) Тамъ же, стр. 56.
[3]) Тамъ же, стр. 55.
[4]) Тамъ же, стр. 53.

хотѣлось знать. Между иностранными офицерами это часто возбуждало неудовольствіе. Я лично не могу пожаловаться: про меня знали, что мои симпатіи на сторонѣ русской арміи, и я встрѣчалъ довѣріе. Позже, когда я и мой другъ Пападоновъ находились при корпусныхъ штабахъ, насъ обоихъ считали какъ бы своими и давали намъ какія угодно свѣдѣнія“ [1]).

Продолжительное путешестіе съ воинскимъ эшелономъ по Сибири, жизнь въ штабахъ намѣстника и арміи, наглядное знакомство съ войсками, сосредоточивавшимися на театрѣ войны, все это вмѣстѣ взятое, при условіи широкой личной подготовки, дало возможность автору произвести оцѣнку личнаго состава арміи, по родамъ войскъ.

„Качество личнаго состава было превосходное; стрѣлковыя бригады, а равно и обѣ европейскія бригады еще въ мирное время привели свои баталіоны въ военный составъ, слѣдовательно при мобилизаціи имъ не нужны были запасные. Добавленные третьи баталіоны, хотя и были вновь сформированы, но были составлены изъ отборныхъ лучшихъ людей дѣйствующихъ войскъ европейскихъ частей“ [2]).

„Отъ казаковъ можно было ожидать, что они скорѣе справятся съ тяжелыми условіями продовольствія, расквартированія и путей сообщенія, а что касается ихъ боевыхъ качествъ, то думали, что они во всякомъ случаѣ окажутся не ниже японской кавалеріи, которую вообще не ставили очень высоко. *Но тутъ оказалось, что сословіе казаковъ пережило свою славу.* Нынѣшнимъ казакамъ не достаетъ уже прирожденныхъ воинскихъ качествъ ихъ предковъ, въ особенности недоставало этихъ качествъ забайкальскимъ казакамъ, которые никогда и не были ничѣмъ инымъ, какъ землепашцами. Эти полки 2-ой очереди не обладали болѣе

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 56.
[2]) Тамъ же, стр. 59—60.

высокими боевыми качествами, чѣмъ любая ландверная кавалерія другихъ армій. Этимъ объясняется незначительная дѣятельность русской кавалеріи во время всей войны. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что на насъ сначала произвела отличное впечатлѣніе казачья дивизія Ренненкампфа; мы почти ежедневно въ концѣ апрѣля видѣли какъ ея бравый начальникъ производилъ ученье подъ Ляояномъ. Мы были поражены насколько даже движеніе галопомъ въ сомкнутомъ строю выполнялось хорошо; по внѣшнему виду полковъ нельзя было замѣтить, что они составлены изъ людей и лошадей, давно отвыкшихъ отъ службы въ полѣ. Составъ офицеровъ былъ отборный, по большей части изъ офицеровъ гвардейской кавалеріи, которые въ началѣ войны перевелись въ казачьи войска. Имя генерала Ренненкампфа было извѣстно и его боялись во всей Восточной Азіи. Если же, не взирая на все это, забайкальская казачья дивизія не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, равно какъ и всѣ прибывшія впослѣдствіи сформированныя казачьи части,—то это служитъ доказательствомъ тому, что резервная и ландверная кавалерія, даже съ хорошими начальниками, не въ состояніи отвѣчать высокимъ требованіямъ, которыя современная война предъявляетъ къ дѣятельности кавалеріи по части развѣдывательной и боевой службъ“ [1]).

Нельзя обойти молчаніемъ и мнѣніе о нашей конницѣ ген. Сильвестра, который находитъ, что „въ выборѣ конницы допущены были серьезные промахи. Изъ первыхъ пяти полковъ двинувшихся на войну, было 4 полка Забайкальскихъ казаковъ второй очереди и полкъ—третьей очереди. Мобилизованные наспѣхъ, они не имѣли никакой подготовки; 35—40% изъ нихъ не умѣли обращаться со своимъ ружьемъ; были и такіе, которые никогда въ жизни

---

[1]) Теттау, часть I, стр. 60—61.

не стрѣляли. Дивизія сибирскихъ казаковъ (4 полка) была тоже второочередная. Не удивительно, что Русская кавалерія не могла оправдать возлагавшихся на нее надеждъ.

Въ арміи не было ни дивизіонной ни корпусной кавалеріи, органически связанной со своими дивизіями и корпусами. Эти войсковыя соединенія располагали кавалеріей только временно, для развѣдки и охраненія. Поэтому, между ними не существовало той связи и внутренней спайки, которыя столь необходимы для правильнаго использованія войскъ и которыя обыкновенно обезпечиваются прочной организаціей мирнаго времени“ [1]).

„Въ артиллеріи, незадолго до войны, отчасти даже послѣ объявленія мобилизаціи, старое полевое орудіе замѣнено новымъ скорострѣльнымъ орудіемъ; при этомъ большая часть батарей стрѣляла всего разъ, а нѣкоторыя даже еще ни разу не стрѣляли изъ новыхъ пушекъ“.

„О свойствахъ этого орудія и его примѣненія у большинства артиллерійскихъ командировъ и почти у всѣхъ высшихъ начальниковъ не было ясныхъ свѣдѣній за неимѣніемъ малѣйшаго опыта. Въ артиллеріи не хватало гаубицъ и горныхъ орудій; недостатокъ этихъ послѣднихъ былъ очень чувствителенъ впослѣдствіи, во время операцій въ горной мѣстности“ [2]).

„Русская армія“, говоритъ ген. Сильвестръ, „не имѣла корпусной артиллеріи, не было организовано въ Маньчжуріи и армейской артиллеріи, такъ какъ нельзя же считать армейской артиллеріей нѣсколько мортирныхъ батарей стараго образца“.

„Въ Европѣ приходится 6 орудій на баталіонъ, между тѣмъ какъ здѣсь для первыхъ трехъ резервныхъ Сибирскихъ дивизій (IV Сиб. корпусъ) было всего 2 ор., а для сибирскихъ стрѣлковыхъ дивизій, принявшихъ на себя

---

[1]) Сильвестръ, стр. 15.
[2]) Теттау, ч. I, стр. 60—61.

первые удары врага—2,66 ор. на баталіонъ. Въ остальныхъ дивизіяхъ это число орудій достигало 3,4. Къ концу войны, въ общемъ въ арміи, на баталіонъ приходилось 2,5 ор.

Нельзя не замѣтить, что благодаря этой слабой пропорціи, роль русской артиллеріи въ бою, далеко не могла въ Маньчжуріи достигнуть того значенія, какъ это можно ожидать въ войнахъ Европейскихъ. Роль артиллеріи уменьшалась еще и потому, что русскіе не вводили въ дѣло всѣхъ батарей, а зачастую оставляли часть ихъ бездѣйствующими въ резервѣ“ [1]).

„Что намъ особенно бросилось въ глаза, говоритъ Теттау, и поражало при распредѣленіи войскъ Маньчжурской арміи, это то, что разрывалась *связь*, существовавшая въ мирное время, что высшіе начальники не знали подчиненные имъ части“.

„Во всякомъ случаѣ Россія располагала въ концѣ апрѣля въ Южной Маньчжуріи такими вооруженными силами, которыя были въ состояніи отразить первыя японскія аттаки“ [2]).

Что же предполагалось дѣлать съ этими вооруженными силами? Бар. Теттау видимо умѣлъ сходиться съ людьми; съ нимъ охотно бесѣдовали и вотъ, онъ занесъ въ свой дневникъ штабные разговоры исторической цѣнности, наглядно рисующіе безпочвенность, безсистемность веденія кампаніи, въ самомъ ея началѣ. А бѣдная армія за все это легкомысліе расплачивалась потоками крови и своей вѣковой славой.

„Намъ говорили, что „авангарду на Ялу“ поручено *сдержать японцевъ и, отходя съ позиціи на позицію до Ляояна, избѣгать рѣшительнаго боя съ японцами.* Это была тяжелая задача для армейскаго корпуса, у котораго въ тылу находились трудно проходимые горные перевалы.

---

[1]) Сильвестръ, стр. 14.
[2]) Теттау, ч. 1, стр. 62.

Для успѣшнаго выполненія такой задачи необходимо было полнѣйшее знакомство войскъ другъ съ другомъ и со своимъ начальникомъ“ [1]).

...„О положеніи дѣлъ на театрѣ войны, намъ въ Штабѣ командующаго арміей офицеры генеральнаго штаба говорили слѣдующее: „Изъ Ляояна къ Ялу ведетъ черезъ горы единственная дорога черезъ перевалъ Фынхуанченъ, она проходима для войскъ въ благопріятную погоду“; во время же дождя этой дорогой пользоваться **говорятъ** нельзя. Разсказывали, что недавно войска, шедшія походомъ къ р. Ялу, были застигнуты внезапнымъ дождемъ. Ручьи превратились въ бурныя рѣки и войска были совершенно отрѣзаны отъ своего обоза. Солдаты двигались впередъ ползкомъ, цѣпляясь за гладкіе обрывы скалъ. Кромѣ этой дороги, **говорили**, существуютъ еще только тропинки черезъ горы, по которымъ войскамъ не пройти. Переходъ цѣлой арміи въ нѣсколько коллонъ черезъ горы считался совершенно невозможнымъ. Это тяжелое предпріятіе хотѣли предоставить лучше японцамъ, но желали задержать ихъ немного на р. Ялу. Да и самый переходъ Ялу арміей Куроки въ виду присутствія авангарда Засулича казался очень рискованнымъ и не обѣщавшимъ хорошихъ результатовъ. Думали, что японцы постараются раньше высадить новыя войска между устьемъ р. Ялу и Дагушаномъ для того, чтобы освободить армію Куроки для иныхъ операцій. Если же японцы станутъ угрожать флангу генерала Засулича, то онъ отойдетъ на Фын-хуанченъ, гдѣ, **якобы** находится превосходная позиція. Не вѣрили, чтобы японцы послѣ произведенной высадки сразу двинулись на Ляоянъ; для этого не хватало перевозочныхъ средствъ“ [2]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 63—64.
[2]) Тамъ же, стр. 62—63.

„Когда я одному изъ высшихъ офицеровъ свиты командующаго арміей, который развивалъ передо мной эти взгляды, возразилъ, что на высадку японцевъ и на ихъ попытку устроить себѣ базу въ Инкоу отвѣтятъ наступательными дѣйствіями, онъ почти дословно сказалъ слѣдующее: „Что думаетъ предпринять командующій арміей, намъ, конечно, неизвѣстно, но въ штабѣ господствуетъ мнѣніе, что японцамъ слѣдуетъ дать спокойно высадиться и проникнуть въ Маньчжурію. Чѣмъ дальше они продвинутся, тѣмъ лучше! Тутъ у себя мы можемъ скорѣй разбить ихъ и быстро кончить войну. Если же мы, для достиженія маленькихъ успѣховъ, будемъ мѣшать ихъ высадкѣ, то нельзя и предвидѣть конца войны и мы вообще не будемъ въ состояніи уничтожить противника!“ [1]).

Къ разговорамъ барона Теттау съ офицерами генеральнаго штаба, весьма характернымъ дополненіемъ будетъ мнѣніе ген. Сильвестра о русскомъ генеральномъ штабѣ вообще. „Быть-можетъ“, пишетъ ген. Сильвестръ, „никто не относился съ такимъ уваженіемъ къ педагогіи, какъ русскій генеральный штабъ. Его учитель Жомини безспорно наиболѣе великій военный педагогъ, потому что онъ пытался сдѣлать изъ ученія о войнѣ математическую науку, а тайну побѣды облечь, такъ сказать, въ нѣсколько формулъ. Увы! вся эта наука съ большимъ трудомъ и добросовѣстностью воспринятая, оказалась ни къ чему. На войнѣ не столько наука играетъ роль, какъ здравый смыслъ, глазомѣръ, опытъ, рѣшимость и твердость воли“ [2]).

„Объ ожидаемыхъ подкрѣпленіяхъ говорилось, что въ маѣ прибудетъ 4-й сибирскій армейскій корпусъ съ сибирской казачьей дивизіей, а въ началѣ іюля 10-й и 17-й европейскіе армейскіе корпуса. Считали, что этихъ войскъ будетъ достаточно, чтобы нанести японцамъ ударъ“ [3]).

[1]) Теттау, ч. I, стр. 64.
[2]) Сильвестръ, стр. 87.
[3]) Теттау, ч. I, стр. 64.

Не виновата армія и въ томъ, что на театрѣ военныхъ дѣйствій, наканунѣ боя, съ ней продолжали играть въ игрушки, т.-е. дѣлали то, къ чему привыкли въ теченіе долгихъ лѣтъ мирнаго времени. Дѣйствительно, „нѣсколько разъ генер. Куропаткинъ производилъ большіе смотры, на которыхъ представлялись всѣ роды оружія; пѣхота (бригады 31-ой и 35-ой пѣхотныхъ дивизій) производила подъ музыку уставныя ученія по-бригадно. Затѣмъ, баталіоны становились другъ противъ друга на разстояніи нѣсколько сотъ метровъ и исполнялись „сквозныя атаки", т.-е они проходили одинъ черезъ другой подъ крики „ура", держа ружья на перевѣсъ. Упражненія разсыпного строя и полевой походной службы не производились. Артилерія тоже выполняла ученья только по уставу" [1]).

„Картина учебнаго поля была совершенно своеобразна. Широкая равнина была залита яркимъ солнцемъ, ее замыкала къ юго-западу странной формы Сигнальная гора, которая въ сраженіи при Ляоянѣ была центромъ главнаго боя. На сѣверѣ у вокзала возвышалась корейская башня. Если бы отсутствовали эти чисто мѣстные признаки и не видно было бы любопытствующихъ сыновъ Небесной Имперіи, можно было бы предаться иллюзіи, что находишься на парадномъ плацу гдѣ-нибудь въ Берлинѣ или другомъ мѣстѣ. Но въ насъ уже тогда заговорило предчувствіе, что недалеко то время, когда придутъ японцы; что на этихъ самыхъ поляхъ, на которыхъ сегодня войска проходятъ съ музыкой и пѣніемъ мимо своего полководца, должно разыграться рѣшеніе войны.

„Все указывало на то, что отказались до поры до времени отъ наступательныхъ дѣйствій, и у Ляояна поджидаютъ японцевъ. Стягиваніе русскихъ резервовъ вокругъ Ляояна мы объясняли себѣ до сего времени тѣмъ, что

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 65.

хотѣли выждать, пока обнаружится направленіе наступленія японцевъ. Тогда, вѣроятно, предполагалось изъ Ляояна обрушиться на нихъ всѣми силами. Но постепенно мы убѣдились, что этого намѣренія не существуетъ, по всему было ясно, что предполагалось держаться оборонительнаго образа дѣйствій“ [1]).

„Мы поѣхали на Айсяндзянъ по желѣзной дорогѣ; тамъ намъ показали ученіе 5-ой стрѣлковой дивизіи, которая занимала это укрѣпленіе. По нашей просьбѣ пѣхота показала боевой порядокъ: тонкія стрѣлковыя цѣпи безъ задержки двигаются впередъ, безъ подкрѣпленій, до встрѣчи съ непріятелемъ, резервы слѣдуютъ въ двѣ линіи“ [2]).

„Охотничьи команды двухъ стрѣлковыхъ полковъ производили передъ нами ученье въ сомкнутомъ строю, въ хорошемъ порядкѣ но они не могутъ замѣнить собою дивизіонную конницу“ [3]).

Не ускользнула отъ бар. Теттау и отличная организація довольствія арміи. „Иной разъ намъ даже казалось, что этому вопросу удѣляютъ слишкомъ много вниманія“ [4]).

„Даже послѣ сраженія на Ялу все еще непрерывно подвозилось продовольствіе, хотя уже поговаривали о возможности такого положенія, когда придется сжечь припасы, дабы они не попали въ руки японцамъ. Мы тогда часто выражали желаніе, чтобы вмѣсто мучныхъ кулей привозились бы солдаты!“ [5]).

Покуда иностранцы, оставаясь въ Ляоянѣ, изучали нашу армію, занимающуюся смотрами и парадами, на р. Ялу разыгрался первый бой, оказавшій несомнѣнное вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны. Результаты еще не были извѣстны,

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 66.
[2]) Тамъ же, стр. 67.
[3]) Тамъ же, стр. 67.
[4]) Тамъ же, стр. 71.
[5]) Тамъ же, стр. 71—72.

ходили смутные слухи, офицеры волновались, обращались съ разспросами къ иностраннымъ военнымъ агентамъ.

„О сраженіи этого дня, (артиллерійскій бой 30-го апрѣля на р. Ялу) мы ничего не знали до 3 мая, хотя носились смутные слухи. Русскіе строевые офицеры спрашивали насъ: правда-ли, что японцы захватили русскіе батареи. Намъ ничего не было извѣстно и мы считали эти слухи неправдоподобными“ [1]).

Бар. Теттау находитъ этотъ первый бой настолько поучительнымъ, что хочетъ „на этотъ разъ отступить отъ своего принципа и разсказать о немъ со словъ очевидцевъ“ [2]).

Съ этимъ намѣреніемъ бар. Теттау интересно сопоставить взглядъ Гамильтона на степень вѣрности показаній участниковъ боя. Нельзя не признать, что взглядъ этотъ, не смотря на всю его непримиримость—имѣетъ большую долю правды.

„Отъ только что свершившихся, такъ сказать свѣжеотчеканенныхъ битвою событій“, пишетъ сэръ Гамильтонъ, „нельзя ожидать, чтобы они послужили матеріаломъ для хорошо уравновѣшеннаго и исчерпывающаго всѣ подробности описанія. Съ другой же стороны настолько же очевидно, что, какъ только сраженіе проиграно или выиграно, у всѣхъ участниковъ его является стремленіе такъ скомбинировать и измѣнить исторію своей дѣятельности, чтобы въ концѣ концовъ получилась *картина, удовлетворяющая чувству національной гордости и ложной военной славы.* Тогда добросовѣстному историку уже слишкомъ поздно приниматься за работу. Онъ можетъ записать отданныя приказанія и послѣдовавшія передвиженія, можетъ построить на этихъ данныхъ всевозможныя остроумныя теоріи, какія только ему придутъ въ голову. Но къ уясненію себѣ надеждъ и опасеній, которыя диктовали эти приказа-

[1]) Теттау, ч. I, стр. 74.
[2]) Тамъ же, стр. 74.

нія, духа и способа исполненія произведенныхъ передвиженій, онъ потерялъ ключъ навсегда. По разспросамъ въ день самой битвы еще можно угадать неприкрашенную правду; на слѣдующее же утро она уже начинаетъ облекаться въ мундиръ“ [1]).

Оцѣнивая обстановку, сложившуюся для враждующихъ сторонъ далеко не одинаково, авторъ отмѣчаетъ, что „Одна армія примыкаетъ къ своей базѣ, другая какъ бы виситъ на концѣ одноколейной желѣзной дороги въ тысячу миль длиною, подобно мыльному пузырю“ [2]).

Работа нашихъ казаковъ въ Кореѣ, совершенно справедливо вызываетъ неодобреніе Гамильтона.

„2-го числа нашъ путь пролегалъ по болѣе гористымъ и лѣсистымъ холмамъ, представляющимъ рядъ позицій, гдѣ горсть буровъ могла бы задержать наступленіе цѣлой арміи. Странно, что казаки не использовали эту благопріятную обстановку“ [3]).

А страна, изъ-за которой велась борьба, стоила жертвъ приносимыхъ обѣими сторонами.

„Дорога пролегала по мѣстности достойной „бѣлыхъ людей,“ какъ эгоистично назвалъ бы ее американецъ или англичанинъ. Не удивительно, что русскіе и японцы борятся за обладаніе ею. *Она стоитъ хотя бы семилѣтней войны.* Одинъ изъ французовъ нашелъ сходство между этой почвой и почвой Бэрри въ прекрасной Франціи. Американецъ увѣрялъ, что эта мѣстность болѣе плодородна, чѣмъ большой поясъ хлѣбовъ вдоль Миссисипи. Нѣмецъ заявилъ, что Маньчжурія напоминаетъ ему горы Гарца со всѣми его домиками, только выравненными и учетверенными въ размѣрѣ рукою какого-то добродѣтельнаго духа“ [4]).

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, предисловіе.
[2]) Тамъ же, стр. 10.
[3]) Тамъ же, стр. 54.
[4]) Тамъ же, стр. 59.

Конечно, можно не согласиться съ тѣмъ, что Маньчжурія стоитъ семилѣтней войны, но бросать ее задаромъ тоже не представлялось возможнымъ. Это отмѣтилъ и бар. Теттау, на пути изъ Петербурга въ Ляоянъ.

„Многія станціи со всѣми своими жилыми домами, казармами, госпиталями и т. д. производятъ впечатлѣніе большого города, не говоря уже о Харбинѣ, который совершенно превратился въ русскій городъ. Мы все больше и больше убѣждались въ томъ, что *„изъ этой страны русскіе никогда не хотѣли, никогда и не могли уйти“*. Вѣдь никто не станетъ всаживать въ чужую страну безчисленные милліоны, чтобы завтра уйти изъ нея“ [1]).

---

[1]) Теттау, ч. 1, стр. 33.

II.

Бой у Тюренчена.

Приступая къ изложенію событій, совершившихся на р. Ялу, Гамильтонъ даетъ настолько вѣрную оцѣнку обстановки во всей ея совокупности, что съ этими страницами труда британскаго военнаго агента необходимо познакомиться, несмотря на неизбѣжныя длинноты. Преодолѣвъ это неудобство, получимъ вѣрное, безпристрастное, суровое мнѣніе о томъ насколько виноватъ отрядъ, дравшійся у Тюренчена, въ постигшемъ его несчастіи, насколько быстро онъ оправился и былъ готовъ къ продолженію борьбы.

„Русская армія, наиболѣе значительная по числу изъ всѣхъ современныхъ армій. Ея численность мирнаго времени значительно превосходитъ мобилизованную армію Микадо. Несмотря на это, ко дню неизбѣжнаго столкновенія на р. Ялу, результатъ котораго ожидался съ понятнымъ интересомъ всей Азіей, болѣе слабый противникъ сумѣлъ сосредоточить на полѣ сраженія силы, **въ семь разъ превосходившія русскихъ.** Конечно, японскій главнокомандующій былъ ближе къ своей базѣ. Однако это обстоятельство не вполнѣ можетъ извинить происходившія событія“ [1]).

---

[1]) Гамильтонъ, т. I. гл. 6-я, стр. 67.

„Прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій, я полагалъ бы необходимымъ разъяснить слѣдующіе вопросы:

Во-первыхъ: какимъ образомъ японцамъ удалось разгадать слабость русскихъ въ Маньчжуріи прежде, чѣмъ она стала извѣстной въ Европѣ и Америкѣ?

Во вторыхъ: почему Куропаткинъ не оставилъ Ялу совсѣмъ безъ войскъ, если онъ не былъ въ состояніи сосредоточить тамъ достаточныя силы? [1])

Японцы не только знали о дѣйствительной силѣ русскихъ, но и предрѣшили, что для ген. Куропаткина будетъ невозможно сосредоточить сколько-нибудь значительную часть этихъ силъ на р. Ялу. Во-первыхъ, потому что для подвоза продовольствія 30 т. человѣкъ столь удаленныхъ отъ базы, потребовалось бы *около 3 т. китайскихъ арбъ*, а о такомъ распоряженіи ничего не было извѣстно; во вторыхъ, потому что они слишкомъ вѣрили въ военныя способности Куропаткина“ [2]).

„Со стратегической точки зрѣнія трудно найти объясненіе не тому, что Куропаткинъ послалъ на р. Ялу такъ мало силъ, а скорѣе, почему такъ много. Несомнѣнно и вполнѣ понятно, что цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы насколько возможно воспрепятствовать вступленію японцевъ въ Маньчжурію. И не только для поддержанія своего престижа, но и потому, что каждый выигранный такимъ образомъ день обозначалъ собою прибытіе подкрѣпленій и военныхъ припасовъ, слѣдовавшихъ по Великому Сибирскому пути. Казалось бы, что аріергардный отрядъ въ составѣ казаковъ, посаженной на коней пѣхоты и конной артиллеріи, подобно отрядамъ, оперировавшимъ въ мартѣ и апрѣлѣ въ Кореѣ выполнилъ бы свое назначеніе, не подвергаясь большому риску. Между тѣмъ, назначеніемъ пѣхоты съ ея артиллеріей какъ бы предусма-

---

[1]) Тамъ же, стр. 67.
[2]) Тамъ же, стр. 70.

тривается серьезный бой и, если ихъ число недостаточно, то такой отрядъ легко можетъ быть отрѣзанъ".

„Итакъ, почему же ген. Куропаткинъ послалъ ген. Засулича въ Фенгхуанченгъ (Fengchuancheng) съ силами слишкомъ слабыми для достиженія сколько-нибудь рѣшительнаго результата и слишкомъ неподвижными, чтобы своевременно уклониться отъ столкновенія съ превосходными силами противника?"

„Если генераломъ, обладающимъ солидной военной репутаціей, совершаются ошибки, противорѣчащія кореннымъ принципамъ стратегіи, то почти всегда нужно искать объясненія во вмѣшательствѣ политики въ область стратегіи. Конечно, правительству, какого бы рода оно ни было, трудно воздержаться отъ подобнаго вмѣшательства".

„Вліяніе церкви на стратегію, сообщая войскамъ иногда религіозный фанатизмъ, могло еще иногда искупить этимъ нарушеніе принципа невмѣшательства въ распоряженія полководца. Но, коль скоро правительство, оставивъ свои прямыя обязанности избѣгать войнъ или ихъ создавать, примется руководить ими, то печальный результатъ не заставитъ себя долго ждать".

„Примѣръ этому мы можемъ найти въ послѣдней Южно-Африканской войнѣ. Отдѣленіе отряда изъ всѣхъ родовъ войскъ къ Донди (Dundee) въ 1899 году и отряда ген. Засулича на р. Ялу въ 1904 г. представляютъ собой два совершенно одинаковыхъ случая. Несомнѣнно, что оба эти образчика **штатской стратегіи были внушены свыше отвѣтственнымъ военноначальникамъ**" [1]).

Образцы „штатской стратегіи" конечно не могутъ не заставить призадуматься изслѣдователя, желающаго опредѣлить состояніе русскаго военнаго искусства, въ началѣ XX вѣка. Къ какому бы заключенію не пришли будущіе изслѣдователи, а войскамъ ген. Засулича, на берегахъ

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 70—71.

р. Ялу пришлось искупить ошибки стратеговъ потоками крови.

„Японцы, мнѣ кажется, оказались вполнѣ правы, объясняя себѣ посылку большихъ, но недостаточныхъ силъ на р. Ялу вліяніемъ адмирала Алексѣева на генерала Куропаткина.

„По имѣющимся въ японскомъ штабѣ ко второй половинѣ апрѣля н. с. свѣдѣніямъ о противникѣ, генералъ-лейтенантъ Засуличъ, расположившись съ 15.000 пѣхоты, 5.000 кавалеріи и 60 орудіями въ треугольникѣ Фенгхуанченгъ (Fengchuancheng), Антунгъ (Antug), Чангсонгъ (Changsong), отдѣлилъ генер. Кашталинскаго съ 6.000 чел. и 30 ор. къ сліянію р. Ялу и Айхо (Aiho) гдѣ и приказалъ имъ окопаться.

„Такимъ образомъ, волею судьбы на одного ген. Кашталинскаго, ни кѣмъ не поддержаннаго, была возложена задача подорвать престижъ Россіи въ бою за переправу черезъ эти рѣки съ 40.000 японской арміей, имѣвшей кромѣ соотвѣтствующей полевой артиллеріи еще и 20 гаубицъ“ [1]).

Армія Куроки не могла наступать по Корейскимъ путямъ съ той поспѣшностью, которая была японцамъ желательна. Рѣшили выдвинуть къ Ялу незначительный авангардъ генерала Асада; предпріятіе это было крайне рисковано и русскій отрядъ имѣлъ полную возможность этотъ авангардъ уничтожить. Надо было только обладать духомъ предпріимчивости. Но, русскій командный составъ не былъ воспитанъ въ духѣ проявленія самостоятельности, а потому японскій авангардъ остался цѣлъ и блестяще выполнилъ свою задачу по части развѣдки.

„Вотъ какъ счастливо складывалась обстановка для ген. Куропаткина! Однако ему не суждено было воспользоваться ею. До самаго 12 апрѣля н. с., въ теченіе 4-хъ дней

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 72.

со времени начала сосредоточенія японскаго авангарда въ Виджу, русскими не было проявлено ни малѣйшей попытки захватить иниціативу въ свои руки".

„Когда же попытка была сдѣлана, то, судя по способу ея выполненія, русскіе были далеки отъ истиннаго пониманія обстановки. Русскій отрядъ силой около 50 чел. приблизился къ городу и попытался переправиться черезъ рѣку. Рота японской пѣхоты легко отбросила ихъ, убивъ одного офицера и нижняго чина; офицеръ этотъ былъ поручикъ Демидовичъ, 12-го полка. На немъ было найдено письменное приказаніе проникнуть за сторожевую линію японцевъ и развѣдать ихъ силы къ югу отъ Виджу. Мои японскіе друзья, пишетъ Гамильтонъ, увѣряли меня, что всѣ сожалѣли о печальной участи этого офицера, которому съ 50 чел. было поручено предпріятіе, на которое не рѣшался его генералъ съ 6.000 чел. Эпизодъ съ авангардомъ 1-й арміи представляетъ исключительный интересъ. Дѣйствительно, черты національнаго характера одинаково можно подмѣтить и въ незначительной стычкѣ, и въ большомъ сраженіи. Несомнѣнно, если бы отрядомъ на сѣверномъ берегу Ялу командовали бы Деларей (Delarey), Бота (Botha), Деветъ (De Wet), Смутсъ (Smuts) или кто-либо изъ менѣе значительныхъ бурскихъ военоначальниковъ, слабый японскій отрядъ, двигающійся изъ Казана былъ бы атакованъ на пути въ Виджу. Если же ему дали бы достигнуть этого пункта, то ему пришлось бы вести долгую отчаянную борьбу съ противникомъ, пока прибыли бы подкрѣпленія".

„Признаюсь, подобный примѣръ нерѣшительности русскихъ убѣдилъ меня въ конечномъ успѣхѣ японцевъ больше, чѣмъ блестящая переправа послѣднихъ черезъ Ялу подъ градомъ подавляющей числомъ артиллеріи. Какъ военный, я не могу не выразить своего профессіональнаго сожалѣнія, что ген. Каштalинскій упустилъ случай нанести рѣши-

тельное пораженіе столь изолированному авангарду Асады (Asada)“ [1]).

Наша обычная халатность не покинула насъ и на берегу р. Ялу. „Былъ изданъ строгій приказъ по 1-ой японской арміи, воспрещающій офицерамъ и нижнимъ чинамъ ни подъ какимъ предлогомъ не показываться на возвышенностяхъ, лежащихъ вдоль южнаго берега рѣки.

„На сѣверномъ берегу, видимо, думали иначе. Тамъ никто не препятствовалъ весьма понятному любопытству солдатъ посмотрѣть на своего противника, и вершины холмовъ русской позиціи обыкновенно были усѣяны цѣлыми массами любопытныхъ зрителей, разсматривавшихъ противоположный берегъ. Русскіе до такой степени мало заботились о скрытности, что людямъ было даже разрѣшено поить лошадей въ рѣкѣ Айхо (Aiho) между 2 и 4 ч. пополудни и дѣлать имъ проѣздку на песчаной отмели, простирающейся отъ сѣвернаго берега рѣки до русской позиціи у холмовъ. Все это было очень соблазнительной цѣлью для японской артиллеріи, скрыто расположенной и готовой по первому знаку засыпать снарядами столь безпечнаго противника“ [2]).

Японцы безпрепятственно приводили въ исполненіе плановъ дѣйствій, разработанный еще въ Токіо. „Несомнѣнно, что у японцевъ были и другіе планы. Но, главный планъ, наиболѣе ими продуманный, прибылъ съ ними изъ Японіи и былъ приведенъ въ исполненіе безъ существенныхъ измѣненій. 1-го мая н. с. Аріергардное дѣло у Хаматона (Kamaton), конечно, не было предусмотрѣно и поэтому является наиболѣе интересной частью всей операціи, потому что неожиданность ея потребовала совершенно иныхъ распоряженій, чѣмъ тѣ, которыя вытекали изъ заранѣе выработаннаго плана“ [3]).

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 74.
[2]) Тамъ же, стр. 76.
[3]) Тамъ же, стр. 77.

Очень важно запомнить, что несмотря на всѣ мѣры, принятыя японцами для развѣдки, они не получили совершенно точныхъ свѣдѣній о насъ.

„Эти точныя свѣдѣнія стали извѣстны японцамъ только послѣ сраженія“ [1]).

Позиція, выбранная русскими на сѣверномъ берегу р. Ялу, имѣла рядъ боевыхъ преимуществъ, „другими словами, русскіе обладали превосходнымъ обстрѣломъ, лучше котораго нельзя себѣ представить“ [2]).

Но мы воспользовались имъ такъ, какъ это дѣлалось въ доброе старое время. „Пересѣченная мѣстность представляла всѣ удобства для замаскировки окоповъ, однако, русскіе, видимо, нисколько не заботились объ этомъ, потому что бруствера ихъ окоповъ представляли собой длинные прямолинейные участки грудной высоты, укрѣпленные кое-гдѣ сучьями. Подобныя сооруженія были болѣе умѣстны нѣсколько ниже, на песчанномъ грунтѣ, который значительно ослабилъ бы дѣйствіе какъ шрапнели, такъ и фугасныхъ снарядовъ“. [3]) „Русскій саперъ или артиллеристъ, строившій эти окопы, почерпнулъ вѣроятно идеи въ справочной книжкѣ своего прадѣда“ [4]).

„Но пусть британскій офицеръ не осуждаетъ строго русскихъ, потому что мы поступали совершенно такъ же, пока опытъ Южно-Африканской войны не научилъ насъ быть болѣе осторожными“ [5]).

Занимая позицію на Ялу, русскіе не уяснили себѣ тактическое значеніе мѣстныхъ предметовъ, хотя для этого было достаточно времени. „Тигровый холмъ (Tiger Hill) былъ для русскихъ совершенно тѣмъ же, чѣмъ Хленгвенъ (Hlangwene) для буровъ. Русскіе должны были

---

[1]) Гамильтонъ, т. I. стр. 77.
[2]) Тамъ же, стр. 78.
[3]) Тамъ же, стр. 78.
[4]) Тамъ же, стр. 78—80.
[5]) Тамъ же, стр. 80.

уяснить себѣ въ двѣ минуты значеніе Тигроваго холма, какъ ключа позиціи, но не британцамъ критиковать ихъ, которымъ потребовалось два мѣсяца, чтобы прійти къ подобному же заключенію о Хленгвенѣ (Hlangwene)“ [1]).

Конечно, задача обороняющагося не легка, и требуетъ отъ военноначальника выдающихся качествъ. „Я думаю, говоритъ Гамильтонъ, что обороняющемуся гораздо труднѣе успѣшно выполнить свою задачу. Онъ долженъ обладать двумя качествами: воображеніемъ и желѣзной рѣшимостью. Воображеніемъ, чтобы на основаніи имѣющихся данныхъ разгадать дальнѣйшія намѣренія противника. Желѣзной рѣшимостью, чтобы соотвѣтственно мѣняющейся обстановкѣ измѣнять свой планъ, несмотря на возраженія своего штаба и недовольство подчиненныхъ, теряющихъ часть подчиненныхъ имъ войскъ“ [2]).

Японцы, готовясь къ бою проявили большую осторожность, хотя противникъ ничѣмъ о себѣ не заявлялъ. „Они ожидали встрѣтить въ русскихъ противника, готоваго удовлетворить этой осторожности, тѣмъ болѣе, что занятое русскими положеніе можно сравнить съ неподвижнымъ положеніемъ семейной группы, передъ камерой фотографа“ [3]).

Хотя японцы и были увѣрены въ побѣдѣ, къ которой шли, такъ сказать, навѣрняка, но первые боевые шаги и при этихъ условіяхъ кажутся жуткими. „Нервное настроеніе переправлявшихся въ темнотѣ войскъ было вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе, что они приближались впервые **къ неизвѣстному и опасному противнику**“ [4]).

Какъ извѣстно, наши охотники заставили японцевъ, при ночной переправѣ черезъ Ялу пережить много непріят-

---

[1]) Гамильтонъ, т. I. стр. 80.
[2]) Тамъ же, стр. 82.
[3]) Тамъ же, стр. 85.
[4]) Гамильтонъ, т. I, стр. 86.

ныхъ минутъ, причемъ обнаружилось, что и у нашего безукоризненнаго противника были серьезныя прорухи.

Въ нижеприведенныхъ строкахъ, я даю мѣсто мнѣніямъ генераловъ Гамильтона и Сильвестра о нашемъ солдатѣ какъ о стрѣлкѣ, но, считаю нужнымъ оговорить, что въ книгѣ Р. Э. [1]) приведены цифровыя и графическія данныя, показывающія, что по результатамъ стрѣльбы въ минувшую войну, обѣ враждующія стороны стрѣляли совершенно одинаково. Тѣмъ не менѣе, познакомимся съ мнѣніемъ вышеназванныхъ иностранцевъ.

„Русскій солдатъ", говоритъ Гамильтонъ, „самый плохой стрѣлокъ, по сравненію со стрѣлками другихъ большихъ армій Европы. Это я понялъ въ то время, когда былъ начальникомъ стрѣлковой школы. Русскій солдатъ выпускаетъ небольшое количество пуль во время практической стрѣльбы и то большей частью залпами" [2]).

„Несмотря на то, что всѣ признавали русскую стрѣльбу крайне плохой, все-таки мѣстность была настолько открытой и темные мундиры японцевъ настолько выдавали ихъ сомкнутыя построенія, что они несли нѣкоторыя потери отъ огня, въ особенности при переправѣ черезъ р. Айхо. Потери эти были не особенно велики, однако заставили ихъ задержаться и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отступить [3])".

„Я повторяю, что, если бы русскіе расположились такъ, чтобы бы не представлять такой превосходной цѣли для японской артиллеріи и были-бы лучшими стрѣлками, потери японцевъ должны были бы быть въ пять разъ больше, по крайней мѣрѣ. Въ расположеніи русскихъ на оборонительной позиціи было много погрѣшностей, но позиція эта

---

[1]) Р. Э. Основы боевой муштры. Переводъ съ нѣмецкаго М. Энвальдъ. стр. 32, рис. 2.

[2]) Гамильтонъ, т. I, стр. 98.

[1]) Тамъ же, стр. 99.

обладала такимъ свойствомъ, которое все это искупало, именно великолѣпнымъ обстрѣломъ“ [1]).

„Часто говорили“, пишетъ ген. Сильвестръ“, что искусство стрѣльбы мирнаго времени не имѣетъ большого значенія на войнѣ. Это мнѣніе противорѣчитъ дѣйствительности. Недостатокъ большей части русской пѣхоты, въ этомъ отношеніи, неоднократно. давалъ преимущество ея противнику настолько серьезное, что подобныя мнѣнія должны быть изгоняемы, какъ опасныя утопіи, не выносящія боевого опыта“.

„Теперь болѣе чѣмъ когда либо имѣетъ капитальную важность обученіе стрѣльбѣ и дисциплина огня. Стрѣльбу должно производить не иначе какъ лежа, или изъ-за закрытія. Офицеры должны быть въ томъ же положеніи какъ и войска. Привычка русскихъ офицеровъ держаться подъ огнемъ стоя привела къ тому, что скоро очень многіе части лишились-бы офицеровъ, если-бы Россія не представляла собой неисчерпаемаго ихъ источника, подобнаго которому ни одна другая армія не будетъ имѣть въ случаѣ національной войны“ [2]).

Конечно, недостатковъ обученія мирнаго времени проявили мы въ достаточной мѣрѣ. Что дѣлать, этотъ недостатокъ всегда можно наверстать, если доблесть не утрачена. Вотъ тутъ то и важно прислушаться къ словамъ опытнаго воина, смотрѣвшаго на насъ со стороны противника. **„Русскіе оказали сильное сопротивленіе у Секійо, противъ праваго фланга 12-ой дивизіи“** [3]).

„Орудія, повозки, и пѣхота, наполнявшія долину, были въ самомъ безпомощномъ смятеніи и японцы занимали по отношенію къ нимъ такое же командующее положеніе, какое занимаетъ въ театрѣ галлерея надъ партеромъ.

---

[3]) Гамильтонъ, т. I, стр. 101.
[2]) Сильвестръ, стр. 103.
[3]) Тамъ же, стр. 103.

Однако, несмотря на все это, вѣчная слава русскимъ; они отказались сдаться и въ то время, когда нѣкоторые изъ нихъ старались вырыть себѣ закрытіе, другіе пытались уйти черезъ сѣверную вершину „холма-бритвы“ [1]).

„Еще разъ повторяю, припомнивъ расположеніе русской артиллеріи 30-го апрѣля, что, если-бы генеральный штабъ въ Петербургѣ тщательно изучилъ тактику артиллеріи, имѣющей дѣло съ значительно превосходящимъ по числу противникомъ, напримѣръ, тактику буровъ, то русскимъ батареямъ удалось бы легче выйти изъ того ужаснаго положенія, въ которое они были поставлены“ [2]).

„То обстоятельство, что 40.000 чел. форсировали переправу, оборонявшуюся только 6.000, способно скорѣе отвлечь вниманіе отъ ошибокъ обороняющагося. Дѣйствительно, успѣхъ японцевъ, казался неизбѣжнымъ, какъ бы искусны ни были распоряженія и тактика русскихъ. Бросающаяся въ глаза профиль окоповъ русской пѣхоты, пожалуй, была самой грубой изъ всѣхъ ошибокъ. Артиллеріи не приходилось и мечтать о лучшей цѣли. Только полное прикрытіе головы стрѣлка могло бы еще возмѣстить этотъ недостатокъ русскихъ окоповъ. Они были грудной профили и не давали никакого закрытія головъ стрѣлковъ; для этого не было принято никакихъ мѣръ. Но невозможно строго судить русскихъ за это упущеніе, потому что вообще нигдѣ на континентѣ не учатъ солдатъ, что устройство бойницъ есть наиболѣе важное усовершенствованіе полевыхъ окоповъ“ [3]). „Но не намъ приходится критиковать русскихъ, пусть мою критику докончатъ тѣ, которые увѣрены, что поступили бы лучше“ [4]).

Такъ представлялась Гамильтону боевая дѣятельность нашей арміи въ сраженіи на р. Ялу. Нельзя сказать, чтобы

---

[1]) Гамильтонъ, т. I. стр. 110.
[2]) Тамъ же, стр. 111.
[3]) Тамъ же, стр. 114.
[4]) Тамъ же, стр. 116—117.

авторъ особенно преклонялся передъ талантами Куроки и образомъ дѣйствій его арміи. „Не спеціалисты еще могутъ быть приведены въ восхищеніе подвигами Куроки, но мы, военные, не должны забывать критики. Въ тотъ день, когда японцы встрѣтятся съ дѣйствительно первокласнымъ полководцемъ, страсть къ принятію безчисленныхъ мѣръ для безопасности операціи можетъ послужить причиной пораженія нашихъ осторожныхъ, маленькихъ друзей".

Ген. Сильвестръ немного распространяется о нашихъ дѣйствіяхъ на Ялу, но заключеніе этого почтеннаго автора не можетъ быть обойдено молчаніемъ.

„Въ бою подъ Тюренченомъ, русскіе сопротивлялись съ удивительной энергіей, цѣпляясь за каждую складку мѣстности и постепенно отходя съ позиціи на позицію, чтобы обезпечить своимъ путь отступленія. Всего 5.000 ч. и 16 орудій вели борьбу съ 40.000 и 120 ор. японцевъ. Этотъ первый бой не соотвѣтствовалъ плану и проэктамъ Куропаткина. Что же касается начальника русскаго отряда, то, повидимому, ему въ теченіе конца апрѣля мѣсяца ни на одну секунду не была дана свобода дѣйствій, самостоятельность и иниціатива, безъ коихъ нельзя принять рѣшеніе и не можетъ быть отвѣтственности".

„Безпрестанно онъ получалъ изъ штаба командующаго арміей наставленія, подробнѣйшіе приказы и поученія. Но въ критическую минуту начальникъ отряда только въ самомъ себѣ долженъ былъ искать рѣшеніе представлявшейся ему задачи. Руководя въ такой степени своими подчиненными, командующій арміей и самъ не избѣгъ опеки адмирала-намѣстника и Петербургскаго главнаго штаба" [1]).

Баронъ Теттау критикуетъ наши дѣйствія въ бою подъ Тюренченомъ безпощадно, но ни разу части войска не заслуживаютъ упрека въ недостаткѣ мужества, выносли-

[1]) Сильвестръ, стр. 44.

вости, въ утратѣ чувства долга. Да не посѣтуетъ читатель за количество выдержекъ, взятыхъ изъ труда бар. Теттау; сдѣлано это въ цѣляхъ убѣдительности той общей мысли, которая здѣсь проводится.

„Начавшуюся послѣднюю часть боя", говоритъ бар. Теттау, „можно описать лишь въ общихъ чертахъ. 12-й полкъ и подоспѣвшій къ нему на выручку 11-й стрѣлковый полкъ вели геройскій смертельный бой противъ непріятеля, превосходившаго ихъ численностью въ десять разъ и охватившаго ихъ со всѣхъ сторонъ" [1]).

„Храбрый командиръ 11-го стрѣлковаго полка, [2]) когда ему указали на необходимость отступать, въ виду того, что отрядъ изъ Антуня давно уже въ безопасности, возразилъ: „**я получилъ приказаніе прикрыть отступленіе всего отряда, за это я отвѣчаю головой**" [3]).

„Въ этотъ критическій моментъ было принято отчаянное, но героическое рѣшеніе: **пробить себѣ дорогу штыками**. Въ то время, когда пулеметная рота и 1-й баталіонъ 11-го стрѣлковаго полка осыпали выстрѣлами японцевъ, преграждавшихъ проходъ, 3-й баталіонъ 11-го полка изготовился къ штыковому удару. За 3-мъ баталіономъ стала музыка, 1-ая рота со знаменемъ и нестроевая рота отъ главнаго перевязочнаго пункта. Полковой священникъ благословилъ баталіонъ крестомъ, и войска пошли въ атаку подъ звуки музыки. На каждомъ шагу отъ убійственнаго непріятельскаго огня падали убитые и раненые" [4]).

„Тѣмъ временемъ, 3-й баталіонъ 11-го стрѣлковаго полка, не взирая на ужасающія потери, точно по учебному полю, стройно прошелъ 1000 шаговъ подъ звуки музыки для удара въ штыки; четыре раза замѣчалось колебаніе,

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 85.

[2]) Полковникъ Лайминг, убитый въ этомъ бою, во время извѣстной контръ-атаки.

[3]) Тамъ же, стр. 86.

[4]) Тамъ же, стр. 87.

но люди все же снова шли впередъ. Музыкантская команда изъ 32 челов. уже потеряла 16, но она не отставала отъ баталіона, продолжая играть атаку. Японцы уклонились отъ штыкового удара, очистили проходъ и отошли на сѣверъ, чтобы обстрѣлять этотъ проходъ съ болѣе отдаленной позиціи. Этимъ мгновеніемъ и воспользовались русскіе, чтобы добраться до дороги въ Хаматанъ. Храбрые стрѣлки не покинули раненыхъ товарищей; ихъ провели и пронесли подъ градомъ непріятельскихъ пуль. **Обѣ батареи и пулеметное отдѣленіе потеряли почти всѣхъ лошадей и были принуждены, вынувъ затворы, оставить орудія въ рукахъ японцевъ** [1])".

...„Потери русскихъ были огромныя: изъ 6000 человѣкъ бывшихъ въ бою, 2300 человѣкъ, не считая 70 офицеровъ, было ранено и убито. 11-й и 12-й стрѣлковые полки потеряли половину своихъ офицеровъ; самыя большія потери приходятся на батареи, которыя потеряли 75% офицеровъ, 67—77% нижнихъ чиновъ и 84% лошадей, кромѣ орудій. Было разстрѣляно 800,000 патроновъ [2])"

„Вечеромъ 30-го апрѣля всѣ командиры были проникнуты убѣжденіемъ о необходимости очистить позицію безъ боя, но утромъ 1-го мая взгляды начальствующихъ лицъ на этотъ вопросъ нѣсколько разъ мѣнялись. Зналъ-ли командиръ 22-го полка объ этихъ колебаніяхъ мнѣній, получалъ-ли онъ вообще послѣ вечера 30-го апрѣля какія-либо приказанія? Все это не выяснено, а имѣетъ, между тѣмъ, существенное значеніе при обсужденіи поведенія 22-го полка. Вѣдь ясно изъ всѣхъ отданныхъ распоряженій, что въ этомъ бою *недоставало единства руководительства и опредѣленныхъ приказаній*. Очевидно, что *не было и связи* между 22-мъ стрѣлковымъ полкомъ и войсками на позиціи у Тюренчена. Позиція же у Потетынза нахо-

[1]) Теттау стр. 88.
[2]) Тамъ же, стр. 88.

дилась на разстояніи 3—4 километровъ отъ Тюренчена. А генер. Кашталинскій только черезъ 4 или 5 часовъ узналъ отъ бѣжавшаго фельдшера объ оставленіи позиціи. Если бы въ дѣйствительности была передача какихъ либо приказаній или извѣщеній откуда-нибудь 22-му полку, то это отступленіе стало бы давно извѣстнымъ, даже если-бы командиръ полка упустилъ послать столь важное донесеніе [1])".

По-дѣломъ достается намъ за веденіе развѣдки. Дѣйствительно, „въ этой именно гористой и пересѣченной мѣстности охотничьи команды являлись превосходнымъ матеріаломъ для развѣдки и поддержанія связи. Но гдѣ же находились эти команды? Изъ четырехъ охотничьихъ командъ 3-й стрѣлковой дивизіи команда 11-го полка—въ передовой линіи южнѣе Тюренчена, команды 10-го и 12-го полковъ находились при частной поддержкѣ, команда 9-го полка была, вѣроятно, при полку въ общемъ резервѣ. Остается неизвѣстнымъ, какое примѣненіе было дано охотникамъ 22-го полка. Командированные вверхъ по теченію р. Ялу казаки, вѣроятно, ушли на сѣверъ и избѣгли встрѣчи съ 12-ю японскою дивизіей, которая тамъ переправилась черезъ Ялу. Такимъ образомъ, русскіе узнали о переходѣ японцевъ черезъ Ялу ночью съ 30-го апрѣля на 1-ое мая лишь по стуку орудій и повозокъ, но оставались въ полномъ невѣдѣніи объ обходѣ лѣваго фланга" [2]).

Съ перваго же боя стали сказываться недостатки боевой подготовки артиллеріи; обнаружилось, что „артиллеристы мало были знакомы съ новыми скорострѣльными орудіями. Послѣ сраженія приходилось неоднократно слышать, какъ выражали желаніе, *чтобы артиллеріи снова вернули старыя орудія*. О скрытомъ выѣздѣ на позицію, о стрѣльбѣ по закрытой цѣли ничего не знали. Весьма часто батареи

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 89.
[2]) Тамъ же, стр. 90.

устанавливались высоко на горахъ, видимыя далеко, и превосходная непріятельская артиллерія быстро принуждала ихъ къ молчанію. Даже не было сдѣлано попытки ввести въ дѣло всю артиллерію, которой располагали; обѣ батареи, расположенныя въ трехъ мѣстахъ, не были въ состояніи хоть не надолго задержать наступленіе японцевъ. Поэтому эта задача выпала на долю только одной пѣхотѣ“ [1]).

Состоявшіе при штабѣ арміи иностранные офицеры, обсуждая положеніе вещей, образовавшееся послѣ Тюренчена, не могли не удивляться нашей пассивности, нашему равнодушію къ высадкамъ японцевъ. „Офицеръ генеральнаго штаба, состоящій при насъ, передавалъ генер. Куропаткину о нашихъ взглядахъ, на что, говорятъ, генералъ сказалъ: „Чѣмъ больше японцы высадятъ войскъ къ сѣверу отъ Портъ-Артура, тѣмъ лучше, мѣшать имъ не слѣдуетъ“. Разсказывали намъ, что генер. Куропаткинъ намѣревается отказаться отъ южной Маньчжуріи для того, чтобы оттянуть японцевъ подальше отъ ихъ базы, постепенно утомить ихъ и разорить въ финансовомъ отношеніи; поговаривали также, къ нашему ужасу, объ отступленіи къ Харбину“ [2]).

Серьезность создававшейся обстановки, въ штабѣ арміи понимали немногіе. О зарождавшихся же отступательныхъ намѣреніяхъ Куропаткина онъ самъ далъ понять въ шутливомъ тонѣ.

„Иностраннымъ офицерамъ онъ (ген. Куропаткинъ) замѣтилъ шутя: „Если кому-нибудь придетъ фантазія купить себѣ домъ въ Ляоянѣ, то я не посовѣтую; въ Мукденѣ можно, куда ни шло, сдѣлать попытку снять домъ въ аренду на короткій срокъ, но въ Харбинѣ можно, не задумываясь, пріобрѣсть собственность“. Далѣе генералъ прибавилъ: „Кое-кто имѣлъ желаніе проѣхаться въ Портъ-

---

[1]) Теттау, ч. 1, стр. 90—91.
[2]) Тамъ же, стр. 92.

Артуръ, чтобы самому пережить бомбардировку, это удовольствіе можно теперь испытать и здѣсь!“ [1]).

Выдѣляются взгляды и другихъ иностранцевъ на бой у Тюренчена. Такъ, Иммануэль, изслѣдуя вопросъ объ управленіи операціями, говоритъ: „Поставленную задачу Засуличъ рѣшилъ неудачно, но задача эта ставила его въ такое положеніе, изъ котораго, вѣроятно, не нашелъ бы выхода и другой, болѣе опытный генералъ.

„Въ общемъ, изъ операціи на Ялу позволительно сдѣлать выводъ, что слѣдуетъ возможно рѣже высылать слабые отряды.

„Если начальникъ такого отряда неспособенъ уловить то время, когда нужно начать отступленіе, пораженіе является неизбѣжнымъ. Казалось, было бы правильнымъ выслать къ Ялу всю свободную кавалерію, поддержавъ ее сильнымъ отрядомъ и поручивъ ей вынудить противника принять обширныя мѣры для наводки мостовъ, а затѣмъ отступить. Выигрышъ во времени, достигнутый боемъ на Ялу, не имѣетъ значенія по сравненію съ громадными потерями и моральнымъ потрясеніемъ“ [2]).

Картинѣ сраженія на Ялу посвящаетъ нѣсколько строкъ и маіоръ германскаго Генеральнаго Штаба ф.-Лютвицъ: „Русскіе медленно отступали къ западу. Наибольшія потери они понесли около Хаматана, гдѣ были настигнуты японцами, открывшими по нимъ сильный огонь съ фронта и фланговъ.

„Вслѣдствіе шестернаго превосходства въ пѣхотѣ и подавляющаго артиллерійскаго огня, атака позиціи далась японцамъ легко: потери ихъ не превышали 30 офицеровъ и 1,000 нижнихъ чиновъ“ [3]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 94.

[2]) Иммануэль, стр. 9.

[3]) Ф.-Лютвицъ. Атаки японцевъ во время войны въ Восточной Азіи 904—5 г.г., изд. В. Березовскаго.

Съ особымъ вниманіемъ останавливается на Тюренченской операціи швейцарскій агентъ при арміи Куроки полковникъ ф.-Герчъ; его разборъ сраженія на Ялу заслуживаетъ серьезнаго изученія. Между прочимъ, ф.-Герчъ говоритъ: „Хотя, такимъ образомъ, предположенія Засулича и были ошибочны, но не въ нихъ кроется причина неудачи русскихъ. Несмотря на ошибочную оцѣнку мѣстныхъ условій, многіе дѣльные генералы одерживали побѣды".

„Не такъ поступили русскіе. Узнавъ въ концѣ марта, что японцы направляются къ Ялу, они составляютъ нѣсколько предположеній о вѣроятныхъ дѣйствіяхъ своихъ противниковъ, располагаютъ свои войска противъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ ожидаютъ переправы, и затѣмъ ничего болѣе не предпримаютъ".

„Кавалерію свою они располагаютъ къ западу отъ Саходзы, вдоль побережья и вверхъ по Ялу, считая, что этого достаточно для сбора свѣдѣній о противникѣ. 30 марта (12 апрѣля), когда вся японская кавалерія и большая часть пѣхоты уже собрались къ Ичжу, на противоположный берегъ Ялу былъ высланъ офицеръ и 50 нижнихъ чиновъ, которымъ было приказано произвести развѣдку. Люди эти, конечно, попали въ руки японцевъ. Послѣ этого русскіе даже и не пытались выяснить, что происходитъ на лѣвомъ берегу Ялу".

„Какимъ образомъ отправлялась сторожевая служба, видно изъ того, что въ ночь на 12 (26) апрѣля баталіону, посланному для занятія Кинтея, удалось незамѣтно переправиться черезъ рѣку, шириною въ 400 шаговъ, при чемъ русскія передовыя части отошли, не оказавъ никакого сопротивленія. Послѣ этого нечего удивляться, что не только Осеки, но и важный Тигровый холмъ были очищены безъ боя".

„Тѣмъ не менѣе, русскіе не могли не знать, что японцы сосредоточились къ Ичжу, а слѣдовательно—должны

были ожидать ихъ атаки. Поэтому, независимо отъ того, въ какомъ бы пунктѣ ни была произведена атака, они должны были приготовиться ее встрѣтить. Тигровый холмъ можно было превратить въ почти недоступный фортъ, а изъ трехъ естественныхъ рубежей за Эйхо,—создать весьма сильныя позиціи".

„На самомъ же дѣлѣ, кромѣ нѣсколькихъ орудійныхъ окоповъ, построенныхъ заранѣе, къ укрѣпленію позиціи было приступлено только непосредственно передъ самой атакою.

„Русскіе ожидали свою участь въ полномъ бездѣйствіи.

„Наводка мостовъ черезъ главный рукавъ и наступленіе гвардіи и 2-й дивизіи не могли остаться скрытыми для русскихъ. Если бы Засуличъ вообще желалъ добиться чего-нибудь, то для него наступило время начать дѣйствовать. Сосредоточивъ ночью всѣ свои силы на Эйхо, онъ могъ бы держаться въ продолженіе цѣлаго дня и затѣмъ отойти съ сознаніемъ, что продержался противъ тройного превосходства силъ и не былъ разбитъ. Однако, этого сдѣлано не было, а днемъ нечего было и думать притягивать войска къ Эйхо отъ Саходзы. Тѣмъ не менѣе, Засуличъ могъ отойти безъ потерь, сохранивъ, такимъ образомъ, за собою репутацію дѣльнаго генерала.

„Упорный бой, веденный всѣми силами, и своевременное отступленіе послѣ него безспорно оказали бы могучее воздѣйствіе на духъ арміи и народа, въ особенности принимая во вниманіе численное отношеніе силъ. Оставленіе позиціи безъ боя также можно было бы объяснить заранѣе составленнымъ планомъ. Но вести 7 баталіонами и 2 батареями бой противъ 36 баталіоновъ и 24 батарей, при условіи, что 8 баталіоновъ и 3 батареи бездѣйствовали въ тылу, было совершенно неправильно и доказывало отсутствіе таланта" [1]).

[1]) Герчъ, стр. 17—20.

Въ числѣ высказавшихъ мнѣніе о нашей арміи видное мѣсто должно принадлежать побѣдоносному врагу. Особенно интересно узнать, къ какому заключенію пришли японцы еще до войны, на основаніи изученія нашей военной исторіи и наблюденія за современнымъ обученіемъ и воспитаніемъ арміи. Эти свѣдѣнія черпаемъ изъ выпусковъ первой серіи австрійскаго военнаго журнала Штреф-лера [1]), гдѣ помѣщено описаніе русской арміи японскимъ генераломъ еще до возникновенія войны.

„Въ предисловіи описывается способъ веденія войны русскими въ 1812, 1853—1856 и 1877—1878 годахъ. Разбирая литературу объ упомянутыхъ кампаніяхъ, затѣмъ моральныя свойства русской арміи, существующую организацію, обученіе и дисциплину русскихъ войскъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „японцы не будутъ имѣть передъ собой войска выдающіяся“.

„Русскую армію онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: Главный контингентъ офицеровъ стоитъ не на очень высокой степени развитія; военное обученіе идетъ по шаблону, поэтому офицеры лишены иниціативы. Исключеніе найдется развѣ только среди генераловъ и гвардейскихъ офицеровъ. У высшихъ начальниковъ, даже на войнѣ и въ бою, часто рѣзко выдѣляются личные интересы, что является помѣхой для совмѣстныхъ дѣйствій въ достиженіи намѣченной цѣли“.

„Нижніе чины почти поголовно не получили школьнаго образованія; они сильны физически, высоки ростомъ, неутомимы въ походѣ, выказываютъ въ бою упорство и большое терпѣніе; поэтому противнику слѣдуетъ остерегаться принимать не строго обдуманныя мѣры. Но русскому солдату нехватаетъ строгой дисциплины и осмысленной храбрости, и даже частичная неудача дѣйствуетъ на него парализующимъ образомъ“.

---

[1]) Въ переводѣ на русскій языкъ издалъ В. Березовскій.

„Обученіе въ общемъ поверхностное, въ стрѣльбѣ— посредственно, такъ какъ въ мирное время производится рѣдко боевая стрѣльба; поэтому излюбленнымъ видомъ стрѣльбы являются залпы. Охотно примѣняется фланговый огонь сильными отдѣленіями или стрѣлковыми „батареями“. Практикуется очень употребленіе штыка. Русскіе питаютъ пристрастіе къ ночнымъ предпріятіямъ и атакамъ съ разсвѣтомъ. Въ виду того, что русскіе немедленно пользуются и небольшими успѣхами, рекомендуется самимъ переходить въ наступленіе, дабы помѣшать и частичнымъ успѣхамъ русскихъ“.

„При оборонѣ русскіе предпочитаютъ вмѣсто главной позиціи занимать передовую позицію, но не умѣютъ пользоваться мѣстностью. Въ горахъ и на пересѣченной мѣстности, они дѣйствуютъ очень неумѣло. Они безнаказанно допускаютъ противника на близкую дистанцію къ укрѣпленной позиціи, съ цѣлью осыпать его затѣмъ огнемъ. Связь между отдѣльными участками позиціи часто бываетъ неудовлетворительна. При отступленіи населенные пункты обыкновенно сжигаются.

„Казаки предпочитаютъ „малую войну“ и примѣняются для нападеній на колонны, обозы, этапные пункты и т. д. Во время кампаніи 1877—1878 г.г. они не могли похвастаться никакими выдающимися дѣйствіями; пѣхотѣ, обладающей выдержкой, нечего опасаться казаковъ.

„Но нужно быть настороже и противъ самыхъ невѣроятныхъ предпріятій казаковъ и имѣть это особенно въ виду при собственномъ охраненіи.

„Въ заключеніе, авторъ напираетъ на то, что хотя японской арміи и нечего опасаться противника, но она не должна слишкомъ низко его оцѣнивать. Для боя должны быть произведены самыя тщательныя рекогносцировки и подготовка, и разъ начатое дѣло должно быть рѣшительно

доведено до конца, не взирая ни на какія возникающія затрудненія [1])".

Сообщеніе, сдѣланное въ Лондонѣ капитаномъ Винцентомъ (состоявшимъ военнымъ агентомъ при арміи Куроки), выказываетъ уваженіе автора къ нашей артиллеріи, быстро совершенствовавшейся на театрѣ войны послѣ жестокихъ уроковъ, преподанныхъ противникомъ, начиная съ Тюренчена.

„Офицеры континентальныхъ армій", говоритъ кап. Винцентъ, „повидимому, пользуются большей свободой въ опубликованіи своихъ мнѣній, чѣмъ офицеры нашей арміи. Русскіе артиллерійскіе офицеры, принимавшіе участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Манчжуріи, свободно обсуждали въ печати вопросы, связанные съ обученіемъ и вооруженіемъ артиллеріи, и указывали на ихъ недостатки, особенно въ началѣ кампаніи" [2]).

„Въ началѣ войны русскіе артиллеристы были поставлены въ затруднительное положеніе новымъ вооруженіемъ, новымъ и сложнымъ способомъ пристрѣлки шрапнелью, устарѣвшимъ строевымъ уставомъ, отсутствіемъ телефоновъ и сигнализаціи, отсутствіемъ орудійныхъ щитовъ, неумѣніемъ пользоваться закрытыми позиціями, а также и незнакомствомъ старшихъ строевыхъ артиллерійскихъ начальниковъ съ современнымъ употребленіемъ артиллеріи. Однако, несмотря на все это, русскіе артиллеристы вполнѣ заслужили тѣ похвалы, которыя слышны какъ въ русской, *такъ и японской* арміи. Та артиллерія, которая на сѣверномъ берегу Ялу ставила свои орудія открыто на командующихъ высотахъ, въ настоящее время считаетъ, что не прямая наводка по угломѣру съ закрытыхъ позицій есть нормальный способъ стрѣльбы полевой артиллеріи" [3]).

---

[1]) Извлеченіе изъ журнала Штрефлера; изд. В. Березовскаго, выпускъ XVI, стр. 5—6.

[2]) и [3]) Артиллерія въ Манчжурскую кампанію. Сообщеніе англійскаго капитана Винцента. Изд В. Березовскаго.

Въ сочиненіи о русско-японской войнѣ генерала германской службы ф.-Лигница находимъ характеристику психологическаго состоянія враждующихъ сторонъ. Жестокій приговоръ произнесенъ здѣсь авторомъ русскому обществу, съ его партійными раздорами и полнымъ равнодушіемъ ко всѣму, происходившему на театрѣ военныхъ дѣйствій.

„У русскихъ не было сознанія необходимости защищать вѣру и отечество, и цѣль войны была непонятной для нихъ. Во время продолжительнаго переѣзда по желѣзной дорогѣ, они убѣждались въ томъ, что Россія—громадна, и имъ представлялось, что отъ нихъ требовали покорить еще одну страну, населенную несимпатичнымъ народомъ.

„Вслѣдствіе новыхъ формированій, существующая въ русской арміи привязанность и любовь къ своей части не могла проявиться въ должной мѣрѣ. Офицеры и нижніе чины были собраны изъ войсковыхъ частей, разбросанныхъ по всей территоріи обширнаго государства, и даже офицеры не знали другъ друга.

„Въ бой вступали полки, въ которыхъ внутренняя спайка отсутствовала. Затѣмъ, когда впослѣдствіи на театръ войны были направлены старые полки, отличавшіеся во время турецкой войны, въ арміи уже господствовало разочарованіе.

„Къ этому присоединились безразличное отношеніе высшаго общества, надежды либераловъ нанести ударъ существующему режиму *и недостатокъ честолюбія у массы армейскихъ офицеровъ*.

„Въ то время, когда въ Японіи съ начала войны прекратилась всякая партійная рознь, русскіе либералы и радикалы пытались воспользоваться труднымъ положеніемъ правительства для борьбы съ нимъ и, такимъ образомъ, стали союзниками враговъ государства.

„На собраніи либераловъ, имѣвшемъ мѣсто 14 декабря 1904 года и предшествовавшемъ безпорядкамъ, бывшимъ въ Петербургѣ, былъ высказанъ протестъ противъ „ужасной, безцѣльной войны, начатой помимо желанія народа". „Россія",—говорилось тамъ,—„не нуждается въ земельныхъ приращеніяхъ, такъ какъ не въ состояніи управлять надлежащимъ образомъ тѣмъ, что она имѣетъ". На этомъ собраніи одинъ изъ ораторовъ, послѣ описанія ужасныхъ сценъ, якобы происходившихъ во время мобилизаціи, говорилъ: „Развѣ можетъ идти рѣчь о патріотизмѣ, если призванные на службу запасные грабятъ и предпочитаютъ тюрьму участію въ войнѣ, причины которой не имѣютъ ничего общаго съ любовью къ отечеству". Представители рабочихъ говорили, что война безцѣльна, непопулярна и окончательно разоритъ страну. Они предпочитали жертвовать жизнью въ борьбѣ съ правительствомъ, смерти на полѣ сраженія.

„Эти протесты противъ войны и вѣсти о безпорядкахъ весьма быстро доходили до Восточной Азіи, отзывались вредно на дѣйствіяхъ войскъ и способствовали подъему духа у противника" [1]).

Дѣйствія русскихъ въ бою подъ Тюренченомъ, фонъ-Лигницъ оцѣниваетъ весьма поучительно; начиная директивами Куропаткина и кончая послѣдними аккордами боя—все здѣсь достойно вниманія безпристрастнаго изслѣдователя о русской арміи въ минувшую войну.

„13-го (26-го) апрѣля онъ (ген. Куропаткинъ) телеграфировалъ генералу Засуличу, что необходимо имѣть въ виду нанести японцамъ возможно большія потери во время самой переправы, а 16-го (29-го) генералъ Куропаткинъ высказывалъ: „Первыя, даже незначительныя столкновенія оказываютъ большое вліяніе на духъ войскъ въ послѣдую-

[1]) Японо-Русская война. Сочиненіе ген. отъ инфантеріи германской службы ф.-Лигницъ. Изд. В. Березовскаго, стр. 10—11.

щихъ бояхъ, поэтому важно, чтобы даже при отступленіи войска убѣдились въ своемъ превосходствѣ надъ численно болѣе сильнымъ противникомъ. Для этого необходимы: тщательная подготовка, сосредоточеніе достаточныхъ силъ и энергичныя дѣйствія даже во время частныхъ переходовъ въ наступленіе".

„Всѣ эти указанія—оказывать энергичное сопротивленіе, ничѣмъ не рискуя, должны были поставить начальника восточнаго отряда въ трудное положеніе, тѣмъ болѣе, что генералъ Куропаткинъ временами проявлялъ извѣстную увѣренность въ успѣхѣ" [1]).

„Между тѣмъ, русскія охотничьи команды успѣшно производили развѣдки, и къ 9-му (22-му) апрѣля разными путями были собраны слѣдующія свѣдѣнія: въ окрестностяхъ Ичжу находится болѣе дивизіи; противъ Амбихэ, верстахъ въ 12-ти вверхъ по рѣкѣ, расположено не менѣе полка; линія охраненія тянется до Сяопусихэ. Чанщенгъ, повидимому, занятъ противникомъ, а южнѣе р. Помахуа находится лишь небольшое количество войскъ. У Іонампо происходитъ выгрузка предметовъ, похожихъ на понтоны, и тамъ же заготовляются лодки. Корейское населеніе выселено изъ окрестностей Ичжу.

„Свѣдѣнія эти отвѣчали дѣйствительности. Позднѣйшія развѣдки и наблюденія также давали въ общемъ правильную картину расположенія японцевъ и принятыхъ ими мѣръ для подготовки переправы, однако значительныя потери развѣдывательныхъ партій вызвали со стороны генерала Куропаткина телеграмму отъ 14-го (27-го) апрѣля, въ которой онъ обращалъ вниманіе Засулича на дѣятельность охотниковъ. „Дѣятельность" эта,—писалъ онъ,—„хотя и отличается блестящею храбростью, но, принимая во вниманіе мѣстныя условія, не можетъ быть одобрена, такъ какъ

[1]) Ф.-Лигнецъ стр. 19.

влечетъ за собою большія потери, не давая полезныхъ результатовъ“ [1]).

„Благодаря прекрасной дѣятельности передовыхъ постовъ и выгоднымъ мѣстнымъ условіямъ, русскіе были такъ хорошо освѣдомлены о противникѣ, какъ это рѣдко бываетъ при оборонѣ участка рѣки [2]).

„Вѣроятно, генералъ Куропаткинъ не ожидалъ боя въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ 18-го апрѣля (1-го мая) отправился въ Мукденъ для осмотра войскъ и переговоровъ съ китайскими властями. Такъ какъ исходъ перваго боя не могъ не имѣть большого „политическаго“ значенія, то, казалось, ему слѣдовало сдѣлать запросъ въ Петербургѣ, цѣлесообразно ли принять бой, исходъ котораго, въ виду безусловнаго превосходства противника, представлялся сомнительнымъ“ [3]).

17-е (30-е) апрѣля.

„Русскіе повторили ошибку, сдѣланную французами подъ Вейсенбургомъ 4-го августа 1870 года, но въ послѣднемъ случаѣ вопросъ шелъ о вторженіи противника въ предѣлы Франціи, между тѣмъ какъ въ 1904 году приходилось только отказаться отъ части китайской территоріи, что, конечно, не могло произвести столь же сильное моральное впечатлѣніе. Повидимому, русскіе разсчитывали на свое излюбленное „авось“, которое не разъ выручало ихъ въ тяжелыхъ положеніяхъ, но на Ялу оно имъ измѣнило“ [4]).

18-е апрѣля (1-е мая).

Настигнуть русскихъ, отошедшихъ, въ 12 часовъ дня, однако, не удалось, и только одинъ баталіонъ 30-го полка

---

[1]) Лигницъ, стр. 20.
[2]) Тамъ же, стр. 22.
[3]) Тамъ же, стр. 22.
[4]) Тамъ же, стр. 26.

(2-й дивизіи) около 5 часовъ дня принялъ участіе въ бою у Хаматана.

„Этимъ послѣднимъ боемъ, длившимся нѣсколько часовъ, закончился **несчастный, но не безславный для русскихъ день**“.

Проявленное въ этомъ бою геройское поведеніе русскихъ признается и ихъ противниками. Въ одномъ японскомъ описаніи говорится:

„У Хаматана русскіе оказывали отчаянное сопротивленіе и дрались съ величайшимъ упорствомъ, сломить которое удалось только нашему перекрестному огню. Ужасный бой окончился въ 6 часовъ вечера“. Послѣ боя японскіе офицеры говорили: „Красивые и большіе ростомъ люди 11-го полка защищались, какъ дикіе кабаны, было жалко стрѣлять въ нихъ“ [1]).

„Невыгодное впечатлѣніе, произведенное исходомъ перваго крупнаго боевого столкновенія на сушѣ, сглаживалось проявленною русскими войсками храбростью, а также тѣмъ, что неудача совершенно правильно приписывалась ошибкамъ въ управленіи боемъ“ [2]).

Къ этому необходимо добавить взгляды автора на планы военныхъ дѣйствій намѣстника и командующаго арміей. Какъ извѣстно, между ними существовало разногласіе, пагубно отзывавшееся на ходѣ военныхъ дѣйствій. За эту двойственность въ организаціи управленія операціями расплачивалась та же армія, столь сильно провинившаяся передъ отечественными писателями новѣйшаго фасона, вѣроятно, считающими себя въ числѣ истинно любящихъ свою многострадальную родину и ея доблестную армію.

„Изъ своего пребыванія въ Японіи генералъ Куропаткинъ вынесъ убѣжденіе, что Японія является весьма

---

[1]) Лигницъ, стр. 38.
[2]) Тамъ же, стр. 39.

серьезнымъ противникомъ, твердо рѣшившимъ добиться удовлетворенія своихъ требованій и считающимъ себя подготовленнымъ къ войнѣ лучше Россіи. Въ противоположность этому взгляду, адмиралъ Алексѣевъ высказывалъ въ своемъ планѣ, составленномъ въ ноябрѣ 1903 года, что при теперешнемъ соотношеніи силъ русскаго и японскаго флотовъ возможность пораженія перваго совершенно исключается и что высадка японцевъ у Инкоу или въ Корейскомъ заливѣ немыслима“ [1]).

„Въ составленномъ ген. Куропаткинымъ 2-го (15-го) февраля докладѣ говорилось, что главною цѣлью операцій перваго періода войны должно быть стремленіе избѣжать частныхъ пораженій. Никакимъ мѣстнымъ предметамъ (за исключеніемъ крѣпостей) не должно придавать такое значеніе, чтобы при ихъ оборонѣ недостаточными силами головныя части русскихъ войскъ могли бы испытать неудачу. Необходимо собрать достаточныя силы ранѣе, чѣмъ предпринять наступательныя дѣйствія.

„Если бы высказанный выше взглядъ не подвергся впослѣдствіи измѣненіямъ, то первый періодъ войны, вѣроятно, былъ бы удачнѣе для русскаго оружія“ [2]).

„Генералъ Куропаткинъ избралъ Ляоянъ, а не Мукденъ пунктомъ высадки войскъ и сбора запасовъ; при этомъ онъ, можетъ-быть, руководствовался желаніемъ имѣть у себя въ тылу столицу Манчжуріи съ ея императорскими могилами и центромъ китайской администраціи. По условіямъ мѣстности, окрестности Мукдена представляли больше выгодъ для устройства оборонительной позиціи, чѣмъ Ляоянъ, тѣмъ болѣе, что расположеніе близъ послѣдняго легко обходилось съ лѣваго фланга, гдѣ проходили пути на Мукденъ. Успѣхъ, одержанный на мукденскихъ позиціяхъ, можно было развить переходомъ въ наступленіе въ

[1]) и [2]) Лигницъ. Японско - Русская война. Изд. В. Березовскаго стр. 30—31.

южномъ направленіи; подъ Ляояномъ же сдѣлать это было трудно, такъ какъ командующія окрестныя высоты препятствовали дебушированію“ [1]).

Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ сказаніямъ иностранцевъ, необходимо ознакомиться съ офиціальными донесеніями японцевъ, поскольку это ведетъ къ достиженію цѣли, преслѣдуемой этой книгой, т.-е. выясняетъ качества русской арміи въ минувшую войну.

Объясняя причины войны, М. Кинай, составитель сборника донесеній, указываетъ, что: „Неприкосновенность Кореи служила всегда для японцевъ предметомъ особой заботы не только благодаря традиціоннымъ сношеніямъ ихъ съ этой страной, но и потому, что самостоятельное существованіе Кореи важно для безопасности ихъ государства“ [2]).

Оцѣнка дѣйствій противника у японцевъ не отличается многорѣчивостью, напротивъ—донесенія эти совсѣмъ кратки.

„1 мая (18 апрѣля) послѣ полудня непріятель оказывалъ упорное сопротивленіе нашимъ преслѣдующимъ войскамъ, вслѣдствіе чего наши потери возросли еще на 300 человѣкъ убитыми и ранеными. Противникъ отчаянно бился до конца. Около двухъ батарей русской артиллеріи потеряли большую часть своихъ людей и лошадей“ [3]).

„Плѣнный русскій офицеръ говоритъ, что въ бою 1-го мая 5 или 6 батальоновъ пѣхоты и двѣ батареи артиллеріи отошли въ полномъ порядкѣ, но остальныя русскія войска были совершенно приведены въ замѣшательство“ [4]).

---

[1]) Лигницъ, стр. 33.

[2]) Русско-Японская война. Офиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Собралъ М. Кинай. Изд. В. Березовскаго, стр. 4.

[3]) Тамъ же, стр. 124.

[4]) Тамъ же, стр. 129.

Оставляя достовѣрность этого показанія на совѣсти плѣннаго русскаго офицера, если таковой не выдуманъ побѣдителями при Тюренченѣ, привожу выдержку изъ донесенія, которое можетъ насъ привести лишь въ крайнее изумленіе.

„Они (русскіе) прослѣдовали по желѣзной дорогѣ до Ляояна и, высадившись, шли походомъ по 25 миль въ день, дойдя въ Анджу черезъ Чхо-анъ и Кай-ченгъ. Большая часть людей неохотно вступала въ бой съ японцами и духъ у нихъ былъ совершенно подавленный. Они были снабжены пищей для себя и фуражемъ для своихъ лошадей на 12 дней, а остальную часть пути должны были питаться, грабя туземцевъ“ [1]).

Всякому, хоть сколько-нибудь интересовавшемуся минувшей войной извѣстно, что продовольственная часть въ арміи была поставлена очень хорошо. Но, возражать М. Кинаю не буду, предоставляя слово барону Теттау.

„Не существуетъ разногласія во мнѣніяхъ, что русское интендантство въ манчжурскую кампанію дало больше, чѣмъ отъ него можно было требовать. Это отчасти объясняется личностью неутомимаго интенданта генерала Губера, но прежде всего—безпрестанной заботливостью генерала Куропаткина о благѣ войскъ. Сама Манчжурія, хотя она по природѣ очень плодородна, представляла для снабженія арміи сравнительно мало продуктовъ, такъ какъ потребности китайцевъ иныя, чѣмъ потребности европейцевъ [2]). Правда, не было разнообразія въ пищѣ, но русскому солдату это и не важно: онъ доволенъ, если есть чай, борщъ и каша“ [3]).

---

[1]) М. Кинай, стр. 132—133.
[2]) Теттау, ч. I, стр. 70—71.
[3]) Тамъ же, стр. 70—71.

„Меня бы завело слишкомъ далеко“, заканчиваетъ бар. Теттау, „если бы я остановился подробнѣй на всѣхъ мѣропріятіяхъ интендантства. А только скажу, что довольствіе арміи было великолѣпно организовано. Иной разъ намъ даже казалось, что этому вопросу удѣляютъ слишкомъ много вниманія“ [1]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 70—71.

III.

Дѣйствія Восточнаго отряда.

Въ этой главѣ сосредоточены свѣдѣнія иностранцевъ о дѣйствіяхъ нашего Восточнаго отряда на многострадальномъ пути отступленія отъ Фынхуанченга до Ляояна. Такъ какъ здѣсь не имѣется въ виду дать изслѣдованіе всѣхъ боевъ, происшедшихъ въ разсматриваемый періодъ войны, то обозначеніе времени по старому и новому стилю не приведено къ единообразію. Не переведена также японская транскрипція населенныхъ пунктовъ на тотъ китайскій языкъ, который принятъ въ нашихъ описаніяхъ войны.

Не сдѣлано все это и потому, что здѣсь имѣется въ виду дать характеристику арміи въ минувшую войну, но не описаніе войны.

Какъ извѣстно, послѣ Тюренченскаго боя начальникомъ Восточнаго отряда былъ назначенъ генералъ гр. Келлеръ, который увѣрялъ барона Теттау, „что онъ чувствуетъ себя ниже своей задачи, о чемъ онъ говорилъ и Куропаткину, но что по силѣ разумѣнія постарается выполнить свой долгъ“. Слѣдствіемъ его неувѣренности въ командованіи войсками было то, что онъ постоянно находился въ передовой линіи. Вмѣсто того, чтобы только руководить дѣйствіями своего корпуса, онъ считалъ себя обязаннымъ вліять на свои войска *личнымъ примѣромъ*“ [1]).

Съ перваго знакомства съ расположеніемъ отряда получалось впечатлѣніе неутѣшительное. „Такое располо-

[1]) Теттау, ч. I, стр. 106.

женіе отряда совершенно исключало его примѣненіе для активныхъ дѣйствій, отъ которыхъ, повидимому, совершенно отказались. Выдвинутыя впередъ части войскъ должны были, стоя на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ, задержать по возможности наступленіе японцевъ и затѣмъ постепенно отходить къ Ляндясаню. Здѣсь была главная позиція, гдѣ собирались оказать противнику серьезное сопротивленіе, а тогда уже отступить къ Ляояну".

„Эти пассивныя дѣйствія отряда повлекли за собой то, что *мѣстопребываніе и силы противника были совершенно не выяснены*" [1]).

Стоя лицомъ къ лицу съ противникомъ, который уже далъ себя знать при первомъ знакомствѣ на р. Ялу, наши заботились прежде всего и больше всего о томъ, что составляетъ предметъ особой заботливости мирнаго времени вплоть по настоящее время. Ожидался пріѣздъ Куропаткина. „Графъ Келлеръ выѣхалъ навстрѣчу командующему арміей, чтобы сопровождать его на позиціи. По дорогѣ, по которой долженъ былъ проѣхать генер. Куропаткинъ, его ждали остальныя войска, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ до его пріѣзда мы издали слышали, какъ они добросовѣстно учились привѣтствовать его: „здравія желаемъ вашему превосходительству" или же: „рады стараться, ваше превосходительство!"

„Пока войска упражнялись такимъ образомъ, мы, иностранные офицеры, летали то на правый, то снова на лѣвый флангъ почетнаго караула, такъ какъ начальство не могло сговориться, гдѣ намъ быть надлежитъ" [2]).

Но всѣ эти важныя въ боевомъ смыслѣ хлопоты занимали начальство. Войска тутъ не при чемъ; да и впечатлѣніе они на всѣхъ производили самое лучшее. „Стрѣлковъ похвалили за ихъ молодецкій видъ. Нужно сознаться: они

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 107.
[2]) Тамъ же, стр. 113.

не производили впечатлѣнія разбитаго войска. Здѣсь впервые было замѣчено то, что впослѣдствіи наблюдалось часто, а именно, что русскій солдатъ скоро справляется съ впечатлѣніями и вліяніемъ пораженій; онъ обладаетъ способностью быстро оправляться отъ понесеннаго удара. Черезъ недѣлю послѣ потеряннаго сраженія все шло своимъ порядкомъ, точно ничего не случилось. Правда, за это нужно было благодарить японцевъ, которые, можетъ-быть, вынужденные обстоятельствами, мало пользовались своими побѣдами, такъ что послѣ нѣкотораго времени русскіе могли сомнѣваться, побиты ли они въ дѣйствительности. И теперь противникъ пребывалъ, очевидно, въ бездѣйствіи, такъ что постепенно вернулись покой и надежда на лучшее будущее“ [1]).

Весьма кстати упоминаетъ дальше баронъ Теттау о составѣ нашихъ офецеровъ. Мнѣніе этого свидѣтеля, компетентнаго въ военномъ дѣлѣ, безпристрастнаго и подчасъ даже суроваго въ своихъ приговорахъ, нельзя не поставить впереди цѣлаго ряда нашихъ корреспонденцій съ театра военныхъ дѣйствій.

„Я хотѣлъ бы“, пишетъ б. Теттау, „возразить противъ весьма распространеннаго мнѣнія, что русскіе офицеры во время войны употребляли алкоголь въ неумѣренномъ количествѣ. Правда, когда праздновались полковые праздники или при тому подобныхъ случаяхъ подавались всевозможные напитки... и бывало весело. Позже въ тылу арміи, въ особенности въ Харбинѣ, царила разнузданная жизнь, но это были уродливыя явленія, которые неминуемы въ такую продолжительную войну; имъ благопріятствовали притомъ продолжительные періоды покоя. Нужно помнить, что строевые офицеры живали по цѣлымъ мѣсяцамъ въ палаткахъ и землянкахъ и были лишены малѣйшихъ удобствъ и удовольствій; вполнѣ понятно, что, когда представлялась

[1]) Теттау, ч. I, стр. 115.

возможность, нѣкоторые хватали черезъ край. Но вообще въ войскахъ, а въ особенности въ штабахъ жили вполнѣ солидно, да и не было что пить: пиво и вино было недоступно дорого и даже водку можно было доставать съ трудомъ. Въ штабѣ Восточнаго отряда гостепріимный графъ часто приказывалъ подавать къ обѣду и ужину для всѣхъ офицеровъ красное вино; выпивали по одному или по два стаканчика, а многіе, въ особенности офицеры генеральнаго штаба пили только чай. Конечно, бывали исключенія, но въ общемъ въ русской арміи пили не больше, чѣмъ это могло быть въ каждой другой арміи при одинаковыхъ условіяхъ“ [1]).

Совершенно основательно удивленіе посторонняго наблюдателя по поводу введеннаго въ арміи вознагражденія раненыхъ. Надо сознаться, что подобныя мысли въ нашихъ штабахъ никому не приходили въ голову. „Это было странное распоряженіе генерала Куропаткина, чтобы каждый раненый офицеръ или нижній чинъ получалъ точно опредѣленное денежное возмѣщеніе. Кромѣ того, по статуту полагалось выдавать каждому раненому унтеръ-офицеру и солдату, имѣвшему право быть принятымъ въ лазаретъ, но остающемуся добровольно въ строю, знакъ отличія военнаго ордена. Это всегда казалось мнѣ крайне несправедливымъ. Не велико геройство оставаться въ строю, если рана даетъ возможность, а если рана настолько тяжела, что при всемъ желаніи *нельзя* оставаться въ строю?“ [2]).

Съ первыхъ же шаговъ по пути къ противнику сказались всѣ наши прорухи по части комплектованія и обученія арміи. Не говоря уже о безцѣльности предпринятаго движенія къ Саймотзы, вся организація операціи не предвѣщала ничего хорошаго. „31-го мая были сдѣланы всѣ приготовленія для похода. Черезъ Лянсянгуань прошли,

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 123.
[2]) Тамъ же, стр. 114.

направляясь къ мѣсту сбора у Тсаохегоу, 10-й, 11-й и 12-й полки. Составъ послѣднихъ двухъ полковъ тѣмъ временемъ совсѣмъ измѣнился: для пополненія убыли у Тюренчена прибыли запасные, отчасти старшихъ сроковъ службы,— было много людей 39 лѣтъ, поэтому не удивительно, что многіе, утомленные походомъ, отставали" [1]).

„Въ виду того, что нѣкоторыя части выступили только наканунѣ утромъ изъ Тхавуаня и пришли въ Тсаохегоу лишь поздно вечеромъ, послѣ перехода въ 40 километровъ слишкомъ, то выступленіе было отложено,—для авангарда— на $^1/_2$ часа, а для главныхъ силъ—на 1 часъ. Сначала главныя силы должны были пойти вслѣдъ за авангардомъ черезъ два часа, т.-е. слѣдовать на разстояніи 8 километровъ. Это соотвѣтствуетъ принципамъ русской арміи, или, лучше сказать схемамъ,—русской полевой службы. Здѣсь эта схема была непримѣнима".

„Графъ Келлеръ поздоровался съ войсками, поздравилъ ихъ съ „походомъ" и изложилъ имъ задачу отряда—дать „японцамъ въ морду" и затѣмъ, увидѣвъ достаточно, снова отступить, такъ какъ у генерала Куропаткина нѣтъ пока достаточно войска, чтобы перейти въ наступленіе всей арміей. Но это время, сказалъ онъ, уже недалеко! У всѣхъ насъ было предчувствіе, что завтра будетъ серьезный бой" [2]).

„Только что мы двинулись дальше, какъ было получено донесеніе, что разъѣздъ дошелъ до Сайматзы съ юга, черезъ долину Бодаохе и тамъ противника не нашелъ. Виденъ былъ только одинъ непріятельскій разъѣздъ, который отошелъ. Все это не говоритъ въ пользу развѣдочной дѣятельности казаковъ, которые это свѣдѣніе получили отъ пѣхотной охотничьей команды" [3]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 124.
[2]) Тамъ же, стр. 126.
[3]) Тамъ же, стр. 127.

Это первый упрекъ иностранца нашимъ казакамъ. Увы, чѣмъ дальше, тѣмъ этихъ упрековъ—все больше. Не лестно мнѣніе Теттау и о готовности артиллеріи отряда къ бою на походѣ. Дѣйствительно, хозяйственныя соображенія неоднократно приводили нашу артиллерію на походѣ къ роли безмѣрно перегруженнаго обоза.

„Сами по себѣ орудія были не легкія, но тутъ на каждомъ было еще нагружено, равно какъ и на передкахъ, по 7 пудовъ овса и другіе предметы. Если бы колонна была атакована на походѣ, то артиллерія не была бы готова къ бою“ [1]).

Походъ на Сайматзы продолжался недолго. Гр. Келлеръ „получилъ телеграмму отъ генер. Куропаткина, что онъ *не одобряетъ* предполагавшагося назавтра похода на Айя-ямынь: дѣло кавалеріи произвести развѣдку въ ту сторону. Поэтому графу слѣдуетъ поспѣшно возвратиться и занять перевалы, такъ какъ есть предположеніе, что японцы намѣрены наступать на Модулинскій перевалъ и далѣе на западъ [2])... Несомнѣнно, что войска совершили нѣчто выдающееся въ этомъ походѣ при самой неблагопріятной погодѣ и тяжелыхъ путяхъ сообщенія“ [3]).

Такъ совершенно зря растрачивали энергію арміи, безпечно помышляя, что источникъ этотъ неистощимъ. Развѣдку наша конница производить не умѣла, потому что этому главному виду боевой службы и въ мирное время обучали коекакъ, отлично зная, что смотровъ развѣдки не бываетъ. Вотъ и происходило, что „вечеромъ въ Самайтзы прибыли два полка дивизіи Ренненкампфа; находясь уже въ разстояніи двухъ верстъ отъ деревни, они не знали, занята она японцами или нѣтъ“ [4]).

---

[1]) Теттау, ч. I. стр. 127.
[2]) Тамъ же, стр. 128—129.
[3]) Тамъ же, стр. 130.
[4]) Тамъ же.

...„Въ виду того, что кавалерія ничего не выяснила, графъ Келлеръ приказалъ при каждомъ полку образовать одну или двѣ команды пѣшихъ охотниковъ, изъ 40—80 человѣкъ; онѣ должны были совмѣстно съ конными охотничьими командами, для которыхъ онѣ служили поддержкой, производить развѣдки. Японская кавалерія была значительно болѣе осторожна, чѣмъ русская. Она оставалась въ горахъ непосредственно около своей пѣхоты, что и было правильно, такъ какъ кавалерія одна не можетъ производить развѣдку. Если когда-нибудь замѣчалась японская конница, то было ясно, что за ней идетъ и пѣхота“ [1]).

Когда узнали о взятіи японцами позиціи у Кинчжоу, опредѣлилось отношеніе къ этому событію Куропаткина, а главное—его дальнѣйшія намѣренія въ смыслѣ выручки Портъ-Артура. „Графъ Бобринскій разсказалъ, что взятіе японцами Кинчжоу 26-го мая произошло очень неожиданно; Кинчжоу представляетъ ключъ къ укрѣпленному району Портъ-Артура. Но все-таки генералъ Куропаткинъ, даже рискуя паденіемъ Портъ-Артура, *не намѣренъ итти на выручку, пока не сосредоточитъ всѣхъ войскъ*“ [2]). А выручать-то пришлось, вопреки убѣжденію командующаго арміей въ необходимости этой операціи.

Между тѣмъ, графу Келлеру предстояла работа, которую ему навязалъ Куропаткинъ, не позаботившись объ обезпеченіи этого предпріятія достаточнымъ количествомъ войскъ. Графъ Келлеръ, совершенно не думавшій о самомъ себѣ, не могъ, конечно, не безпокоиться за участь порученнаго ему и такъ дурно обставленнаго дѣла.

„6-го іюня графъ Келлеръ уѣхалъ верхомъ въ Линдятай во 2-ой Читинскій казачій полкъ, чтобы раздать, по порученію командующаго арміей георгіевскіе кресты. Чтобы достойно отпраздновать этотъ случай, полкъ выписалъ изъ

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 132.
[2]) Тамъ же, стр. 130.

Ляояна ресторатора и приготовилъ завтракъ, за которымъ играла музыка; это, вѣроятно, стало извѣстно японцамъ черезъ ихъ китайскихъ шпіоновъ. Во время завтрака казакъ привезъ донесеніе, что японская пѣхота подвигается съ юга; ему не повѣрили и продолжали праздновать; получилось второе донесеніе, которому тоже не придали вѣры, но завтракать стало уже не столь пріятно. Когда, наконецъ, казакъ примчался въ карьеръ и донесъ, что непріятельская пѣхота горами, окружающими долину, обошла Линдятай, нельзя было болѣе сомнѣваться въ правильности донесенія. Тогда сѣли на лошадей, казаки—ихъ было всего лишь 1—2 сотни—изготовились къ лавѣ, и всѣ направились *шагомъ* по долинѣ на сѣверъ. Съ высоты раздавались выстрѣлы, 1 казакъ и 1 лошадь были ранены, а 1 лошадь убита. Съ величайшимъ хладнокровіемъ графъ ѣхалъ посрединѣ лавы, имѣя за собой свой командный флагъ; пули свистали со склоновъ безпрерывно. Только черезъ полчаса, когда разстояніе отъ японцевъ стало настолько большимъ, что не было никакой опасности, графъ обратился къ своей свитѣ со словами: „Я надѣюсь: насъ не станутъ обвинять въ трусости, если мы теперь поѣдемъ рысью“!.. [1]) По дорогѣ мы открыли, что никто изъ насъ, офицеровъ, не имѣлъ при себѣ револьвера, такъ что ружье одного казака, бывшаго при насъ, составляло единственное наше огнестрѣльное оружіе. Я упоминаю объ этомъ для доказательства того, какъ беззаботно графъ относился къ самому себѣ и какъ мы всѣ забыли объ опасностяхъ, благодаря незначительности иниціативы, проявленной японскими передовыми постами, въ особенности—ихъ кавалеріей“ [2]).

„Когда мы посмотрѣли на исхудалыхъ казачьихъ лошадей, которыя представляли изъ себя только кожу и кости,

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 133.

[2]) Тамъ же, стр. 135.

то поняли, что этой кавалеріи нельзя уже предъявлять большихъ требованій. Болѣе мѣсяца полкъ находился въ передовой линіи, въ постоянномъ соприкосновеніи съ непріятелемъ, и все это время офицеры, люди и лошади терпѣли страшныя лишенія“ [1]).

„Графъ Келлеръ, получивъ приказаніе демонстрировать въ сторону Фынхуанчена, считалъ указанное ему предпріятіе безнадежнымъ; еще три дня тому назадъ предоставляли въ его распоряженіе для наступательнаго образа дѣйствій 20 баталіоновъ, а теперь, говорилъ онъ, „у меня все отняли!“ Даже если бы удалось захватить Фынхуанченъ, то и тогда отряду пришлось бы немедленно вернуться, такъ какъ онъ не обезпеченъ продовольствіемъ. Очень сомнительно, чтобы отрядъ нашелъ бы свободный путь отступленія, въ особенности въ виду того, что, по донесеніямъ, и у Сайматзы снова находятся большія японскія силы“ [2]).

Вскорѣ баронъ Теттау былъ назначенъ состоять при штабѣ X армейскаго корпуса, съ которымъ онъ и продѣлалъ всю остальную часть кампаніи. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ перваго знакомства съ начальствомъ корпуса, весьма поучительны. Не забудемъ, что X корпусу пришлось выполнить нѣсколько наиболѣе трудныхъ и отвѣтственныхъ боевыхъ задачъ. А покуда „самымъ удивительнымъ было то обстоятельство, что никто изъ офицеровъ частей войскъ не зналъ, кто, въ сущности, командиръ корпуса. До выступленія 10-го армейскаго корпуса на театръ войны этимъ корпусомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Случевскій; до этого назначенія онъ всю свою службу провелъ въ инженерныхъ войскахъ, гдѣ въ послѣднее время былъ начальникомъ саперной бригады. Я зналъ генерала со времени маневровъ въ лагерѣ подъ Харьковомъ, въ Чу-

[1]) Теттау, ч. I, стр. 135.
[2]) Тамъ же, стр. 142—143.

гуевѣ. Тогда уже, по условіямъ своего здоровья, генералъ часто предпочиталъ ѣздить въ экипажѣ, вмѣсто ѣзды верхомъ. Всѣмъ казалось ясно, что ему не по силамъ требованія похода и что поэтому онъ не поведетъ корпуса на войну. Графъ Келлеръ тоже высказывалъ увѣренность, что назначенъ другой командиръ корпуса. Только когда въ Ляоянъ прибылъ начальникъ 9-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Гершельманъ, я отъ него узналъ, что генералъ-лейтенантъ Случевскій ѣздилъ въ Петербургъ и тамъ было рѣшено, что корпусъ на войнѣ останется подъ его начальствомъ“ [1]).

„Я не позволю себѣ „говорить Теттау“, судить объ его военныхъ способностяхъ. Тѣмъ обстоятельствомъ, что генералъ всю свою службу, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ командованія корпусомъ, провелъ въ инженерныхъ войскахъ, легко объясняется, что онъ придавалъ большое значеніе работѣ лопатой и позиціонной войнѣ вообще, а также всѣмъ техническимъ вспомогательнымъ средствамъ“ [2]).

Между тѣмъ, управленіе арміей уже потеряло подобающее ему спокойствіе. Началось дерганье войсковыхъ частей, постепенно и замѣнившее собой то, что принято называть управленіемъ боевыми дѣйствіями войскъ.

„Мы были крайне удивлены, даже поражены, когда въ Ляоянъ 30-го іюня прибылъ 12-й, а на слѣдующій день и 9-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки; мы думали, что это начало отступленія гр. Келлера на позицію у Ляояна. Офицеры разъяснили намъ настоящее положеніе вещей, которое заключалось въ слѣдующемъ: 26-го іюня 12-й стрѣлковый полкъ получилъ приказъ отъ гр. Келлера немедленно двинуться на Тхавуанъ, въ виду того, что поступило донесеніе о наступленіи японцевъ къ переваламъ; когда полкъ уже былъ въ походѣ, получилось новое приказаніе—вер-

[1]) Теттау, ч. I, стр. 153.
[2]) Тамъ же, стр. 161.

нуться назадъ. Къ 1 часу ночи полкъ опять былъ на прежнемъ мѣстѣ своей стоянки у Чинэртуня и нашелъ тамъ приказъ отъ генерала Куропаткина: усиленными переходами двинуться въ Хайченъ. Въ 4 часа утра полкъ выступилъ, оставивъ часть своего обоза на мѣстѣ. Слѣдующую ночь онъ провелъ въ глубокой грязи подъ проливнымъ дождемъ на какомъ-то перевалѣ, а 28-го іюня прибылъ въ Хайченъ, но уже 29-го іюня рано утромъ его перевезли по желѣзной дорогѣ въ Ляоянъ, откуда ему предстояло вмѣстѣ съ 19-мъ полкомъ снова вернуться къ гр. Келлеру. Изъ Лянсянгуаня 9-й полкъ, занимавшій вмѣстѣ съ 10-мъ полкомъ перевалы, былъ также посланъ въ Хайченъ, но по дорогѣ получилъ приказаніе идти на Айсяндзянъ, откуда былъ перевезенъ въ Ляоянъ 1-го іюля".

„Офицеры сѣтовали на это постоянное перебрасываніе частей, цѣль котораго неясна для войскъ; люди постоянно ожидали встрѣчи съ противникомъ, но со времени боя у Тюренчена никто не видалъ ни единаго японца" [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, вновь предпринятая графомъ Келлеромъ усиленная рекогносцировка не увѣнчалась успѣхомъ. Вообще, положеніе дѣла становилось весьма серьезнымъ. Куропаткинъ сталъ опасаться за Ляоянъ.

„17-го іюля на разсвѣтѣ графъ Келлеръ выступилъ съ 18 баталіонами—въ числѣ ихъ была и 1-ая бригада 9-ой пѣхотной дивизіи—и двумя батареями тремя колоннами изъ Тхавуана въ восточномъ направленіи, чтобы выяснить, предпринялъ ли непріятель передъ его фронтомъ какія-нибудь передвиженія войскъ. Значитъ, опять одна изъ излюбленныхъ усиленныхъ рекогносцировокъ, въ какихъ я самъ принималъ участіе въ іюнѣ, въ сторону Саймацзы и Фынхуанчена. Но на этотъ разъ графъ наткнулся на превосходныя японскія силы. У пагоды, къ востоку отъ Тхавуана, раннимъ утромъ разгорѣлся жаркій бой, въ

[1]) Теттау, ч. I, стр. 155.

которомъ войска гр. Келлера потеряли болѣе 1000 человѣкъ. Уже къ 9-ти часамъ утра графъ былъ вынужденъ отдать приказъ объ отступленіи къ Тхавуану. Японцы преслѣдовали до Ланхе“ [1]).

„Бои послѣднихъ дней вызвали у командующаго арміей опасенія за Ляоянъ и за отступленіе войскъ, выдвинутыхъ на югъ. Вечеромъ 17-го іюля—на другой день боя у Сихояна—генералъ Куропаткинъ прибылъ въ Ляоянъ изъ Дашичао, имѣлъ бесѣду съ генер. Случевскимъ, а на слѣдующій день отбылъ въ своемъ поѣздѣ въ Мукденъ, съ цѣлью испросить согласіе намѣстника на дальнѣйшіе планы военныхъ операцій“ [2]).

Къ большому удовольствію бар. Теттау, наконецъ, онъ узналъ, что *„весь 10-й корпусъ завтра выступаетъ для атаки на Сихоянъ.* Эта вѣсть вызвала всеобщую радость. Въ этой кампаніи впервые пришлось услышать слово *атака,* и оно подѣйствовало электризующимъ образомъ. Наконецъ, предстояло принять участіе въ рѣшительномъ наступленіи; я не сомнѣвался, что энергичное наступленіе, имѣющее опредѣленную цѣль, увѣнчается успѣхомъ. Но скоро я долженъ былъ убѣдиться, что взгляды русскихъ начальниковъ на выполненіе этой атаки очень мало соотвѣтствуетъ тѣмъ принципамъ, въ которыхъ мы воспитаны“ [3]).

...„Мои надежды, которыя я возлагалъ на эти „наступательныя дѣйствія“, омрачились, когда я услыхалъ, что мы въ Тундіапу останемся еще нѣсколько дней, такъ какъ нужно раздобыть свѣдѣнія о непріятелѣ. Въ дѣйствительности наша стоянка продолжалась до 29-го іюля, т.-е. полныхъ 5 дней. Такимъ образомъ, у японцевъ было достаточно времени принять мѣры противъ предполагаемаго нападенія“ [4]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 170.
[2]) Тамъ же, стр. 172.
[3]) Тамъ же, стр. 173.
[4]) Тамъ же, стр. 178.

Вотъ какъ рельефно стала проявлять себя неподготовленность командnаго состава къ веденію наступательныхъ операцій. Мы умѣли только занимать позиціи, за это и были наказаны.

Барону Теттау удалось безукоризненно изучить принятый у насъ способъ веденія наступательныхъ операцій. Онъ безошибочно охарактеризовалъ „это обдуманное систематическое движеніе впередъ, которое будетъ состоять въ томъ, что днемъ или ночью попытаются добраться до новой позиціи, расположенной недалеко впереди прежней, и тамъ окопаться. Укрѣпивъ эти позиціи, перейдутъ на новую, которую укрѣпятъ, въ свою очередь, и т. д. Кромѣ того, нужно обрекогносцировать, исправить дороги, чтобы можно было предпринять обходъ фланговъ. Это систематическое движеніе, правда, ограничено временемъ; ибо весьма возможно, что ген. Куроки, подъ прикрытіемъ завѣсы передъ нами, двигается на Мукденъ, который въ настоящій моментъ не имѣетъ никакихъ войскъ. Затѣмъ можетъ понадобиться двинуться быстро на Сихоянъ, чтобы напасть на Куроки во флангъ и въ тылъ. Не исключена возможность, что генералъ Куроки двинется на гр. Келлера; въ такомъ случаѣ корпусъ долженъ быть готовымъ поддержать Восточный отрядъ“ [1]).

Стратегическія размышленія не мѣшали бар. Теттау производить свои наблюденія надъ арміей, надъ всѣмъ тѣмъ, что ухудшало ея боеспособность по причинамъ, лежащимъ далеко внѣ арміи. „Когда я ходилъ по бивуаку,—говоритъ авторъ,—меня поразило, сколько старыхъ людей служило въ пѣхотѣ; большая часть людей имѣла болѣе 30 лѣтъ отъ роду, многіе—отъ 35 до 39 лѣтъ; почти у всѣхъ были большія бороды. Я высказалъ свое изумленіе генералу Случевскому, что эти полки, которыя я видѣлъ за годъ до этого въ лагерѣ подъ Чугуевымъ состоявшими

[1]) Теттау, стр. 178.

изъ молодыхъ солдатъ, такъ измѣнились по своему внѣшнему виду“ [1]).

„Оказывается, что, для ускоренія мобилизаціи, Главный Штабъ распорядился, чтобы управленія воинскихъ начальниковъ принимали на службу тѣхъ людей, которые явятся первыми, не взирая на срокъ ихъ службы. Послѣдствіемъ этого и было то, что было принято столько пожилыхъ людей. Эти послѣдніе считали несправедливымъ, что запасные болѣе молодыхъ сроковъ службы, которые вовсе не явились или же явились поздно, не были взяты на службу. Нечего удивляться, что эти старики, оставившіе свои семьи на родинѣ безъ кормильцевъ, не воевали за Манчжурію съ большимъ воодушевленіемъ“ [2]).

10-й армейскій корпусъ дрался на перевалахъ у Юмулина и Пхіелина (бой у Лагоулина). Тутъ вполнѣ проявилось насколько войска исполнили свой долгъ и, насколько мало они повинны въ постигшихъ корпусъ неудачахъ. „Чиновъ штаба корпуса мы нашли въ Лагоулинѣ, въ ихъ помѣщеніи, которое командиръ корпуса цѣлый день не покидалъ. Начальникъ штаба побывалъ рано утромъ на полѣ сраженія, но затѣмъ вернулся въ штабъ-квартиру, откуда и велъ управленіе боемъ. Квартира командира корпуса была соединена съ полемъ сраженія телефономъ, телеграфомъ и геліографомъ. Передача приказаній совершалась слѣдовательно различными техническими вспомогательными средствами на современный ладъ, но притомъ отдающій приказаніе не находился подъ впечатлѣніемъ боя. Вѣроятно склонность ген. Случевскаго къ пользованію всѣми техническими приспособленіями и заставляла его не покидать свою квартиру въ теченіе всего боя“.

„Онъ хотѣлъ доказать, что, не видя совсѣмъ войскъ, можно такимъ способомъ руководить боемъ; онъ считалъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 181—182.
[2]) Тамъ же, стр. 181—182.

правильнымъ, что полководецъ долженъ стоять *совершенно внѣ впечатлѣній боя*. Нѣкоторымъ образомъ, это имѣетъ свое основаніе, въ особенности *для командующаго группой крупныхъ войсковыхъ единицъ*. Полководецъ не можетъ видѣть все поле сраженія, но можетъ легко поддаться вліянію впечатлѣнія, которое онъ получаетъ отъ ближайшей части войскъ. На этомъ же основаніи одинъ изъ японскихъ командующихъ арміей, мнѣ кажется, генералъ Ноги— руководилъ своей арміей въ сраженіи подъ Мукденомъ подобнымъ же образомъ, какъ это дѣлалъ генер. Случевскій. Но у Лагоулина дѣло было иное: здѣсь поле сраженія было настолько ограничено, что его можно было охватить глазомъ, по крайней мѣрѣ, самое ядро этого поля сраженія. При такихъ обстоятельствахъ все же весьма важно, чтобы руководитель лично бы убѣдился въ положеніи дѣла“ [1]).

„Къ счастью японцы не использовали своего успѣха противъ отряда Мартсона; если бы они стали преслѣдовать его, то 10-му корпусу былъ бы отрѣзанъ путь отступленія“ [2]).

„Въ штабѣ 10-го армейскаго корпуса придерживались того мнѣнія, что отступленіе корпуса было неминуемо вызвано стратегическимъ положеніемъ. Конечно, послѣ пораженія у Лагоулина, отступленіе Восточнаго отряда принуждало отойти; выдвинутый впередъ за Ланхе, корпусъ не могъ оставаться долго въ оборонительномъ положеніи, а къ наступательному образу дѣйствій войска не были уже способны“.

„Если же при Лагоулинѣ была бы побѣда, то стратегическое положеніе *ни въ какомъ бы случаѣ* не вынуждало къ отступленію. Подкрѣпленный подходящими войсками 17-го корпуса, 10-й корпусъ скоро могъ бы остановить

---

[1]) Теттау, стр. 195—196.

[2]) Тамъ же, стр. 199—200.

японцевъ, преслѣдующихъ Восточный отрядъ и дать всему положенію вещей иной оборотъ“ [1]).

„Во всякомъ случаѣ, боевыя силы 10-го корпуса не уступали непріятельскимъ силамъ, а по всѣмъ вѣроятіямъ, даже превосходили ихъ значительно“.

„Если же, не смотря на все это, въ рѣшительныхъ пунктахъ японцы и были сильнѣе, то это объясняется тѣмъ, что русскіе отъ первоначально рѣшеннаго наступательнаго образа дѣйствій снова перешли на свою оборонительную тактику, они разбросали свои войска на протяженіи 10 километровъ, причемъ не было никакой возможности войскамъ одного фланга одновременно поддержать войска другого фланга“ [2]).

„Изъ 24 баталіоновъ и изъ 88 орудій корпуса, въ рѣшительномъ пунктѣ вели бой до вечера всего 7 баталіоновъ и 16 орудій. *Эти войска сражались въ высшей степени отважно;* ихъ начальникъ еще къ вечеру горѣлъ желаніемъ перейти въ наступленіе, но несчастная оборонительная тактика парализовала рѣшеніе руководителей“.

„Отступленіе корпуса рѣшило поведеніе бригады Мартсона. Что обходящій ее боковой отрядъ японской 2-ой дивизіи состоялъ изъ значительныхъ силъ, ясно изъ того обстоятельства, что японцы ген. Мартсона даже не преслѣдовали. На первый взглядъ, поэтому, совершенно непонятно это, ничѣмъ не вызванное отступленіе отряда Мартсона, чѣмъ 10-й корпусъ былъ поставленъ въ весьма большую опасность“.

„Я же лично убѣжденъ, что ген. Мартсонъ никогда бы не отступилъ, не знай онъ, что у Тундіапу находится „главная позиція“, а по дорогѣ въ Ляоянъ, гдѣ, по всеобщему мнѣнію, командующій арміей собирался принять рѣшающій кампанію бой, еще множество „выдвинутыхъ“, „главныхъ“, „промежуточныхъ“ и „тыловыхъ“ позицій!

---

[1]) и [2]) Теттау, ч. I, стр. 204—206.

„Бой у Лагоулина представляетъ блестящій примѣръ, какъ позиціонная война парализуетъ всякій порывъ и вредно вліяетъ на всякія рѣшенія“ [1]).

Отступленіе 10-го корпуса къ Аншинлину характерно во многихъ отношеніяхъ, а главнымъ образомъ потому, что здѣсь мы окончательно отказались отъ дальнѣйшихъ попытокъ перехода къ наступательнымъ операціямъ. Къ характеристикѣ арміи, наблюденія Бар. Теттау прибавляютъ въ видѣ новой черты—безпечность, невниманіе къ выбору командного состава, излишнюю заботливость о сохраненіи орудій... Впрочемъ, пускай авторъ дастъ самъ свои безпристрастныя показанія.

„Отступленіе къ Аншинлину совершилось въ полномъ порядкѣ. Мы разговаривали съ артиллеристами обѣихъ батарей, которые наканунѣ были цѣлый день подъ огнемъ. Они отвѣчали весело и бодро. Орудіямъ нанесены были незначительныя поврежденія“... [2]) „Со времени сраженія у Тюренчена постоянно боялись возможности потерять орудія, лишь постепенно, впослѣдствіи, поняли, что часть неуспѣха слѣдуетъ приписать чрезмѣрному обереганію артиллеріи“ [3]).

„Я уже упоминалъ, какъ безпечно русскіе относились къ населенію этой „нейтральной страны“. Китайцы проходили безпрепятственно черезъ линію постовъ, какъ въ сторону русскихъ, такъ и къ японцамъ. Обѣ воюющія стороны пользовались китайцами въ качествѣ шпіоновъ. Собираніе свѣдѣній о противникѣ было организовано удивительнымъ образомъ; большую часть свѣдѣній русское высшее начальство получало отъ китайскихъ лазутчиковъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что японцамъ китайцы служили еще лучше, ибо симпатіи туземнаго населенія были на сторонѣ японцевъ;

---

[1]) Теттау, ч. I. стр. 204—206.
[2]) Тамъ же, стр. 207—208.
[3]) Тамъ же, стр. 208.

они помогали операціямъ японскихъ войскъ подачей сигналовъ дымомъ, или свѣтомъ, огнемъ — даже во время боевъ. Было положительно большой неосторожностью, что при постройкѣ укрѣпленій у Ляояна было нанято нѣсколько тысячъ китайцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что между ними были шпіоны, которые давали японцамъ точныя указанія о расположеніи укрѣпленій".

„Какъ велика была безпечность русскихъ въ этомъ отношеніи, доказываетъ случай, при которомъ я былъ свидѣтелемъ у Аншинлина. Черезъ два дня послѣ боя у Лагоулина шесть китайцевъ принесли русскаго солдата тяжело раненнаго, но съ наложенными по всѣмъ правиламъ перевязками; они заявили, что нашли его въ чащѣ у Лагоулина. Китайцы съ любопытствомъ озирались по всѣмъ сторонамъ, получили высокую награду, обѣщенную за доставленіе каждаго раненнаго и пустились въ обратный путь, въ свою родную деревню, т.-е. *къ японцамъ*, послѣ того, какъ имѣли достаточно времени осмотрѣться на русской позиціи".

Какъ понятно удивленіе иностранца по поводу принятыхъ у насъ порядковъ замѣщенія высшихъ командныхъ должностей въ арміи. „Начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Мау упалъ вмѣстѣ съ лошадью и былъ тяжело ушибленъ; вмѣсто него начальство надъ дивизіей принялъ начальникъ Оренбургской казачьей дивизіи, генералъ-маіоръ Грековъ. Опять непонятное явленіе!—ни въ какой другой арміи не подчинили бы крупную войсковую единицу начальнику, незнакомому ни съ войсками, ни съ начальствующими лицами" [1]).

„Наше трехнедѣльное пребываніе въ Аншинѣ составляетъ самый непріятный періодъ всей компаніи въ моихъ воспоминаніяхъ. Всякая мысль о наступленіи была оставлена; всѣ были убѣждены, что нужно отступать и поэтому

[1]) Теттау, ч. I, стр. 215.

чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ горахъ нельзя было надѣяться на успѣхъ, зато тамъ, въ равнинѣ у Ляояна, должно было обнаружиться превосходство русскихъ войскъ: я тоже твердо тогда въ это вѣрилъ! Дальнѣйшее же пребываніе здѣсь, въ Анпинѣ, впредь до достиженія равнины, могло принести съ собою новое пораженіе. Если же еще присоединится и дождь, то такое пораженіе грозило полнымъ уничтоженіемъ“ [1]).

Характеризуя армію и находя въ ней массу недостатковъ, отрадно привести строки, выказывающія, что и у насъ были достойные представители командnаго состава. И какъ шло дѣло у такихъ начальниковъ! „Въ теченіе всей кампаніи къ намъ, въ штабѣ 9-ой пѣхотной дивизіи, относились съ изысканною любезностью и радушіемъ. Ген. Гершельманъ не только энергичный начальникъ и храбрый вояка, но и любезный товарищъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ офицерами своего штаба, дѣлилъ съ ними помѣщеніе, ѣлъ за однимъ столомъ. Мы всегда чувствовали себя очень уютно въ кругу скромныхъ и веселыхъ офицеровъ, вѣрныхъ своему долгу, относившихся къ своему начальнику съ любовью и преданностью. Нужно было только посмотрѣть на генерала, на его энергичное, почти строгое лицо, какъ изъ-подъ его густыхъ бровей сверкали добрые ласковые глаза, чтобы почувствовать къ нему довѣріе!“ [2])

Бой у Анпина и отходъ къ Ляояну дорисовываютъ и безъ того наглядную картину боевой работы арміи. Тутъ мы встрѣчаемся съ удивленіемъ автора, вызваннымъ большимъ количествомъ людей, сопровождавшихъ раненыхъ. Удивленіе вполнѣ естественно, но важно, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣтить съ какою вдумчивостью объясняетъ бар. Теттау это явленіе, какъ далекъ онъ отъ мысли обвинять

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 224.
[2]) Тамъ же, стр, 226.

по этому случаю русскаго солдата въ утратѣ вѣковой доблести. Много и еще интереснаго встрѣчаемъ въ этихъ драгоцѣнныхъ для насъ наблюденіяхъ. Отходъ къ Ляояну рисуется во всей полнотѣ, во всемъ величіи подвиговъ русской арміи плохо управляемой, неважно обученной.

„Очень характерно для командныхъ отношеній является то обстоятельство, что, когда ген. Куропаткинъ въ своемъ непосредственномъ приказаніи корпусу говоритъ о „переходѣ въ наступленіе“, генер. Бильдерлингъ указываетъ на позицію, которую корпусъ долженъ занять послѣ своего отступленія къ Ляояну; это указаніе не могло поддержать и безъ того слабыхъ надеждъ, возлагавшихся на предполагаемое наступленіе“ [1]).

„Въ этомъ бою, какъ и въ послѣдующихъ, меня удивляло, какъ много людей было занято уборкой раненыхъ— они были потеряны для сражающейся части. Тяжело раненыхъ несли четыре человѣка, а за ними шло по меньшей мѣрѣ еще двое, которые несли ружья самого раненнаго и носильщиковъ; каждаго раненнаго въ ногу поддерживало, по крайней мѣрѣ, двое, а третій несъ ихъ ружья. Такимъ образомъ, отходила назадъ масса людей; они, понятно, не очень торопились вернуться къ своей части. Это вѣроятно объясняется, частью, плохой организаціей службы санитаровъ. Но санитаровъ никогда не бываетъ достаточно въ бояхъ съ большими потерями и, въ особенности, въ горной мѣстности. Здѣсь же еще было и то обстоятельство, что мы находились на пути къ отступленію и не желали оставлять раненыхъ“ [2]).

„Вообще, при отступленіи слѣдуетъ забыть обо всемъ за исключеніемъ необходимости отвести назадъ войска въ возможно большемъ порядкѣ и способности къ бою. Раненыхъ слѣдуетъ оставить на попеченіе непріятеля. Тутъ,

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 234.
[2]) Тамъ же, стр. 238.

правда, дѣло обстояло такъ, что войска отходили на новую позицію на сравнительно небольшомъ разстояніи, а раненые по пути отступленія должны были бы оставаться цѣлый день, какъ это и случалось на дѣлѣ, безъ всякаго ухода *между двумя противниками.* Но какъ это не жестоко—даже въ такомъ случаѣ должны замолчать всѣ требованія человѣчности. Такой образъ дѣйствій, какого придерживались русскіе, ведетъ къ деморализаціи всей части“ [1]).

Такимъ образомъ, про насъ можно сказать, что мы не въ мѣру и не кстати добродушны, но вѣдь отсюда до трусости, до утраты нашей національной доблести далеко. Пусть же это имѣютъ ввиду всѣ клеветавшіе на нашу Манчжурскую армію.

„Непріятель преслѣдовалъ отступающія войска своей пѣхотой и занялъ впереди лежащія высоты на разстояніи дѣйствительнаго выстрѣла; но всѣ попытки японцевъ продвинуться дальше не увѣнчались успѣхомъ: повсюду они были отражены съ большими потерями. Этимъ мы были обязаны, прежде всего, русской артиллеріи, которая своимъ огнемъ не давала противнику возможности выставить на позиціи, на впереди лежащихъ высотахъ свои батареи“ [2]).

Всякій признакъ пробужденія наступательнаго духа приводитъ въ восторгъ германскаго офицера. Когда то и мы будемъ воспитаны въ томъ же направленіи? Вотъ, что говоритъ бар. Теттау.

„Ген. Куропаткинъ потребовалъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и отдалъ приказаніе *„генералу Янжулу еще ночью—во что бы то ни стало—завладѣть снова позиціей, оставленной Тамбовскимъ полкомъ и вернуть потерянныя орудія“*.

---

[1]) Теттау, стр. 239.
[2]) Тамъ же, стр. 240.

Мы это приказаніе встрѣтили съ радостью; это въ самомъ дѣлѣ казалось началомъ наступленія. Но, къ сожалѣнію, этого выполнить не пришлось“ [1]).

„Въ штабѣ корпуса послѣ полуночи получилась телеграмма отъ генерала Куропаткина съ приказаніемъ корпусу перейти безотлагательно на лѣвый берегъ Танхе и упорно его оборонять. Потерянныя орудія оставались въ рукахъ непріятеля. Что могло побудить командующаго арміей, отдавшаго за два часа приказаніе объ энергичномъ наступленіи, измѣнить свое первоначальное рѣшеніе? На насъ это извѣстіе подѣйствовало подавляющимъ образомъ. Какое же впечатлѣніе оно должно было произвести на русскихъ начальниковъ и солдатъ, которые *были воодушевлены сознаніемъ, что успѣхъ достигнутъ;* они не могли понять къ чему нужны были большія жертвы, разъ все равно приходится отступать“ [2]).

„Благодаря полному бездѣйствію японцевъ, переправа совершалась въ большомъ порядкѣ. Главнымъ образомъ, это произошло благодаря присутствію командира корпуса, сохранившему спокойствіе и хладнокровіе; онъ здоровался съ каждой подходящей ротой и благодарилъ войска за ихъ молодецкое поведеніе. Наконецъ, на томъ берегу войска пришли въ порядокъ и послѣднія части перешли мостъ. Обѣ батареи, которыя своимъ огнемъ не давали непріятельской артиллеріи выѣхать на позицію и удерживали пѣхоту на почтительномъ разстояніи, настолько, что ея огонь, направленный на мѣсто переправы, не причинилъ никакого вреда, тоже были сняты и отошли по направленію къ Сіотунцзы“ [3]).

„Но тяжелое положеніе корпуса не прекратилось переходомъ черезъ Танхе. Дороги, не высохшія еще отъ

---

[1]) Теттау, стр. 242.
[2]) Тамъ же, стр. 243.
[3]) Тамъ же, стр. 249.

большихъ дождей, бывшихъ въ срединѣ августа, совершенно распустились отъ ливней съ грозами за послѣдніе два дня“ [1]).

„Когда мы прибыли къ дефиле у Сіотунцзы поздно вечеромъ, нашимъ глазамъ представилась такая картина, какую я никогда не забуду. Двуколки, зарядные ящики, орудія завязли въ четыре ряда въ этомъ невѣроятно грязномъ дефиле, покрытомъ водой. Въ темнотѣ раздавались громкая ругань и крики возницъ. Невольно оглянулись мы на высоты, къ сѣверу, съ которыхъ мы ежеминутно ожидали сверканіе выстрѣла. Если бы японцы стали преслѣдовать на противоположномъ берегу и открыли огонь изъ своей горной артиллеріи противъ этого узкаго прохода, то, не прошедшіе еще дефиле, обозы и батареи были бы потеряны; черезъ горы не было другой колесной дороги. Но все было тихо, японцы не сдѣлали и малѣйшей попытки помѣшать отступленію корпуса“ [2]).

Всѣ эти наблюденія барона Теттау интересно сопоставить съ записками Гамильтона за тотъ же періодъ кампаніи, т. е. за время отъ Тюренчена до Ляояна. Предполагаемое сопоставленіе имѣетъ особое значеніе по тому, что, какъ извѣстно, Гамильтонъ состоялъ при арміи Куроки, дѣйствовавшей противъ нашего Восточнаго отряда. Гамильтонъ начинаетъ съ отмѣтки первоначальныхъ наступательныхъ попытокъ графа Келлера, произведенныхъ съ войсками, которые совсѣмъ не имѣли вида потерпѣвшихъ серьезную боевую неудачу подъ Тюренченомъ.

„Вчера, раннимъ утромъ“, пишетъ Гамильтонъ, „произошла очень ожесточенная схватка на дальнихъ склонахъ Мотіенлинга, около четырнадцати миль отсюда. Два русскихъ баталіона, воспользовавшись туманомъ, атаковали одинъ японскій баталіонъ, занимавшій горный проходъ.

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 249.

[2]) Тамъ же, стр. 250.

Русскіе ходили три раза на „ура“, но несмотря на то, что они сражались храбро и дошли до штыковаго боя, были отброшены и отступили на Іоширеи, что на Пекинской дорогѣ. Японскій баталіонъ преслѣдовалъ ихъ до Кинкахоши (Kinkahoshi). У японцевъ убито пятнадцать человѣкъ и ранены одинъ офицеръ и двадцать девять нижнихъ чиновъ. Русскіе оставили на своей прежней позиціи около тридцати убитыхъ и сорока раненныхъ. Весь штабъ арміи положительно ломаетъ голову, чтобы догадаться, въ чемъ состояло намѣреніе русскихъ. Они говорятъ, что русскимъ планамъ видимо недостаетъ связи и общаго управленія. Почему, спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ, русскіе отдали безъ единаго выстрѣла такую великолѣпно укрѣпленную позицію, какъ Бунсуиреи и Мотіенлингъ, а затѣмъ, спустя нѣсколько дней, когда японцы прочно заняли высоты, опять появились тамъ съ сравнительно небольшими силами и пытались взять позиціи обратно? Нѣкоторые думаютъ, что Куропаткинъ рѣшилъ отступить, но Алексѣевъ пересилилъ въ послѣднюю минуту, и онъ рѣшилъ держаться на занятыхъ позиціяхъ. Это, кажется, довольно правдоподобное объясненіе“ [1]).

По мнѣнію генерала Фуджіи (Начальникъ штаба арміи Куроки) „Общая обстановка необыкновенно интересна. Почему Куропаткинъ съ семью или восемью дивизіями дожидается у Хайченга и Кайпинга? Намъ кажется, что онъ подвергаетъ себя большому риску быть окруженнымъ. Съ какой цѣлью послалъ онъ вчера силы, около пѣхотнаго полка, съ цѣлью попытаться отнять обратно Мотіенлингъ, причемъ каждый солдатъ имѣлъ на себѣ почти семидневный запасъ продовольствія? Состоялъ-ли его планъ въ томъ, чтобы подъ прикрытіемъ этой атаки сосредоточить свои главныя силы, которыя были противъ нашего фронта, и

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 206.

пойти кружнымъ путемъ на соединеніе съ Ренненкампфомъ. Тогда бы онъ былъ достаточно силенъ, чтобы нанести пораженіе двѣнадцатой дивизіи и отрѣзать наши сообщенія съ Ялу? Или, можетъ быть, онъ имѣетъ въ виду послать изъ какого-нибудь пункта къ востоку отъ Харбина независимую колонну, которой будетъ указано цѣлью дѣйствій Саймачи, и которая, своимъ приближеніемъ къ этому пункту, будетъ угрожать тылу и правому флангу нашей арміи? Есть нѣсколько данныхъ, которыя заставляютъ насъ опасаться за это, наше самое слабое мѣсто. Но такое движеніе должно занять нѣсколько недѣль, а если тѣмъ временемъ Первая и Вторая арміи выиграютъ сраженіе въ окрестностяхъ Хайченга, то наши восточныя сообщенія къ Фенгхунчену и Ялу не будутъ причинять намъ ни малѣйшаго безпокойства, ибо мы будемъ въ состояніи перевести ихъ на Дальній или Нью-Чуангъ. Однако, должны же быть какія нибудь причины, заставляющія Куропаткина намѣренно оставаться въ такомъ явно опасномъ положеніи. Вѣдь онъ человѣкъ умный, да и въ штабѣ у него много способныхъ людей. Такимъ образомъ, мы чувствуемъ себя немного озабоченными и обезпокоенными; слѣдствіемъ нашей озабоченности и безпокойства можетъ быть только одно ясное заключеніе, а именно, что насталъ моментъ, когда мы должны быть особенно благоразумными“ [1])...

Нельзя не считаться съ показаніемъ японца о томъ, какъ русскіе ведутъ штыковый бой. „Одинъ легко раненый японскій ефрейторъ сказалъ намъ, что русскихъ „очень легко убивать“ въ штыковой свалкѣ. По его словамъ русскіе, опустя голову внизъ, лѣзутъ, какъ бѣшенные быки, держа ружья со штыками передъ собой. Ничего не могло быть легче, прибавилъ онъ, какъ, отступивъ въ сторону, колоть ихъ въ это время“ [2]).

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 207.

[2]) Тамъ же, стр. 214.

Сраженіе у „Достигающаго небесъ прохода“ въ полной мѣрѣ проявило недостатки нашего способа веденія наступленія и огневаго боя. „Такъ, напримѣръ, укажемъ на недостаточное использованіе артиллеріи; на бой кавалеріи въ спѣшенномъ строю; на безыскусственный способъ русской атаки, чисто фронтальной, въ сомкнутыхъ строяхъ, безъ примѣненія къ мѣстности и безъ малѣйшихъ попытокъ къ обходамъ. Я долженъ такъ же обратить вниманіе на плохую стрѣльбу и на античный способъ стрѣльбы залпами взводовъ изъ семидесяти ружей, принятый русскими. Не только роты, но и взводы и отдѣльные солдаты не выказали въ этомъ бою достаточно гибкости, порыва и иниціативы. Съ другой же стороны, я долженъ напомнить о необходимости отдать должную дань ихъ полному безразличію въ опасности. Все, кажется, служитъ доказательствомъ превосходства европейца надъ сибирякомъ, и я думаю, что мнѣ слѣдуетъ протелеграфировать и это, такъ какъ это важный фактъ“ [1]). Остановлю на этомъ вниманіе читателя. Какъ вскорѣ увидимъ, Гамильтонъ склонится кореннымъ образомъ измѣнить свое мнѣніе о европейскихъ войскахъ нашей арміи. Очень интересно прослѣдить процессъ мысли этого выдающагося военнаго человѣка, приводящій его къ рѣшимости измѣнить разъ составленное, твердое убѣжденіе. Покуда же посмотримъ, каковы были русскіе въ бою у „Достигающаго небесъ прохода“.

„Русскіе должны были послѣ своего ночного походнаго движенія выкарабкаться изъ долины, лежащей къ сѣверо-западу отъ горы, по крайней мѣрѣ, на тысячу футъ. **Это ясно указываетъ на ихъ рѣшимость и выносливость** [2]). Все, казалось, благопріятствовало въ этомъ случаѣ атакующимъ. Ихъ длинный и хорошо исполненный ночной маршъ воз-

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 231.

[2]) Тамъ же, стр. 235.

награждался занятіемъ самаго высокаго въ этой мѣстности пункта“ [1]).

„Бой въ долинѣ между „Д“ и „С“ становился очень уравновѣшеннымъ. Восемь русскихъ ротъ, утомленныхъ длиннымъ и утомительнымъ ночнымъ маршемъ, противъ сравнительно свѣжихъ четырехъ японскихъ ротъ, знакомыхъ къ тому же съ каждымъ вершкомъ мѣстности. Съ 11 ч. 30 м. утра и до 1 ч. пополудни русскіе постепенно отходили назадъ; **но вдругъ, съ удивительнымъ упорствомъ и, какъ бы очнувшись, бросились въ ожесточенную атаку и, послѣ жаркой борьбы, вновь вернули все потерянное назадъ**“ [2]).

„Подъ конецъ, въ 3 часа дня русскіе окончательно признали себя отбитыми и въ 4 ч. 30 м. въ большомъ порядкѣ отошли къ сѣверо-западу въ направленіи къ Уокахоши. На груди у одного изъ русскихъ убитыхъ, который должно быть былъ очень храбрый человѣкъ, ибо лежалъ ближе другихъ труповъ къ японской позиціи, былъ приколотъ булавкой листъ бумаги съ надписью по англійски: „Храбрые японцы, похороните нашихъ убитыхъ“. Я долженъ прибавить, что японцы не только исполнили эту трогательную просьбу, но и украсили эти русскія могилы цвѣтами.

„Русскіе оставили за собой пятьдесятъ четыре убитыхъ. Плѣнныхъ они не захватили, ни раненыхъ, ни невредимыхъ. Потери японцевъ были 135 ч., изъ которыхъ сорокъ одинъ было убито.

„Всѣ японцы, съ которыми я говорилъ объ этомъ сраженіи, считаютъ его самымъ лучшимъ изъ всѣхъ разыгранныхъ русскими до сего времени, какъ по отношенію къ мужеству, такъ и къ искусству“.

„Военная храбрость—качество, которымъ каждый японецъ восхищается отъ всего сердца. Весьма любопытнымъ по-

---

[1]) Гамильтонъ, т. I. стр. 235.
[2]) Тамъ же, стр. 237.

слѣдствіемъ такого душевнаго настроенія является то обстоятельство, что японцы, принимавшіе участіе въ этомъ небольшомъ, но трудномъ бою, отзываются о русскихъ въ гораздо болѣе дружественномъ тонѣ, чѣмъ всѣ тѣ, которыхъ я встрѣчалъ до сихъ поръ. Если только русскіе будутъ достаточно хорошо сражаться, то они этимъ завоюютъ сердца японской арміи“ [1]).

Подъ выраженіемъ „хорошо“ сражаться, Гамильтонъ подразумѣваетъ, конечно,—умѣло сражаться. Но этого то умѣнія намъ и не доставало. Въ этомъ бою, „преимущества русской позиціи были болѣе, чѣмъ уравновѣшены:

„1) Неумѣстной, дурно понятой храбростью русскихъ офицеровъ, которая заставляла ихъ оставаться все время стоя, не только безцѣльно обнаруживая самихъ себя, но и выдавая этимъ точное положеніе ихъ взводовъ и этимъ вызывая на своихъ людей огонь“.

„2) Удивительнымъ фактомъ, что русскій огонь состоялъ исключительно изъ залповъ взводами изъ шестидесяти или семидесяти ружей; способъ напоминающій британскій (скоро оставленный) въ началѣ афганской войны въ 1879 году“.

„3) Точностью построеній русскихъ, какъ на парадѣ, благодаря которымъ люди, почти примыкая плечами другъ къ другу, равномѣрно располагались вдоль хребта независимо отъ того, было ли закрытіе въ данномъ пунктѣ или нѣтъ“ [2]).

Отъ равномѣрности расположенія намъ до сихъ поръ трудно отвыкнуть, такъ прочно, основательно вкоренилась у насъ эта пагубная привычка. И та же армія приводитъ въ изумленіе военнаго мыслителя—очевидца ея подвиговъ. „Мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго тому презрительному равнодушію, съ которымъ русскіе отходили назадъ, несмотря на то, что въ это время пули подымали

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 238.

[2]) Тамъ же, стр. 244.

пыль кругомъ нихъ, летая повсюду. Мнѣ случалось видѣть своихъ собственныхъ людей, идущихъ съ такимъ же равнодушіемъ въ атаку подъ болѣе жестокимъ огнемъ, но при отступленіи каждый, въ видѣ общаго правила, старается не продолжать эту процедуру долѣе, чѣмъ безусловно необходимо. Въ мой бинокль я ясно замѣтилъ, какъ одинъ изъ солдатъ повернулся и остановился для отправленія естественныхъ потребностей, ставъ лицомъ къ стрѣлявшимъ японцамъ. Другой солдатъ что-то уронилъ и провелъ двѣ или три минуты, тщательно отыскивая потерянный предметъ и находясь при этомъ подъ настоящимъ градомъ пуль. Я, наконецъ, даже обрадовался, когда онъ, повидимому, нашелъ то, что потерялъ, и не спѣша побрелъ присоединиться къ своимъ товарищамъ“ [1]).

Справедливость заставляетъ Гамильтона отмѣтить, что и японцы, при всей ихъ беззавѣтной храбрости, подвергались тяжелымъ впечатлѣніямъ, производимымъ нашей артиллеріей.

„Въ 2 ч. 10 м. дня эта батарея (русская, стоявшая на равнинѣ, какъ разъ позади Кинкахоши (Kinkahoshi) внезапно открыла огонь по „С“ или горѣ Шакореи. Командиръ, вѣроятно, точно зналъ разстояніе, ибо онъ взялъ вѣрный прицѣлъ и разрывъ трубки въ три или четыре выстрѣла и затѣмъ послалъ „rafal“, очищая какъ бы по волшебству весь холмъ отъ нашихъ старыхъ друзей трехъ ротъ 16-го полка, которыя были высланы сюда изъ Гебато. У Гебато 16-й полкъ показалъ себя вдохновенными героями. Здѣсь же они оказались простыми смертными, даже въ самомъ дѣлѣ простыми смертными, ибо никогда въ моей жизни, исключая, пожалуй, Маджубы, мнѣ не приходилось видѣть людей, такъ стремительно сбѣгавшихъ внизъ по крутому скату горы“ [2]). Вотъ правдивое описаніе боя, не

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 244—245.
[2]) Тамъ же, стр. 246.

похожее на обычныя батальныя картины, заставляющее отнестись къ разсказу автора съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ.

По немногу, Гамильтонъ доходитъ до заключенія, которое для насъ столь важно, что его надо начертать крупными буквами во всѣхъ учебникахъ нашихъ военныхъ школъ. **Намъ не доставало смѣлости управленія**, рѣшимости ввести въ бой, когда требуетъ обстановка, всѣ силы, до послѣдняго солдата. Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу Гамильтонъ.

„Я очень желаю оградить себя отъ черезчуръ критическаго отношенія ко всемірно знаменитой арміи, въ особенности, потому, что я былъ скорѣе простымъ зрителемъ, не подвергая себя никакой личной опасности. Но все-таки я долженъ высказать мое очень твердое убѣжденіе, что **если бы русскія войска были смѣло управляемы**, и если бы каждый командиръ баталіона рѣшился бы сблизиться съ противникомъ и поступалъ бы соотвѣтственно этому, то въ любой моментъ Мотіенлингскаго боя до 7 час. утра и несмотря на ихъ плотные и неподходящіе къ случаю строи, русскіе должны бы были прорвать японскую позицію въ томъ или другомъ пунктѣ. Могли бы они удержаться на занятыхъ частяхъ позиціи—это совершенно другой вопросъ. Какъ разъ въ ту минуту, когда надлежало броситься въ отчаянную, рѣшительную атаку, русскими, казалось, овладѣвала какая-то странная летаргія, какъ бы параличъ воли. Становится страннымъ, какъ могутъ, такіе упорные и грозные во время своего отступленія, солдаты быть такими медлительными и колеблющимися во время атаки [1]).

„Наконецъ, я повторяю“, продолжаетъ Гамильтонъ, „что слѣдуетъ припомнить то обстоятельство, что въ этомъ удивительномъ сраженіи девять десятыхъ всѣхъ русскихъ

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 250.

силъ ни разу не ходили въ атаку. Нѣкоторые изъ нихъ приближались на разстояніе прямого выстрѣла, но многіе изъ нихъ не подходили такъ близко. Они обнаруживали себя нѣкоторое время съ удивительнымъ хладнокровіемъ на неудобныхъ позиціяхъ, затѣмъ, съ одинаковымъ безразличнымъ отношеніемъ къ опасности, начинали отступать къ своему биваку. Все это, конечно, совершенно похоже на Колензо. Но какъ бы мы ни восхищались храбростью въ томъ или другомъ ея проявленіи, одинъ выводъ вполнѣ ясенъ, что со временъ Іерихонскаго сраженія никакая сильная позиція, обороняемая хорошими войсками, не могла быть взята однѣми демонстраціями, какъ бы грозны онѣ ни казались“ [1]).

Боевой опытъ не сказывался на дѣйствіяхъ русскихъ войскъ. Въ дальнѣйшихъ бояхъ мы были также храбры и также не умѣли сражаться. Вотъ, наприм., сраженіе при Чаотао. „Въ 3 ч. 15 м. дня фронтальная атака стала серьезно тѣснить русскихъ. Маленькія горныя орудія сильно обстрѣливали окопы, а пѣхота, нѣсколько приблизившись, открыла жестокій огонь. Остатки русской пѣхоты, которые должны были быть храбрецами, отвѣчали на него энергичными залпами, несмотря на то, что все время окопы понемногу очищались“ [2]).

„Противникъ окончательно рѣшилъ очистить позицію, но вплоть до 5 ч. дня окопы оставлялись систематично и, очевидно, по приказанію, что я долженъ признать за **вѣское доказательство хладнокровія и стойкости русской пѣхоты.** Сравнительно легко быть храбрымъ, когда участь всѣхъ одинакова. Но, когда нѣкоторымъ избранникамъ разрѣшается уйти, а прочимъ приказываютъ остаться, то тогда инстинктъ самосохраненія начинаетъ задѣвать самыя чувствительныя сердечныя струны и вся надежда должна быть

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 252.
[2]) Теттау, ч. 1, стр. 267—268.

возложена на дисциплину, патріотизмъ и „esprit de corps“ [1]). Какое удивительное пониманіе сердца человѣческаго, какое умѣніе оцѣнить то, что происходитъ въ душѣ воина въ разгаръ боя!

„Въ 5 ч. 14 м. первый японскій флагъ взвился на вершинѣ возвышенности, а клубы пыли на сѣверѣ указывали на направленіе русскаго отступленія. Побѣда была одержана, но все же побѣда эта была неполная, такъ какъ потери атаковавшихъ были, быть можетъ, тяжелѣе потерь оборонявшихся. Удивительная ошибка русскихъ въ опредѣленіи разстояній, или, быть можетъ, непониманіе общей обстановки начинало теперь приносить свои плоды“.

„Хотя русская пѣхотная бригада, вынесшая на своихъ плечахъ всю тяжесть этого дня, и была разбита, такъ что на время перестала быть военнымъ организмомъ, но, несмотря на это, я все-таки не думаю, чтобы какой нибудь благородно думающій военный могъ бы сдѣлать ей малѣйшій упрекъ. Они исполнили отданныя имъ приказанія съ большой рѣшимостью и при самой трудной обстановкѣ. Несмотря на то, что командиръ ихъ попался подъ конецъ въ ловушку, разставленную на его же глазахъ, офицеры и люди полковъ вплоть до этой минуты держали себя съ удивительной стойкостью. Только одни теоретики, не бывавшіе на войнѣ, способны съ видомъ превосходства критиковать подобное печальное происшествіе [2]). Лично я, сидя въ полной безопасности въ домѣ китайскаго врача, держусь того мнѣнія, что *нѣтъ хуже ошибки для какого бы то ни было генерала, чѣмъ держать въ тылу большіе резервы въ бездѣйствіи, въ то время какъ ихъ товарищей бьютъ на ихъ же глазахъ*“ [3]).

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 268.
[2]) Тамъ же, стр. 270.
[3]) Тамъ же, стр. 271

Увѣренъ, что подъ этими строками охотно подпишутся всѣ выдающіеся мыслители Германской арміи.

„Когда ген. Гершельманъ увидѣлъ, что его фронтъ не можетъ высвободиться безъ посторонней помощи, какъ онъ надѣялся, то тогда настала минута сосредоточить все свое присутствіе духа, двинуть впередъ резервы и убѣдить этимъ каждаго солдата, что онъ рѣшилъ дать большое сраженіе. Если бы онъ такъ поступилъ, каковъ бы ни былъ окончательный исходъ боя, я увѣренъ, что его *молодцы, русскіе солдаты мужественно исполнили бы свой долгъ, такъ что даже въ случаѣ пораженія духъ арміи все-таки бы выигралъ*“ [1]).

„Японская двѣнадцатая дивизія чрезвычайно довольна, что она первая нанесла пораженіе европейской дивизіи. Жардайнъ доноситъ, что русскіе превосходятъ своимъ развитіемъ и дисциплиной сибиряковъ и что японскіе офицеры считаютъ ихъ гораздо болѣе опасными“ [2]).

Не такъ смотрятъ на дѣло офицеры штаба арміи Куроки, увѣряя Гамильтона, что онъ жестоко ошибся, донеся своему правительству о преимуществахъ европейскихъ войскъ передъ сибиряками. Кто же правъ: офицеры штаба или строевые офицеры 12-й пѣх. дивизіи, увѣренные въ томъ, что они говорятъ, благодаря кровавому опыту предшествовавшихъ боевъ. Мнѣ кажется, что истина ближе къ мнѣнію японскихъ строевиковъ, чѣмъ штабныхъ.

Но, Гамильтону очень горько признать свою ошибку.

„Прямо ударъ! всѣ, включая сюда и Фуджіи, утверждаютъ, что я сдѣлалъ ошибку,ославъ въ Индію телеграмму о превосходствѣ европейцевъ надъ сибиряками. Генеральный штабъ заявляетъ, что европейцы менѣе энергичны и не такъ хорошо обучены, какъ сибиряки“ [3]).

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 271.
[2]) Тамъ же, стр. 272.
[3]) Тамъ же, стр. 273.

„Видимо многіе изъ европейцевъ не знакомы съ магазиннымъ ружьемъ, будучи сорока лѣтъ отъ роду и недавно вновь призванными подъ знамена. Хабино энергично доказываетъ, что сибиряки болѣе выносливы и имѣютъ больше природныхъ охотничьихъ и военныхъ качествъ, которыхъ совершенно не достаетъ людямъ европейскихъ баталіоновъ“ [2]).

„Оба мы, Жардайнъ и я, сдѣлались жертвами заблужденія по милости полковыхъ офицеровъ, которые вполнѣ естественно склонны были утверждать, что только что ими разбитые европейцы составляютъ цвѣтъ русской арміи“ [3]). Оказывается въ штабахъ удачнѣе умѣютъ убѣждать знатныхъ иностранцевъ, чѣмъ въ строю, гдѣ зато познаютъ истинныя качества врага цѣною потоковъ крови.

Японцы много лѣтъ растили въ себѣ гнѣвъ противъ Россіи и достигли удивительныхъ результатовъ. „Причина тому, что армія была свободна отъ обыкновенныхъ во всякомъ походѣ эпидемическихъ заболѣваній была та, что, боясь пропустить сраженіе, даже самые молодые солдаты, сами склонны были къ самому точному соблюденію правилъ гигіены. Напримѣръ, не было никакого опасенія, чтобы люди на походѣ пили плохую воду. Даже въ госпиталѣ они не стали бы пить воду на вѣру, а сначала бы допросили служителей, хорошо ли она прокипячена и только послѣ этого притронулись бы къ ней. Докторъ прибавилъ, что онъ не считаетъ такую отчаянную пылкость на ряду съ такимъ самообладаніемъ нормальнымъ и естественнымъ явленіемъ въ молодомъ японцѣ. Онъ выразилъ сомнѣніе, развился ли бы у нихъ такой военный пылъ, если бы имъ пришлось воевать, скажемъ, съ австрійцами или итальянцами. Но они ростили въ себѣ гнѣвъ противъ Россіи въ теченіе долгихъ десяти лѣтъ и

---

[2]) Гамильтонъ, т. I, стр. 273—274.

[3]) Тамъ же, стр. 274.

теперь твердо рѣшили не давать возможности ни болѣзнямъ, ни докторамъ удерживать ихъ въ тылу“ [1]).

Грустно выслушивать приговоръ о тактической отсталости, о томъ, что въ теченіе четверти вѣка въ дѣлѣ боевой подготовки не послѣдовало никакого усовершенствованія. Что-жъ,—послушаемъ—какого мнѣнія о насъ авторитетный въ военномъ дѣлѣ судья. „Залпы! Боже праведный „quelle idée“! Несомнѣнный фактъ, что такъ же точно, какъ Русско-Турецкая война велась съ меньшимъ знаніемъ и искусствомъ, чѣмъ предшествовавшая ей Франко-Прусская, такъ же и Маньчжурская война, по крайней мѣрѣ въ первоначальномъ ея развитіи, много уступаетъ въ тактическомъ отношеніи войнѣ въ Южной Африкѣ. Какое счастье, что армія, по мѣрѣ своего роста и увеличенія гордости, все болѣе и болѣе дѣлается неподвижной въ своемъ консерватизмѣ, такъ что, подъ конецъ, уже дѣлается не въ состояніи (какъ организмъ) воспринимать чужой опытъ. Благодаря этому происходитъ то, что, несмотря на донесенія военныхъ агентовъ о замѣченныхъ ими усовершенствованіяхъ въ подготовкѣ и дѣятельности иностранныхъ армій, ихъ братья, офицеры, обращаютъ на все это меньше вниманія, чѣмъ обращалъ въ 1870 г. Наполеонъ III на представленія полковника барона Стоффеля, французскаго военнаго агента въ Берлинѣ“ [2]).

Чѣмъ дальше знакомишься съ записками Гамильтона, тѣмъ больше находишь у него матеріала особенно важнаго для убѣжденія всѣхъ, сомнѣвающихся въ качествахъ русскаго офицера и солдата въ минувшую войну. Въ этихъ видахъ, является совершенно необходимымъ прослѣдить за боемъ у Іоширеи и Пенлина.

„Наступило половина двѣнадцатаго утра, а вмѣстѣ съ этимъ и критическій моментъ боя. Еще одно усиліе и

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 275.

[2]) Тамъ же, стр. 283.

японцы овладѣли бы всей возвышенностью, господствовавшей надъ окружающей мѣстностью, но скоро было обнаружено, что отчаянная энергія атакъ тратилась попустому, встрѣчая желѣзное упорство обороняющихся, рѣшившихъ скорѣе погибнуть на мѣстѣ, чѣмъ уступить хотя бы ярдъ позиціи“ [1]).

„Въ 12 ч. 35 м. дня японцы очень хорошо убѣдились, что русскіе не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія преподнести имъ въ подарокъ эту свою позицію. Японцы сначала пустили въ дѣло свои поддержки, а затѣмъ въ 1 ч. дня и резервы; ихъ орудія открыли бѣглый огонь, а пѣхота пачечный, но ничего изъ этого не выходило. Были сдѣланы одиночными людьми и мелкими партіями одна или двѣ попытки прорваться черезъ послѣдніе 100 ярдовъ, но напряженіе русскаго огня, казалось, скорѣе увеличивалось, чѣмъ уменьшалось. Для наблюдателей съ другой стороны долины Яморинза было вполнѣ ясно, что сибирскіе стрѣлки не намѣрены были обращать ни малѣйшаго вниманія на Императорскую Гвардію и рѣшили, что если японцамъ такъ хочется овладѣть ихъ позиціей, то пусть они возьмутъ ее остріемъ штыковъ. Полковникъ Юмъ разсказывалъ мнѣ, что во время самаго разгара боя одинъ изъ солдатъ обратился къ своему ротному командиру съ замѣчаніемъ, что эти люди, напротивъ, такіе хорошіе стрѣлки и такъ храбро высовываются изъ за закрытій, что, по его мнѣнію, это должно быть японцы, а не русскіе. Офицеръ отвѣтилъ ему, что если это его мнѣніе, то пусть онъ развернетъ свой маленькій флагъ съ Восходящимъ солнцемъ и воткнетъ его на вершину своей позиціи. Солдатъ исполнилъ это и убѣдился, что люди на противоположной сторонѣ видимо не были большими почитателями его національной эмблемы, ибо флагъ былъ немедленно прострѣленъ въ трехъ мѣстахъ“.

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 296—297.

„21-й Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ одинъ изъ немногихъ хорошо стрѣляющихъ полковъ, съ которыми японцамъ пришлось до сихъ поръ встрѣчаться. На такомъ близкомъ разстояніи высунутыя изъ-за хребта возвышенности болѣе чѣмъ на-секунду—означало вѣрную смерть. Нѣтъ болѣе труднаго испытанія для солдата, какъ приказать ему опять повторить атаку послѣ первой неудачной. Его волненіе улеглось, и онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы уяснить себѣ, что первый поднявшійся съ земли человѣкъ будетъ подстрѣленъ, какъ кроликъ. Японцы не сдѣлали этой попытки, серьезной—нужно замѣтить, и своимъ слабымъ огнемъ какъ бы признали, что весь ихъ пылъ къ атакѣ самъ собою охладѣлъ“ [1]).

Почему русскіе отступили, „сказать невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны объясненія этому съ русской стороны. Можетъ быть, по случаю смерти храбраго генерала Келлера. Можетъ быть потому, что до нихъ дошли свѣдѣнія о постигшей ихъ неудачѣ на сѣверномъ, удаленномъ участкѣ сраженія. Какова бы она ни была, эта причина, однако, отступили несомнѣнно не потому, что войска Куроки нанесли пораженіе войскамъ Келлера“ [2]).

Какъ извѣстно, японцамъ удалось однажды произвести ночное нападеніе (на разсвѣтѣ) на бивакъ пѣхотнаго полка. Конечно, поднялась суматоха, которая могла бы очень плохо кончиться, но этого не случилось и батальонъ скоро былъ приведенъ въ порядокъ. „То обстоятельство, что при подобныхъ условіяхъ у русскихъ все-таки не было паники, нужно отнести къ большой ихъ чести. Они энергично, по меньшей мѣрѣ въ продолженіи получаса боролись за сѣдловину (хотя имъ ни разу не удалось овладѣть хребтомъ). Японцы, не принимавшіе участія въ борьбѣ на сѣдловинѣ, никѣмъ не угрожаемые, свободно обстрѣливали непріятель-

---

[1]) Гамильтонъ, т. I, стр. 297.

[2]) Тамъ же, стр. 307.

скій бивакъ, открыто лежащій подъ ними въ разстояніи меньше 300 ярдовъ. По счастью для русскихъ, японцы не такіе хорошіе стрѣлки, какъ буры, а то отъ нихъ осталось бы очень немного“ [1]). Видимо—нѣтъ правилъ безъ исключенія. Такъ, до сихъ поръ изъ показаній Гамильтона явствовало, что русскіе стрѣляютъ плохо, а японцы отлично. А болѣе педантичные въ своихъ изслѣдованіяхъ нѣмцы, вѣроятно знаютъ и еще много интересныхъ случаевъ.

„Я долженъ добавить, что русскіе, очутившіеся въ такомъ злополучномъ затрудненіи, обнаружили въ большинствѣ случаевъ, похвальное хладнокровіе. Видно было, какъ одинъ молодой офицеръ спокойно умывался и старательно причесывалъ свои волосы въ то время, когда воздухъ былъ наполненъ свистомъ пуль“ [2]).

Вотъ и слушайте писателей, доказывающихъ, что наша армія не проявила въ минувшую войну доблести предковъ. Вѣдь, поступокъ этого молодого офицера подобенъ поведенію Скобелева подъ огнемъ турокъ.

„Сраженіе у Пенлина кончилось ужаснымъ побоищемъ, которое хотя и представляетъ очень грустное событіе для всякаго русскаго, но все же, съ извѣстной оговоркой, было славнымъ дѣломъ для всѣхъ участвовавшихъ въ немъ, ибо только немногіе плѣнные были не ранены. Я знаю много начальниковъ, которые, попавъ въ подобное положеніе, сразу же положили бы оружіе. Можетъ быть они правы, а можетъ и нѣтъ; но несомнѣнно, что русская манера смотрѣть на эти вещи болѣе существенно, указываетъ на ихъ патріотическое чувство“ [3]).

Прежде чѣмъ продолжать повѣствованіе о ходѣ военныхъ дѣйствій, Гамильтонъ пользуется свободной минутой и посвящаетъ особую главу (XIX) „Размышленію о томъ и

---

[1]) Гамильтонъ, т. I. стр. 315.
[2]) Тамъ же, стр. 315.
[3]) Тамъ же, стр. 325—326.

семъ". И эту главу нельзя совсѣмъ миновать, не обративъ вниманіе на нижеслѣдующее. По словамъ офицера японской гвардіи, ихъ армія „всегда будетъ пылко сражаться съ кѣмъ-бы ни приказалъ Его Величество Императоръ. Но настоящая война съ Россіей безусловно является исключеніемъ, до такой степени, что всякій рядовой принимаетъ въ ней участіе съ жгучимъ чувствомъ личной обиды, являющейся послѣдствіемъ всѣхъ тѣхъ хищничествъ, обмановъ и униженій, которыя Японіи приходилось долгое время терпѣть отъ Россіи" [1]).

„Одна изъ наиболѣе поражающихъ чертъ какъ японской, такъ и прусской арміи, являющаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени источникомъ ихъ могущества, заключается въ индеферентномъ отношеніи къ личности того или другого начальника, при сохраненіи въ то же время въ полномъ объемѣ духа преданности ко всѣмъ начальникамъ, какъ таковымъ. Уже одного этого свойства почти достаточно, чтобы обезпечить японцамъ и нѣмцамъ успѣхъ въ борьбѣ съ непріятельскими войсками, находящимися подъ командой посредственностей. Ибо западные европейцы, какъ и русскіе, идутъ только за человѣкомъ, а не за мундиромъ, и если этотъ человѣкъ не завоевалъ себѣ ихъ уваженія и симпатій, то они не захотятъ и не смогутъ подъ его командой напречь всѣ свои усилія для побѣды. Съ другой стороны, если бы теперь вдругъ появился на сценѣ какой-нибудь Скобелевъ,—блестящій, смѣлый, энергичный, обожаемый своими войсками и одаренный настоящимъ даромъ военнаго чутья—тогда, думается мнѣ, японцы могли бы найти, что въ военномъ дѣлѣ Запада существуетъ такой элементъ, который имъ еще не приходилось учитывать" [2]).

Роль пѣхоты всегда, во всѣ времена, была не изъ легкихъ, но въ наше время, она является факторомъ, рѣшаю-

[1]) Гамильтонъ, т. II, стр. 7.
[2]) Тамъ же, стр. 15.

щимъ судьбу боя, а значитъ и войны. Къ сожалѣнію это еще недостаточно сознано, а потому мнѣніе Гамильтона является весьма кстати.

„Пища и удобства еще не все, и жизнь на миноноскѣ, думается мнѣ, не вполнѣ представляетъ собой ложе изъ розъ, но все-таки честь, великая честь пѣхотному солдату, ибо онъ создаетъ ее своими личными усиліями;—дай Богъ ему счастья!“ [1]).

Въ августѣ, такъ сказать, наканунѣ Ляоянскихъ дней, японцы разсчитывали выйти на наши сообщенія и закончить войну. Не удалось выполнить эту смѣлую операцію потому, что отступающая армія не только не была разбита, но отходя постоянно огрызалась и готова была броситься на врага, если бы... этого пожелали ея вожди. Послѣдніе шаги арміи Куроки, приближающейся къ Ляояну съ надеждой повторить здѣсь Седанъ, полны жизненнаго интереса въ смыслѣ оцѣнки Гамильтономъ качества русскихъ войскъ. „Наступленіе на сообщенія Куропаткина начинается. Какая прекрасная вещь быть здравымъ, и невредимымъ и присутствовать здѣсь, принимая участіе въ великомъ заключительномъ актѣ Манчжурской войны!“ [2]).

Въ бою 13/26 августа огонь всей японской гвардейской артиллеріи сосредоточился на отдѣльной русской батареѣ, окопавшейся на скатѣ холма. „Всѣ бинокли штаба арміи Куроки были прикованы къ этой волнующей сценѣ, какъ вдругъ... мы увидѣли, что русскіе выкатили изъ ложементовъ свои орудія и перетащили ихъ въ другой рядъ окоповъ на сѣверной сторонѣ холма, откуда сейчасъ же снова открыли огонь, между тѣмъ, какъ гвардейская артиллерія продолжала бомбардировать пустые ложементы на южномъ склонѣ. Офицеры штаба, вмѣсто того, чтобы разсердиться, какъ сдѣлали бы европейцы или американцы

---

[1]) Гамильтонъ, т. II, стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 31.

при видѣ успѣшной хитрости русскихъ, были неподдѣльно заинтересованы и удовлетворены поступкомъ русскихъ. „Ils luttent bien!“—восклицали они“ [1]).

„Офицеры штаба горячо разспрашивали адъютанта Куроки и не скрывали своего мнѣнія, что отступленіе было выполнено удивительно хорошо. Какъ кажется, вся ихъ линія отступила одновременно и затѣмъ начала сосредоточиваться къ Ампину. Если бы каждая русская часть дѣйствовала независимо, то японскія части, пришедшія уже въ близкое соприкосновеніе съ ними, имѣли бы возможность преслѣдовать ихъ также самостоятельно. Однако, на самомъ дѣлѣ, русскіе не только сохранили взаимную связь, но съ каждымъ шагомъ къ Ампину сближались все болѣе и болѣе“ [2]).

Подходъ японцевъ къ Ляояну, сопряженный съ рискованной переправой Куроки, закончился для нихъ вполнѣ успѣшно и, не удивительно, что даже разсчетливые японцы могли увлечься и не въ шутку мечтать о Седанѣ. „Куроки сіяетъ. Великій моментъ его жизни наступилъ. Ему остается лишь прорваться черезъ Манджу-яму и сопку 131, чтобы сѣсть верхомъ на линію желѣзной дороги, которая ясно виднѣется отсюда въ западномъ направленіи за деревней Сыквантунъ, съ ея длинными поѣздами, хлопотливо увозимыми на сѣверъ. Нѣкоторые изъ штаба напомнили мнѣ (какъ-будто мнѣ нужно было напоминать), что сегодня годовщина Седана. Какъ будетъ странно, если исторія повторится! Надежды японцевъ велики и все кажется имъ возможнымъ. Я послалъ слѣдующую телеграмму: „1-е сентября. Съ прошлой телеграммы шесть дней и ночей непрерывный упорный бой, марши, укрѣпленіе позицій. Войска безъ сна три ночи, но Куроки не даетъ непріятелю отдыха

---

1) Гамильтонъ, т. II, стр. 36.
2) Тамъ же, стр. 46.

и переправой Тайцзы-хэ открылъ прекрасные виды на будущее, полное обезпеченіе большой побѣды“ [1]).

Какъ извѣстно, при арміи Куроки состоялъ швейцарскій военный агентъ, полковникъ фонъ-Герчъ, написавшій— „о русско-японской войнѣ“. Онъ жадно слѣдилъ за дѣйствіями Восточнаго отряда и съ его наблюденіями нельзя не считаться. Въ общемъ, и этотъ иностранецъ начинаетъ съ удивленія недостаточности нашей тактической подготовки къ веденію войны и боя. „Постоянная высылка отдѣльныхъ ротъ и баталіоновъ на развѣдку являлась безцѣльною тратою силъ, такъ какъ русскимъ было извѣстно, что перевалы заняты японцами. Въ конечномъ результатѣ всѣ эти стычки подтверждали только, что японцы еще не ушли, т.-е. давали свѣдѣнія, которыя могли быть добыты простымъ кавалерійскимъ разъѣздомъ. Усиленныя рекогносцировки имѣли бы смыслъ, если бы русскіе серьезно намѣревались перейти въ наступленіе, а этого намѣренія у нихъ не было. Даже вступая въ бой, они постоянно оглядывались назадъ“.

„Всѣ ихъ предпріятія до 9 (22) іюля производятъ впечатлѣніе, точно у нихъ не было ясно поставленной цѣли. Намѣреваясь перейти въ наступленіе, они посылаютъ нѣсколько полковъ впередъ, но какъ бы не вѣрятъ въ возможность побѣды. Они предпринимаютъ усиленныя рекогносцировки и не пользуются добытыми свѣдѣніями для немедленнаго перехода въ наступленіе всѣми силами. Они какъ бы придерживались буквы тактическихъ истинъ, не сообразуясь съ обстановкою“ [2]).

„Русскіе очевидно предполагали, что японцы могутъ ихъ атаковать, а потому они и заняли соотвѣтствующее расположеніе. Но, такъ какъ они сами собирались перейти въ наступленіе и не допускали возможности, чтобы японцы

---

[1]) Герчъ, стр. 84—85.
[2]) Герчъ, стр. 38.

ихъ предупредили, то не сочли нужнымъ организовать развѣдку и охраненіе".

„Два выдвинутыхъ впередъ баталіона 122-го полка, бивакъ которыхъ обстрѣляли японцы у западнаго подножія Макураямы, выставили постъ на дорогѣ, проходившей около этой возвышенности. Если бы они считали атаку возможною, то, вѣроятно, расположились бы на самой высотѣ, выставили бы мѣры охраненія въ долинѣ Тайцзихэ (Сихэ) и къ сторонѣ Хокако и, во всякомъ случаѣ, заставу на сѣверной, болѣе высокой, части горы" [1]).

„Повидимому, русскіе опасались потерять свои орудія и потому ставили ихъ такъ, чтобы они не подвергались опасности, мало заботясь о томъ, могли ли они дѣйствовать или нѣтъ".

„Будь на уступѣ, находившемся къ юго-западу отъ Ямолинзы и на высотахъ около Суйтянзы, построены батареи, онѣ обстрѣливали бы долину продольно и вся позиція пріобрѣла бы такую силу, что японцамъ врядъ ли удалось ею овладѣть. Въ виду того, что русскіе имѣли въ своемъ распоряженіи много времени, они могли устроить удобныя дороги для перевозки орудія на эти передовыя позиціи" [2]).

Въ критическомъ разборѣ главнѣйшихъ боевъ перваго періода войны, французскій подполковникъ Бардонно вѣрно подмѣтилъ нашу склонность къ тактикѣ позицій и другіе недостатки, въ которыхъ нельзя не сознаться. Напротивъ, подобныя указанія постороннихъ наблюдателей приносятъ лишь пользу арміи, не утратившей присущей ей боевой доблести.

Бой за перевалъ Янцзелинъ наводитъ Бардонно на нѣсколько грустныя размышленія. „Ген. Случевскій признавалъ, что русская армія и ея генералы какъ бы неспо-

---

1) Герчъ, стр. 67.
2) Тамъ же, стр. 68.

собны къ горной войнѣ. При этомъ условіи, будь во главѣ этой арміи человѣкъ энергичный, дѣятельный, сильный, сознающій выгоду наступательнаго образа дѣйствій, убѣжденный въ томъ, что позиціи сковываютъ войска и сводятъ частный починъ на нѣтъ, или же разслабленный инженеръ, находящійся подъ гипнозомъ мѣстности и управляющій своими войсками изъ фаэтона, носи онъ фамилію Келлеръ или Случевскій, все равно, въ конечномъ результатѣ было бы только отступленіе“ [1]).

„Тактика позицій“ погубила наступательный духъ русскихъ. Маневръ, могущій дать блестящіе результаты на пересѣченной мѣстности и поставить противника въ тяжелое положеніе, былъ вытѣсненъ пассивною обороною; общія контръ-атаки отошли въ область преданій; взаимная поддержка разныхъ родовъ оружія и сознаніе необходимости направлять всѣ усилія къ достиженію общей цѣли проявлялись лишь въ видѣ исключенія; съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ резервы рѣдко вводятся въ дѣло и ихъ, какъ бы нехотя, бросаютъ на чашку вѣсовъ, а потому они служатъ только для того, чтобы нѣсколько отсрочить пораженіе“ [2]).

Бои Восточнаго отряда, предшествовавшіе Ляоянскому сраженію велись неудачно въ смыслѣ управленія войсками.

„Во время этихъ боевъ отсутствіе общаго управленія русскими войсками бросается въ глаза. Подъ Ампиномъ 10-й армейскій и 3-й сибирскій корпуса дѣйствуютъ безъ всякой связи. Въ распоряженіи начальника горной группы имѣется резервъ въ 22,000 человѣкъ, при помощи котораго онъ могъ оказать могучее воздѣйствіе на исходъ боя. Между тѣмъ онъ ограничился выдѣленіемъ отдѣльныхъ отрядовъ для того, чтобы возстановить равновѣсіе силъ, нарушенное

---

[1]) Барданно, стр. 12.
[2]) Тоже, стр. 12.

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; резервъ этотъ не представляетъ для него того средства, при помощи котораго полководецъ долженъ склонить успѣхъ на свою сторону".

„Здѣсь опять рѣзко выразился недостатокъ средствъ, введенныхъ въ дѣло, какъ во время боя, такъ и въ теченіе всей кампаніи. Недостаточно было также участвовавшее въ бою количество артиллеріи, большая часть которой бездѣйствовала" [2]).

Полковникъ Габерманъ и капитанъ Новакъ, обработавъ тактическіе очерки изъ минувшей войны, не упускаютъ случая объяснить причину неудачи нашей атаки Мотіенлинскаго перевала въ ночь на 4 іюля 1904 г. „При подробномъ знакомствѣ съ обстановкою, въ настоящее время, получается впечатлѣніе, что превосходство силъ русскихъ не было достаточно для того, чтобы навѣрное обезпечить успѣхъ. Казалось бы, что даже при неполной оріентировкѣ возможность подхода подкрѣпленій къ японцамъ и большое протяженіе ихъ фронта, вынуждавшее русскихъ къ растягиванію, должно было служить указаніемъ на недостаточность силъ, назначенныхъ русскими для выполненія задуманнаго препріятія" [1]).

ф. Лигницъ въ своемъ сочиненіе о Русско-Японской воинѣ отмѣчаетъ, насколько дѣйствія арміи Куроки должны были безпокоить Куропаткина.

„Занятіе перевалов частями арміи Куроки вызвало у генерала Куропаткина серьезныя опасенія, такъ какъ онъ совершенно не былъ освѣдомленъ о происходящемъ у японцевъ, и кромѣ того, имѣлись указанія на передвиженіе ихъ армій къ западу. Поэтому командующій арміею приказалъ отряду графа Келлера произвести 4-го (17-го) іюля усиленную рекогносцировку къ Мотіенлинскому перевалу. При этомъ онъ указалъ, что овладѣніе перевалами

---

[2]) Бардонно, стр. 1.

[1]) Габерманъ и Новакъ, стр. 5.

не входитъ въ задачу отряда. Подобнаго рода рекогносцировки производились отрядомъ неоднократно, но никогда не давали результатовъ, такъ какъ достигнуть главной позиціи японцевъ не удавалось, и кавалерія не могла дѣйствовать въ горахъ, тѣмъ болѣе, что лошади ея были изнурены. При неимѣніи картъ и отсутствіи надежныхъ проводниковъ, пѣхотныя охотничьи команды также не приносили ожидавшейся отъ нихъ пользы“ [1]).

Итальянскій военный агентъ Ф. Камперіо записалъ свои впечатлѣнія о боѣ подъ Ляндянсяномъ. Нельзя не привести здѣсь эти строки, дышащія неподдѣльнымъ уваженіемъ къ русскому солдату,—стрѣлку и артиллеристу,—вынесшему на своей широкой спинѣ всю тяжесть Манчжурской войны. „Русскимъ неустрашимымъ канонирамъ, несмотря на ураганъ японскихъ снарядовъ, удавалось продолжать стрѣльбу, нанося не малый вредъ противнику. Однако, нѣсколько японскихъ выстрѣловъ оказались дѣйствительными, и къ вечеру всѣ офицеры были ранены или контужены“ [2]).

„Мнѣ казалось, что я читалъ мысли людей, находящихся тамъ при этихъ орудіяхъ; для нихъ было важно только то, чтобы уничтожить того, именно, врага, который находился передъ ними, а придетъ—ли еще другой справа или слѣва имъ не было до этого никакого дѣла. Мы же, оставаясь безучастными зрителями, жили одной жизнью съ горстью неустрашимыхъ русскихъ артиллеристовъ и безумно радовались каждому ихъ удачному выстрѣлу“ [3]).

„Ночь мы провели близъ непріятеля въ дер. Сяолинцзы, а утромъ 15-го августа мнѣ пришлось видѣть близь Ванбатайскаго перевала одну изъ тѣхъ сценъ, которыя нельзя забыть. Казалось, что здѣсь не долина, а адская яма:

---

[1]) ф. Лигницъ, стр. 54.
[2]) Ф. Камперіо „Подъ Ляндянсяномъ и Ляояномъ“, стр. 11.
[3]) Тамъ же, стр. 12.

люди, животныя и фургоны все это, сбившееся въ одну кучу, въ непролазной грязи ждало съ нетерпѣніемъ своей очереди—перехода черезъ перевалъ. Въ началѣ перевала находились два генерала и офицеры штаба корпуса, уже всѣ потерявшіе голосъ послѣ цѣлой ночи, проведенной здѣсь, для руководства этимъ труднымъ переходомъ—при свѣтѣ факеловъ. Цѣлыя роты стрѣлковъ оставили оружіе, чтобы помогать изнуреннымъ лошадямъ, подталкивая орудія и передвигая колеса. Эти несчастные люди ободряли другъ друга крикомъ; одежда вся на нихъ была изорвана и въ грязи, а лица—это тоже комъ грязи, въ которомъ свѣтились глаза".

„Я видѣлъ здѣсь сестеръ, ухаживающихъ за ранеными солдатиками, лежащими молча, въ неудобныхъ двуколкахъ и терпѣливо ожидавшихъ своей очереди. Вотъ два солдата поставили на землю, конечно въ грязь, носилки, на которыхъ я увидѣлъ вытянутое тѣло съ блѣднымъ измученнымъ лицомъ,—то была женщина—сестра милосердія въ тифѣ. Оба солдата стояли, наклонившись надъ носилками, и было видно съ какою благородной заботливостью они старались успокоить и увѣрить ее, что скоро дойдутъ до мѣста. Никто другой не обращалъ вниманія на эту группу, никого не трогала эта картина и всѣ равнодушно проходили мимо" [1]).

„Оказалось, что X-й корпусъ, находившійся къ востоку отъ насъ, оставилъ одну батарею на высотѣ къ сѣверо-востоку отъ дер. Сяолинцзы. Это было весьма печально. Не теряя времени, штабомъ нашего корпуса были отправлены туда капитаны: Скоропадскій и Озерскій; поручики Фонъ-Лангъ и Крутоцкій съ девятой и двѣнадцатой ротами 22-го Вост.-Сибирск. стрѣлков. полка, съ пѣшими охотниками, со второй ротой 10-го Восточн.-Сибирск. стрѣлк. полка. Эти храбрые офицеры и солдаты, полные отваги,

[1]) Ф. Камперіо „Подъ Ляндянсяномъ и Ляояномъ", стр. 18—19.

подвергаясь большой опасности , подошли къ непріятелю и подъ огнемъ его, почти безъ лошадей, на лямкахъ увезли оставленныя орудія и доставили ихъ въ Ванбатай. Такимъ образомъ, батарея другого корпуса очутилась у сибиряковъ—этихъ солдатъ, о которыхъ я слышалъ когда-то столько дурного. Я только могу сказать: „да здравствуютъ Восточно Сибирскіе стрѣлки!“ [1]).

Въ заключеніе сказаній иностранцевъ о борьбѣ нашей съ японцами въ доляоянскій періодъ кампаніи, нельзя не позволить себѣ удовольствія, привести выдержки изъ оффиціальныхъ донесеній японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Про бой у Наншаня, 26 мая, японцы говорятъ: „русскіе упорно сопротивлялись, такъ что наши многократныя атаки были сначала недѣйствительны. Но, наконецъ, русскіе не выдержали ожесточенной атаки, произведенной нашими войсками въ 3 часа дня, и покинули свой лагерь, отойдя по направленію на Нанквалингъ“ [2]).

„Противникъ, находившійся противъ правой колонны, превосходилъ насъ численностью и нѣсколько разъ переходилъ въ наступленіе. Поэтому къ нашимъ силамъ въ этомъ пунктѣ дважды подходило подкрѣпленіе изъ общеармейскаго резерва. Тѣмъ временемъ положеніе правой колонны все-таки становилось весьма тяжелымъ, но въ это время къ опасному пункту прибылъ кавалерійскій отрядъ, который сталъ угрожать лѣвому флангу и тылу противника. Непріятель былъ окруженъ нашими колоннами, но оказалъ сильное сопротивленіе, а, получивъ подкрѣпленіе, пытался даже вырвать побѣду повторными контръ-атаками. Но наши атаки все-таки взяли, наконецъ, верхъ и непріятельскія силы начали отступать около 3 час. дня“ [3]).

---

[1]) Камперіо, стр. 19.
[2]) М. Кинай, стр. 148.
[3]) Тамъ же, стр. 169.

Кромѣ того, изъ ряда донесеній о бояхъ можно почерпнуть много отрывочныхъ данныхъ, которыя при сопоставленіи съ показаніями остальныхъ иностранцевъ, даютъ цѣнность всему изслѣдованію.

„Силы противника, состоящія приблизительно изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты и отряда конной артиллеріи съ двумя орудіями и двумя пулеметами, упорно обороняли свои позиціи“ [1]). Вообще, свидѣтельство нашихъ противниковъ объ упорствѣ обороны сопровождаетъ всѣ донесенія и нерѣдко встрѣчается добавленіе, что сломить упорство русскихъ могли только японскія войска.

„Отрядъ возобновилъ атаку съ полуночи на 27-ое іюня, послѣ чего отогналъ противника и занялъ его позиціи.

„Послѣ полудня противникъ, однако, получилъ въ подкрѣпленіе около двухъ батальоновъ пѣхоты съ 16 орудіями. Онъ нѣсколько разъ шелъ въ атаку на наши позиціи, пытаясь отбить ихъ, но напрасно“ [2]).

„Въ 5 час. утра 27-го іюня наша артиллерія открыла огонь по противнику, который окопался на укрѣпленной позиціи; русскіе умѣло отвѣчали на огонь. Они осыпали наши войска ожесточеннымъ огнемъ, хорошо пристрѣлявшись, что временно поставило нашу артиллерію въ тяжелое положеніе“ [3]).

„Феншуйлинъ образуетъ ключъ къ Симученской дорогѣ; его укрѣпленія принадлежатъ къ типу временныхъ, на постройку которыхъ противнику понадобилось три мѣсяца. Они состояли изъ окоповъ для пѣхоты, батарей, крытыхъ ходовъ сообщенія; укрѣпленія снабжены всѣмъ нужнымъ для бивуака войскъ и т. д. Подступы съ фронта были такъ хорошо защищены проволочными загражденіями и баррикадами, что овладѣть позиціей атакой съ фронта не могло быть и рѣчи. Въ этомъ направленіи удачно дѣй-

[1]) М. Кинай, стр. 175.
[2]) Тамъ же, стр. 175.
[3]) Тамъ же, стр. 176.

ствовалъ отрядъ Асада, а другія колонны пересѣкали одинъ за другимъ пути отступленія противнику; вслѣдствіе этого эта сильная позиція и досталась намъ въ руки“ [1]).

Въ подробномъ донесеніи объ этомъ боѣ упоминается о штыковой работѣ, безъ которой никакія силы не могли принудить русскихъ къ отступленію

„Услыша ружейную стрѣльбу, наши авангарды были уже готовы сняться со своей позиціи, когда замѣтили, что часть непріятельскихъ силъ проникла даже черезъ наши линіи. Завязался рукопашный бой не на жизнь, а на смерть [2]). Противникъ былъ численностью около двухъ батальоновъ. Такъ какъ этотъ бой велся, главнымъ образомъ, въ рукопашную, то большая часть нашихъ убитыхъ и раненыхъ имѣли штыковыя раны“ [3]).

Бои за Кайпингъ длились съ 6 по 9 Іюля. По японскому донесенію, русскіе бѣжали, но оказывали сопротивленіе на каждомъ узкомъ дефиле дороги. Тутъ, мнѣ кажется, мы имѣемъ дѣло съ недостаткомъ перевода, настолько не совмѣстимы понятія о бѣгствѣ и оборонѣ каждаго дефиле. Привожу выдержку въ надеждѣ, что со временемъ эта ошибка перевода будетъ исправлена. „Русскія силы состоящія изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, бѣжали на сѣверъ, но отступая, оказывали сопротивленіе въ каждомъ узкомъ дефиле дороги, черезъ которое имъ приходилось проходить“ [4]).

Дагушанская армія тоже встрѣтила упорное сопротивленіе русскихъ, а атака гр. Келлера на Модулинъ 17 Іюля хотя и отбита, но противникъ называетъ ее яростной. „Противникъ, занимавшій высоты къ западу отъ Хсіенкяю, оказывалъ упорное сопротивленіе и удерживалъ свои позиціи до вечера. Главный отрядъ нашихъ войскъ, наступавшій

[1]) М. Кинай, стр. 177.
[2]) Тамъ же, стр. 180.
[3]) Тамъ же, стр. 181.
[4]) Тамъ же, стр. 183.

на Тсіехуаньинъ, завязалъ бой съ непріятельскими силами, состоящими приблизительно изъ двухъ батальоновъ пѣхоты и одной роты артиллеріи, длившійся до вечера 9-го іюля, когда, наконецъ, удалось оттѣснить русскія войска. Наши войска провели ночь въ полной боевой готовности“ [1]).

„Подъ прикрытіемъ густого тумана 17-го іюля, въ 3 часа утра, на отрядъ нашей арміи, занимавшій Модулинъ и лежащія впереди позиціи, была произведена яростная атака графомъ Келлеромъ, во главѣ двухъ дивизій. Наши силы оказали упорное сопротивленіе и отбили эту атаку; мы преслѣдовали противника до Кинкянаоцзы (2½ мили къ востоку отъ Симучена). Выясняются потери обѣихъ сторонъ. Наши войска, которыя участвовали въ этомъ дѣлѣ, выполняли свой долгъ блестящимъ образомъ“ [2]).

До сихъ поръ я знакомилъ читателя съ показаніями иностранцевъ, наблюдавшихъ дѣйствія Восточнаго отряда, его борьбу съ арміей Куроки. Между тѣмъ, дѣйствія на южномъ фронтѣ тоже представляютъ не меньшій интересъ. Иммануэль приходитъ къ очень лестному для насъ заключенію о Вафангоусскомъ сраженіи. „Штакельбергу пришлось исполнить порученіе, почти не имѣющее себѣ равнаго по трудности, и **только благодаря доблестному поведенію войскъ** и вялому преслѣдованію со стороны Оку, а также бездѣйствію Нодзу, ему удалось выйти изъ отчаяннаго положенія“ [3]).

Ф. Лигницъ не высокаго мнѣнія о результатахъ боя подъ Дашичао, особенно въ моральномъ отношеніи. „Нѣкоторые считаютъ, что подъ Дашичао русскіе одержали тактическій успѣхъ, но потерпѣли стратегическое пораженіе, и что будто бы успѣхъ этотъ оказалъ прекрасное моральное воздѣйствіе на войска, духъ которыхъ былъ нѣ-

---

[1]) М. Кинай, стр. 187.
[2]) Тамъ же, стр. 187.
[3]) Иммануэль, стр. 13.

сколько поколебленъ неудачами подъ Тюренченомъ и Вафангоу."

„Съ послѣднимъ значеніемъ этого мнимаго успѣха согласны далеко не всѣ очевидцы. Такъ, одинъ изъ нихъ пишетъ:

„Впервые мнѣ пришлось увидѣть, какое впечатлѣніе производитъ приказаніе объ отступленіи".

„Хотя не можетъ быть и рѣчи о бѣгствѣ, видъ колоны былъ очень печаленъ. Выраженіе лицъ было подавленное и недовольное... Въ хвостѣ колонны шли сибирскіе стрѣлки, одѣтые въ изодранные мундиры и изношенные сапоги. Многіе изъ нихъ были босы. Большинство, не взирая на запрещеніе и ужасную грязь, несло съ собою разныя не положенныя по уставу вещи, разстаться съ которыми имъ было жалко"... [1])

„На разсвѣтѣ 11-го (24-го), японскій правый флангъ нѣсколько продвинулся впередъ, 3-я дивизія, находившаяся въ центрѣ, расположилась укрыто за серединою. Въ 8 часовъ утра русская артиллерія открыла огонь и въ теченіе всего дня сохранила за собою превосходство. Послѣ полудня лѣвый флангъ 1-го корпуса, имѣя впереди батальонъ Тобольскаго полка, тщетно пытался перейти въ наступленіе, такъ какъ громадныя потери вынудили его отступить.

„Хотя японцамъ и не удавалось подавить огонь русской артиллеріи, генералъ Оку въ 4 часа дня приказалъ атаковать промежутокъ, образовавшійся между русскими корпусами. Атака эта была отбита. Если бы русскіе въ это время двинулись впередъ своимъ лѣвымъ флангомъ, направивъ кавалерію въ долину, то вѣроятно, успѣхъ былъ бы на ихъ сторонѣ; но они остались неподвижно на мѣстѣ и поддерживали огонь до 9-ти часовъ вечера" [2]).

---

[1]) ф. Лигницъ, стр. 19—20.

[2]) Тамъ же, стр. 56—57. (Выпускъ XXIV).

„Но вернемся покуда къ бою у Вафангоу. Отдавъ справедливость доблести нашихъ войскъ, иностранцы очень внимательно изслѣдуютъ причины нашего пораженія и опредѣляютъ моральное вліяніе этой неудачи на дальнѣйщій ходъ военныхъ дѣйствій. И тутъ, также ярко выступаетъ наше неумѣніе вести войну и бой. Съ такими недостатками не совладаетъ никакая армія, и ея доблесть обыкновенно оказывается истраченной въ пустую. „2-го (15-го) числа— 5,000 человѣкъ, занявъ до 2,500 шаговъ по фронту двигаются въ атаку безъ предварительной артиллерійской подготовки. Съ разстоянія въ 2,000 шаговъ дѣлаются попытки наступать тѣмъ порядкомъ, который зачастую приходится видѣть на учебныхъ плацахъ, но онѣ не удаются“ [1]).

„Послѣ этого печальнаго опыта, наступленіе выливается въ другія формы. Становится яснымъ, что прежде всего надо подойти на разстояніе дѣйствительнаго выстрѣла, а потому отказываются отъ обычныхъ формъ и ищутъ скрытыхъ подступовъ“ [2]).

„Во время дальнѣйшаго хода боя у русскихъ не видно единства въ управленіи имъ. Для проявленія послѣдняго нужно было, прежде всего, привести въ порядокъ перемѣшавшіяся части, а для этого требовалось время“ [3]).

„Будучи охвачены съ запада и обстрѣливаемы фланговымъ огнемъ съ высоты 380, нѣкоторые младшіе начальники пытались продолжать наступленіе, но ихъ доблестные разрозненные порывы не увѣнчались успѣхомъ.“

„Несмотря на разрозненность попытокъ, нѣкоторымъ частямъ удалось ворваться въ непріятельскую позицію, а потому намъ кажется, что на сторонѣ русскихъ, было много данныхъ одержать побѣду.“

„Но послѣднее ими, повидимому, не сознавалось“ [4]).

---

[1]) Габерманъ и Новакъ (выпускъ XXIII), стр. 49.
[2]) Тамъ же, стр. 49.
[3]) Тамъ же, стр. 51.
[4]) Тамъ же, стр. 51.

„Такъ же, какъ и передъ сраженіемъ подъ Седаномъ, нескромность печати повела къ тому, что предположенный переходъ въ наступленіе сдѣлался общеизвѣстнымъ. Въ номерѣ газеты „Свѣтъ“ отъ 19-го мая (1-го іюня) было помѣщено слѣдующее извѣстіе: „Парижъ 17-го (30-го) мая). Нѣкоторыя здѣшнія газеты сообщаютъ, что послѣ встрѣчи генерала Куропаткина съ адмираломъ Алексѣевымъ рѣшено послать къ Портъ-Артуру особую вспомогательную армію. Считая этотъ слухъ основательнымъ, они указываютъ на опасность, угрожающую японцамъ“. Послѣ этого лондонскія, берлинскія и вѣнскія современныя изданія стали обсуждать вѣроятность успѣха операціи, порученной генералу Штакельбергу. Такимъ образомъ, японцы оказались предупрежденными“ [1]). Да, мы были далеки отъ пониманія того, что во время войны можно сообщать во всеуслышаніе. Повидимому, этотъ вопросъ не былъ понятъ и спеціальной цензурой. Откровенные мы люди, не сознающіе всей пагубности этого, столь опаснаго во время войны, порока.

„Неудачное наступленіе корпуса Штакельберга оказало весьма пагубное вліяніе на духъ войскъ, но принесло пользу въ томъ отношеніи, что атака Портъ-Артура замедлилась на цѣлый мѣсяцъ. Это дало русскимъ возможность возвести между Цзиньчжоу и Портъ-Артуромъ двойную линію укрѣпленій и усовершенствовать фортификаціонныя постройки, которыя еще не были закончены“ [2]).

Отходъ отъ Хайчена, по мнѣнію ф. Лигница, не находитъ видимыхъ причинъ для своего оправданія. „Доказать, что численное превосходство было на сторонѣ японцевъ, нельзя. Восточно-Сибирскія части имѣли возможность упражняться еще въ мирное время въ дѣйствіяхъ на гористой мѣстности, а войска двинутыя изъ южной Россіи (10-й корпусъ), казалось, должны были еще дома

---

[1]) Ф. Лигницъ, (вып. xxiv) стр. 36.

[2]) Тамъ же, стр. 47.

привыкнуть къ жарѣ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ, протекшихъ со времени начала войны, горная артиллерія могла быть подвезена, а для вьючныхъ обозовъ можно было воспользоваться милліономъословъ и муловъ, имѣвшихся въ Манчжуріи“ [1]).

Офиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ и тутъ даютъ много характерныхъ чертъ боевой работы нашей арміи. Такъ, возьмемъ рядъ эпизодовъ, относящихся къ занятію Сихеяна 18 и 19 іюля. „Нашъ авангардъ, съ однимъ батальономъ нѣкоего полка, вступили въ бой въ 6 час. 30 мин. вечера, но благодаря упорному сопротивленію противника, которое онъ оказывалъ даже послѣ заката солнца, наши войска прекратили огонь и провели ночь въ боевой готовности.“

„Въ этомъ бою противникъ дважды предпринималъ штыковыя атаки, но оба раза былъ отбитъ“ [2]).

„Тѣмъ временемъ, наши главныя силы стали наступать, и при поддержкѣ жестокаго артиллерійскаго огня атаковали противника. Но непріятельская пѣхота, однако, упорно держалась, такъ что нашимъ войскамъ пришлось выдержать жестокій бой. Съ другой стороны, отрядъ, направившійся на правый флангъ противника совмѣстно съ еще однимъ отрядомъ, посланнымъ ему на поддержку, пошли въ атаку на непріятельскій флангъ, гдѣ и завязался кровопролитный жестокій бой“ [3]).

Не менѣе интереса и значенія для насъ имѣютъ донесенія японцевъ о боѣ у Дашичао, который съ нашей точки зрѣнія можетъ быть разсматриваемъ какъ тактическій успѣхъ. „Каждая колонна гнала передъ собой отступавшихъ русскихъ. Въ теченіе этого дня нѣсколько отрядовъ русской пѣхоты и кавалеріи, съ приданной каждому отряду батареей

---

[1]) Ф. Лигницъ, (вып. xxiv), стр. 63.
[2]) М. Кинай, т. I, стр. 192.
[3]) Тамъ же, стр. 193.

конной артиллеріи, много разъ оказывали сопротивленіе наступленію нашего лѣваго фланга“ [1]).

„Неблагопріятный характеръ мѣстности не давалъ возможности нашей артиллеріи занять позицію, откуда мы могли бы удачно отвѣчать на непріятельскій огонь. Поэтому пѣхота должна была расположиться укрыто и выжидать случая для атаки“ [2]).

„Благодаря яростному огню многочисленныхъ русскихъ орудій, расположенныхъ между Тсингшишаномъ и Вангматаемъ, наша пѣхота пріостановила свое движеніе и стала ожидать наступленія праваго фланга и приближенія нашей артиллеріи“ [3]).

„Непріятельскія главныя позиціи покрывали гребень высотъ, простирающихся отъ Ньюшиншана на его правомъ флангѣ до Тапинлина на лѣвомъ, черезъ Теингшишанъ. Онѣ были раздѣлены на оборонительные участки, которые командовали надъ всѣмъ райономъ нашихъ дѣйствій и имѣли обширное поле обстрѣла. Окопы, расположенные террасами, имѣли бойницы и закрытія и были защищены засѣками, проволочными загражденіями и фугасами. Эти укрѣпленія съ точки зрѣнія полевой тактики были совершенны. Въ особенности умѣло использовала артиллерія характеръ мѣстности и заняла такія укрытыя позиціи, что мы точно не могли установить мѣсто нахожденія орудій“ [4]).

„Что касается силъ ближайшихъ къ правому флангу, то онѣ принуждены были покинуть одну изъ занятыхъ непріятельскихъ позицій, на которую онѣ, благодаря чрезвычайной храбрости, успѣли проникнуть; наши войска должны были отступить, въ виду необычайной силы непріятельской позиціи и изъ-за контръ-атаки превосходныхъ силъ противника“ [5]).

---

[1]) М. Кинай, т. I, стр. 199.
[2]) Тамъ же, стр. 200.
[3]) Тамъ же, стр. 200.
[4]) и [5]) Тамъ же, стр. 201—202.

Бои 30 и 31 Іюля достались японцамъ далеко не даромъ. Но, постоянное, систематическое отступленіе русскихъ сказалось на настроеніи японской арміи; духъ ея былъ бодръ и, они двигались къ Ляояну въ полной увѣренности нанести противнику послѣдній, окончательный, смертельный ударъ.

„Главныя силы нашей арміи“, доносятъ японцы, „могли уже въ 10 час. 30 мин. утра занять непріятельскія позиціи, виднѣвшіяся на высотахъ къ западу отъ Тапинлина, но вслѣдствіе яростнаго огня непріятельской артиллеріи, расположенной на горахъ къ востоку отъ Сяофангшана, мы не могли двинуться дальше. Затѣмъ, непріятель постепенно получалъ свѣжія подкрѣпленія и въ 5 час. 30 мин. вечера по всему своему фронту перешелъ въ наступленіе, но былъ сразу отбитъ огнемъ нашей артиллеріи и пѣхоты. Противникъ понесъ тяжелыя потери, но мы не могли преслѣдовать его въ виду жестокаго огня его артиллеріи. Наши войска провели ночь въ тѣсной близости съ непріятелемъ“ [1]).

„Наши потери“, продолжаетъ тотъ же источникъ, „еще не установлены, но, вѣроятно, велики. Потери противника также неизвѣстны“.

„Несмотря на тотъ фактъ, что противникъ съ отчаяніемъ защищалъ свои позиціи посредствомъ временныхъ укрѣпленій, наши арміи, послѣ десятидневнаго боя, достигли своей цѣли; наши офицеры и люди, не взирая на многочисленныя потери, бодры духомъ“ [2]).

Надвигалось Ляоянское сраженіе. Обѣ борющіяся стороны шли въ это сраженіе какъ въ долженствующее рѣшить участь войны. И та и другая сторона не достигли своей цѣли. Почему? Послушаемъ, покуда, сказанія иностранцевъ.

---

[1]) М. Кинай, т. I, стр. 206.
[2]) Тамъ же, стр. 223.

IV.

Ляоянъ.

Съ первыхъ словъ своего разсказа, бар. Теттау дѣлаетъ весьма характерную замѣтку о вмѣшательствѣ командующаго арміей въ права и обязанности своихъ подчиненныхъ.

„Я долженъ упомянуть здѣсь", пишетъ Теттау, „объ одномъ обстоятельствѣ, которое хотя и не существенно, но весьма характерно для командныхъ условій того времени. Поздно ночью $^{16}/_{29}$-го августа генералъ Куропаткинъ по телефону обратилъ вниманіе штаба корпуса на то, что сопка между Яютчи и Кавлицуномъ составляетъ „ключъ" къ позиціи 10-го корпуса и поэтому ее слѣдуетъ занять по меньшей мѣрѣ двумя баталіонами. Значитъ, командующій арміей не только отдавалъ непосредственно самыя точныя приказанія каждому корпусу и отряду своей арміи—распредѣленіе арміи на группы было опять уничтожено,—но онъ даже заботился о размѣщеніи отдѣльныхъ баталіоновъ и пытался всячески вліять на распоряженія своихъ подчиненныхъ. Такая опека не могла поощрять иниціативу начальниковъ" [1]).

За $^{17}/_{30}$ августа событія сложились такъ, что „полученныя вечеромъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія давали надежду, что *достигнутъ первый успѣхъ*, хотя—цѣною большихъ жертвъ" [2]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 263.
[2]) Тамъ же, стр. 272.

„Съ большими потерями японская пѣхота добралась въ гаолянѣ къ русскимъ позиціямъ на разстояніе 1000 метровъ. Каждая попытка пробраться впередъ терпѣла пораженіе, такъ какъ передъ русскими окопами гаолянъ былъ срѣзанъ и японскія стрѣлковыя цѣпи, выходившія изъ гаоляноваго закрытія, падали отъ русскаго огня".

„3-й сибирскій корпусъ также побѣдоносно отразилъ всѣ атаки 4-й японской арміи и взялъ назадъ свою потерянную утромъ позицію. Очень хорошо характеризуетъ настроеніе, которое овладѣло всѣми вечеромъ 17/30-го августа, слѣдующая телеграмма командира 3-го сибирскаго корпуса, полученная послѣ заката солнца въ штабѣ 10-го корпуса: „Передовая высота, взятая утромъ японцами, непріятелемъ очищена. На лѣвомъ флангѣ отбиты безчисленныя атаки японцевъ. Потери огромны, но и бодрость духа еще огромнѣе. *Всѣ убѣждены, что мы никогда не отступимъ*".

„Телеграмма генер. Куропаткина прочитана всѣмъ на позиціи.—Всѣ кричатъ ура, и я кричу ура!".

„Настроеніе было приподнятое; повсюду были того мнѣнія, что завтрашній день довершитъ пораженіе японцевъ. Правда, войска были ослаблены и утомлены предшествующими боями, но многія части арміи, какъ 17-й корпусъ и около половины 5-го сибирскаго корпуса, еще не были введены въ бой, и утомленіе японцевъ должно было быть значительно большимъ" [1]).

„Господствующему настроенію соотвѣтствовалъ, нѣкоторымъ образомъ, и отданный въ главной квартирѣ, въ Ляоянѣ, въ 11 ч. 50 м. вечера приказъ по арміи:

„Благодаря самоотверженному геройству войскъ, противникъ повсемѣстно отбитъ съ большими потерями. Завтра, 18/31 августа, будемъ продолжать удерживаніе позицій. При этомъ не слѣдуетъ ограничиваться пассивной обороной, но всюду, гдѣ возможно и полезно, переходить въ насту-

[1]) Теттау, ч. I, стр. 272.

пленіе по усмотрѣнію командировъ корпусовъ. Не взирая на утомленіе войскъ, предписываю тревожить непріятеля безпрестанно въ теченіе ночи".

„Это не былъ приказъ къ всеобщему наступленію, но была по крайней мѣрѣ выражена мысль о наступательномъ образѣ дѣйствія; это одно уже было отрадно и оживляло надежду на скорый окончательный успѣхъ" [1]).

Весьма поучительно прослѣдить какъ постепенно угасаетъ этотъ воинственный духъ и, кто въ этомъ виноватъ. За $^{18}/_{31}$ августа надо отмѣтить слѣдующія наблюденія.

„Оказывается непонятнымъ, что не взирая на имѣвшуюся въ распоряженіи сильную кавалерію, русскій полководецъ до послѣ полудня $^{18}/_{31}$ августа не имѣлъ свѣдѣній о переходѣ рѣки японцами. Нужно было думать, что на основаніи первыхъ донесеній русскія войска, находившіяся на сѣверномъ берегу Тайдзыхе, должны были наступать, чтобы атаковать противника во время переправы и отбросить его. Но ничего подобнаго не случилось, дали японцамъ спокойно переправиться и довольствовались тѣмъ, что приказали 35-ой дивизіи 17-го корпуса занять оборонительную позицію на высотахъ у Сыквантуня".

„Предпринять такую отважную операцію, какую совершила армія Куроки, передъ лицомъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, могъ только полководецъ, знавшій осторожность противника и проникнутый убѣжденіемъ, что только смѣлый рискъ ведетъ къ побѣдѣ".

„Если бы у генерала Куропаткина жило бы такое же сознаніе, за нимъ была бы обезпечена рѣшительная побѣда. Ему представлялся случай наброситься всѣми силами на одну изъ отдѣльныхъ частей противника и разбить его" [2]).

„Утромъ $^{18}/_{31}$-го августа былъ отданъ приказъ по арміи, въ которомъ принимается во вниманіе тотъ случай „если бы

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 273.

[2]) Тамъ же, стр. 278.

оказался вѣрнымъ переходъ значительныхъ непріятельскихъ силъ на правый берегъ Тайдзыхе". На этотъ случай ген. Куропаткинъ хотѣлъ держаться оборонительнаго образа дѣйствія на западномъ берегу Тайдзыхе, но не на настоящей растянутой позиціи, а на тыловой и болѣе сосредоточенной линіи фортовъ. Для обороны этихъ фортовъ были предназначены 4-й сибирскій корпусъ, 5-ая восточносибирская стрѣлковая дивизіи и сводная бригада 10-го корпуса, а вся остальная армія должна была быть наготовѣ на правомъ берегу Тайдзыхе, чтобы атаковать переправившіяся части непріятельской арміи. Эти распоряженія слѣдовало выполнить по особенному приказанію, т. е. тогда, когда дѣйствительно подтвердится переправа черезъ рѣку значительныхъ японскихъ силъ".

„И это рѣшеніе должно было повести къ хорошему, если и не къ рѣшительному результату, стоило только энергично выполнить его. Но въ немъ была и сомнительная сторона—оно не принимало во вниманіе моральные факторы. Приказаніе къ отступленію на сѣверный берегъ рѣки, послѣ того, какъ наканунѣ вечеромъ было объявлено о достигнутыхъ большихъ успѣхахъ, должно было удручающе подѣйствовать на начальниковъ и нижнихъ чиновъ. Никто не вѣрилъ въ намѣреніе предпринять энергичную атаку. У каждаго зарождалось чувство, что армія хочетъ уйти отъ грозившаго ей охвата и, вмѣсто прежняго воодушевленія, появился упадокъ духа" [1]).

И въ послѣднія минуты еще не все было потеряно, если бы весь командный составъ былъ пріученъ къ проявленію почина и не былъ постоянно угнетаемъ чувствомъ отвѣтственности, страхомъ за каждый шагъ, сдѣланный безъ разрѣшенія начальства.

„Пока принимались мѣры къ *точному* выполненію операціи отступленія, казалось, что и стоящіе противъ

[1]) Теттау, ч. I, стр. 279

10-го корпуса яцонцы тоже отходятъ: пѣхота японская прекратила совершенно атаки и артиллерійскій огонь былъ значительно слабѣй, чѣмъ наканунѣ. Было очевидно, что они отступаютъ, хотя бы частью своихъ силъ".

„Вслѣдствіе этого начальникъ лѣваго участка, генералъ-маіоръ Васильевъ, еще въ ранніе утренніе часы принялъ похвальное рѣшеніе наступать и атаковать отступающаго противника. Онъ донесъ объ этомъ командиру корпуса и просилъ предоставить въ его распоряженіе для этой цѣли оба баталіона 122-го Тамбовскаго полка, стоящіе у Емицвана".

„Командиръ корпуса не пожелалъ брать на себя отвѣтственность и по телефону донесъ объ этомъ планѣ генерала Васильева командующему арміей, который и не далъ разрѣшенія на наступленіе!"

„Тѣмъ временемъ получилось новое донесеніе генерала Васильева, что онъ занялъ деревни Татунцзы и Хутуай, прогналъ японцевъ артиллерійскимъ огнемъ, изъ Сіочунцзы и теперь намѣревается атаковать высоты Сыцунцзы-Суйю. Въ своемъ донесеніи онъ прибавляетъ: „взятіе этого хребта отнюдь не рискованно; я ожидаю разрѣшенія на это и присылку одной батареи, прошу отдать въ мое распоряженіе оба баталіона Тамбовскаго полка".

Отвѣтъ начальника штаба ген. Васильеву гласилъ: „наступленіе лѣваго фланга для занятія горы къ западу отъ Суйю нежелательно; этимъ удлиняется фронтъ вашего расположенія и ваши силы, вообще, ослабляются. Командиръ корпуса приказалъ не расходовать оба баталіона Тамбовскаго полка, они остаются въ корпусномъ резервѣ къ югу отъ Емицвана. Командующій арміей проситъ, если противъ васъ не находится значительныхъ силъ, отдѣлить въ резервъ, по возможности, больше войскъ для того, чтобы мы располагали большими войсками для предстоящихъ активныхъ дѣйствій. Я доложилъ командующему войсками о вашемъ намѣреніи наступать, но Его Превосходитель-

ство не одобрилъ этого плана и приказалъ поступить по вышеуказанному".

„По полученіи этого приказанія, ген. Васильевъ снова отвелъ назадъ свои войска; пробудившаяся мысль о наступленіи была задушена въ зародышѣ".

„Въ теченіе дня все болѣе подтверждалось, что непріятельская атака по той причинѣ ослабѣла, что силы, стоявшія противъ 10-го корпуса, отошли на сѣверо-востокъ для переправы черезъ Тайдзыхе".

„Къ четыремъ часамъ дня охотники Брянскаго и Воронежскаго полковъ, пробрались до стрѣлковыхъ окоповъ, которые были заняты японцами наканунѣ вечеромъ. Тѣла, оставленныя въ окопахъ, были слегка засыпаны землей; между ними нашли также уже засыпанными землей и двухъ раненныхъ японцевъ; они были взяты охотниками и сданы въ госпиталь. Брошенныя ружья, боевые припасы и предметы снаряженія указывали, что окопы были покинуты очень поспѣшно" [1]). И вѣдь никому тогда не пришла мысль,—а чтобы вышло, если бы командный составъ 10 корпуса, ни у кого не спрашивая, перешелъ въ энергичное наступленіе? Праздный вопросъ, потому что этого ни въ какомъ случаѣ никто не рѣшился бы взять на свой рискъ и страхъ.

„Противникомъ не было сдѣлано попытки затруднить отступленіе; вѣроятно лишь на другое утро замѣтили, что позиціи оставлены. Послѣднія войска корпуса пришли на бивуакъ у Синчена только 1-го сентября въ 9 часовъ утра. Это запозданіе объясняется тѣмъ, что съ собой было взято большое количество шанцеваго инструмента" [2]).

„Генералъ Куропаткинъ отдалъ приказаніе, чтобы нижніе чины при уходѣ съ позицій захватили этотъ инструментъ, дабы онъ какъ трофей не достался бы въ руки японцевъ. Чтобы не сдѣлать нижнихъ чиновъ еще

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 281.

[2]) Тамъ же, стр. 283.

болѣе подавленными духомъ этимъ отступленіемъ, генералъ Случевскій обѣщалъ выдать по 25 коп. за каждую штуку унесеннаго шанцеваго инструмента. Это обѣщанное вознагражденіе возымѣло свое дѣйствіе, около 2500 штукъ крупнаго шанцевого инструмента было захвачено людьми“ [1]).

„Мы всѣ были полны впечатлѣній послѣднихъ дней; мы были убѣждены, что русская армія достигнетъ успѣха, но мы не понимали только, къ чему очищались позиціи, которыя оборонялись съ такими большими жертвами“ [2]).

„Японцы не только цѣлый день удержались съ безпримѣрнымъ упорствомъ на тѣхъ позиціяхъ, въ которыхъ они засѣли на разсвѣтѣ въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ отъ позицій 1-го сибирскаго корпуса, но шли нѣсколько разъ на штурмъ русскихъ укрѣпленій, толкаемые впередъ настоящимъ фанатизмомъ. Японскую пѣхоту съ успѣхомъ поддерживала артиллерія, особенно тяжелыя батареи, которыя осыпали безпрерывно стрѣлковые русскіе окопы бризантными гранатами. Но всѣ атаки были отражены большей частью въ штыки“ [3]).

„Въ послѣобѣденные часы японская пѣхота добралась до склоновъ горъ. Стрѣлковые окопы противниковъ оказались въ разстояніи 50 метровъ отъ русскихъ; но дальнѣйшія попытки японцевъ овладѣть высотами не увѣнчались успѣхомъ“ [4]).

„Русская армія до вечера удержалась на всѣхъ позиціяхъ. Но пока большая часть арміи оставалась совершенно непричастной къ бою, а другая часть имѣла дѣло со слабыми силами непріятеля, 1-й сибирскій корпусъ съ трудомъ справился съ атаками превосходныхъ силъ противника. Успѣхъ могъ получиться совершенно иной, если бы вся армія цѣликомъ была введена для атаки въ рѣшающемъ участь боя мѣстѣ“ [5]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 284.

[2]) [3]), [4]), Тамъ же, стр. 285.

[5]) Тамъ же, стр. 286.

Прежде, чѣмъ продолжать разсказъ бар. Теттау, необходимо остановиться на впечатлѣніяхъ Ф. Камперіо, прибавляющихъ нѣсколько чертъ къ характеристикѣ нашего солдата и освѣщающихъ самоотверженную работу нашихъ сестеръ милосердія на поляхъ сраженій. „3-я батарея 6-й Вост.-Сибирск. стрѣлк. артил. бриг. на крайнемъ правомъ флангѣ несетъ страшныя потери, заставившія оставить на позиціи лишь два орудія, изъ которыхъ оставшаяся въ живыхъ прислуга стрѣляетъ картечью. Японская пѣхота подошла на 400—500 шаговъ и разстрѣливаетъ ихъ почти въ упоръ“ [1]).

„У меня не хватаетъ времени, чтобы все видѣть. Куда ни взгляну—всюду вижу отчетливо бѣлыя облачки непріятельскихъ шрапнелей, но мое вниманіе невольно останавливается на тылѣ позиціи батарей лѣваго нашего фланга. Я нахожусь близъ нихъ, солдаты вынимаютъ изъ зарядныхъ ящиковъ клѣтки со снарядами, взваливаютъ ихъ на спины лошадей и спокойно взбираются къ самымъ батареямъ. Не проходитъ и десяти минутъ, чтобы лошади или солдаты не были поражены; они или остаются на мѣстѣ, или скатываются по склону, чтобы уже больше не вставать, но иногда и лошадь, и вожатый встаютъ и вновь продолжаютъ свой путь“.

„Несчастные люди! Почему же они не перемѣнятъ дороги? Вѣроятно, имъ не позволяетъ этого сдѣлать этотъ ужасный русскій характеръ—они хотятъ, они должны показать, что они ничего не боятся и какъ ни въ чемъ не бывало идутъ туда и обратно одной и той-же дорогой. Какая польза въ вашей безумной отвагѣ? Мы знаемъ, что вы неустрашимы, но знаемъ и то, что вы далеко отъ родины, и что ряды ваши трудно пополнить. Вашъ долгъ уничтожить непріятеля, а не подвергать безъ нужды свою жизнь

---

[1]) Камперіо, стр. 23.

опасности. Есть въ Манчжуріи вещи, которыя я не могу понять. Не лучше-ли было-бы приказать этимъ солдатамъ идти лѣвѣе или правѣе. Дѣло отъ этого ничего-бы не потеряло, а люди и лошади были-бы въ безопасности. Меньше храбрости и больше практичности! Да послужитъ это урокомъ въ будущемъ!“ [1]).

„Въ 7 часовъ вечера японскія батареи еще стрѣляли по батареямъ нашего лѣваго фланга, а въ $8^1/_4$ часовъ орудія уже въ темнотѣ послали свои прощальные снаряды—затѣмъ, все смолкло. Сибирскіе стрѣлки остались въ своихъ окопахъ, истомленные и изнуренные голодомъ, но не побѣжденные“.

„Я бросился, въ чемъ былъ одѣтъ цѣлый день, на канъ въ китайской фанзѣ и, прежде чѣмъ заснуть, подумалъ: послѣ такого дня, какъ этотъ, каждый солдатъ, а въ особенности этотъ терпѣливый и молчаливый русскій солдатъ имѣетъ право на уваженіе и благодарность его родины, на защиту которой онъ принесъ свою жизнь“ [2]).

„Былъ уже восьмой день боя, маршей и дождя—солдаты имѣли право быть нервными и усталыми. „Рѣшительная японская атака будетъ въ 11 часовъ“,—вотъ извѣщеніе, полученное изъ главной квартиры. Японцы хотѣли во что бы то ни стало взять Ляоянъ. Что касается насъ, то мы готовились отбивать ихъ атаки и помню, что утромъ, близъ Татзыина, у насъ было до пятидесяти патронныхъ двуколокъ съ 14,400 патрон. каждая, 8,400 патроновъ для полевыхъ орудій, сложенные на землѣ, а въ тылу три артиллерійскихъ парка съ 5,400 патроновъ въ каждомъ. Въ 5 час. 50 мин. утра артиллерійскіе выстрѣлы присоединились къ ружейной трескотнѣ и я, какъ и другіе, почувствовалъ себя въ аду. Наша артиллерія была уже не та, что наканунѣ, батареи при Цофантунѣ понесли тяжелыя потери, а 3-я батарея 6-й Вост. Сибирск. бриг. выбыла изъ строя“ [3]).

---

[1]), [2]) и [3]) Камперіо, стр. 25—26.

„Въ этотъ вечеръ я присутствовалъ при самой потря сающей сценѣ изъ всей войны. Японцы рѣшили во что-бы то ни стало войти въ Ляоянъ и готовились къ одной изъ тѣхъ атакъ, которыми прославилась ихъ пѣхота. Съ цѣлью подготовки атаки японцы сосредоточили огонь по крайней мѣрѣ двухсотъ орудій на высоты у д. Шоушаньпу и теперь не было мѣста вокругъ этого послѣдняго—куда бы не падали и не разрывались ихъ смертоносные снаряды. Огонь непріятельскихъ пушекъ былъ подавляющій, но онъ не наносилъ столько пораженія, сколько нравственно потрясалъ всѣхъ, даже и меня, находившагося въ 5-ти верстахъ отъ мѣста этой бойни“ [1]).

„Въ 8½ часовъ началась та большая демонстрація, о которой я уже говорилъ. Семь японскихъ атакъ были отбиты 1-мъ Сибирск. корпусомъ; послѣ этихъ атакъ генералъ Штакельбергъ—командиръ 1-го Сибирск. корпуса—получилъ приказаніе отступать и сдѣлать это по возможности скрыто отъ непріятеля“.

„Такъ кончился второй день Ляоянскаго сраженія“.

„Русскіе очистили высоты, окружающія Ляоянъ, совершенно незамѣтно для меня, въ то время, какъ я сосредоточилъ все свое вниманіе на новой картинѣ, открывшейся передъ моими глазами“ [2]).

„Я все продолжалъ оставаться у этихъ палатокъ и, наконецъ, подошелъ еще ближе и заглянулъ во внутрь, гдѣ виднѣлось нѣсколько сестеръ милосердія“.

„Свѣтлое и радостное чувство волной охватило меня при видѣ этихъ свѣтскихъ женщинъ, которыя съ божественнымъ спокойствіемъ переходили отъ одного къ другому, неся пищу или лекарство, напутствовали умирающихъ, говоря имъ слова о лучшей жизни, и съ довольными лицами поздравляли храбраго солдата, спрашивали его о

---

[1]) и [2]) Камперіо, стр. 29—30.

родинѣ, о женѣ и повторяли: „ты былъ храбръ. Я знала другого твоего земляка, и онъ былъ молодецъ. Крѣпись! всѣ мы служимъ нашей родинѣ. Не бойся, еще не все кончено, помѣряемся еще съ врагомъ и за васъ отомстимъ".

„Святыя женщины, перенесшія столько клеветы! Знайте, что единственный итальянецъ, видѣвшій васъ въ работѣ, всегда защищалъ васъ и будетъ защищать и всегда приведетъ васъ въ примѣръ женщинамъ своего отечества!" [1]).

Обратимся опять къ разсказу бар. Теттау. „10-й корпусъ уже давно былъ на походѣ, когда (20 Авг.) въ 6 часовъ 40 минутъ утра въ штабѣ корпуса получилась „диспозиція манчжурской арміи № 4", которая и освѣтила намѣренія командующаго арміей. Ген. Куропаткинъ рѣшилъ съ частью своей арміи—64 баталіона и около 130 полевыхъ орудій—держаться оборонительнаго образа дѣйствій на укрѣпленной позиціи у Ляояна, а съ большей частью арміи „наступать на правомъ берегу Тайдзыхе на переправившіяся непріятельскія войска и атаковать ихъ".

„Наконецъ! Всеобщая надежда снова оживилась, войска съ радостью встрѣтили приказъ. Было ясно, какъ день, что рѣшеніе командующаго увѣнчается успѣхомъ. Мы ликовали, японцы на этотъ разъ плохо разсчитали, они горько разочаруются, что основывались въ своихъ разсчетахъ на нерѣшительность противника!"

„Генералъ Куропаткинъ сосредоточилъ на правомъ берегу Тайдзыхе 116 батальоновъ, около 100 эскадроновъ и 436 орудій, чтобы наказать переправившагося противника за его отвагу" [1]).

„Уже при чтеніи подлинныхъ выраженій приказа по арміи, который намъ въ то время не былъ извѣстенъ, поражаетъ, что, не говоря уже о высказанныхъ въ началѣ общихъ намѣреніяхъ наступленія, ни одной колоннѣ не

---

[1]) Камперіо, стр. 31—32.

[1]) Теттау, ч. I, стр. 293—294.

отданъ прямой приказъ атаковать. Ген. Бильдерлингъ долженъ „задержать противника“; 1-й сибирскій корпусъ и 10-й корпусъ должны двинуться „до высоты Сахутунь“; ген. Орловъ долженъ свое наступленіе „согласовать“ съ наступленіемъ ген. Штакельберга; 3-й сибирскій корпусъ, наконецъ, „имѣетъ выждать дальнѣйшія приказанія“ у Чансутуня.“

„Совсѣмъ странны распоряженія для кавалеріи, особенно для дивизіи Мищенко. Вмѣсто того, чтобы эту массовую кавалерію почти въ 100 сотенъ послать въ тылъ противника съ обходомъ его праваго фланга, гдѣ ей представлялось богатое поле дѣятельности, гдѣ она могла содѣйствовать побѣдѣ и довершить ее полнымъ уничтоженіемъ противника—большая часть кавалеріи примѣняется къ прикрытію фланговъ и тыла, а дивизіи Мищенко приказывается стать у Сіайдіа-туня и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Получается впечатлѣніе, что съ самого начала ген. Куропаткинъ не хотѣлъ наступленія, что онъ скрѣпя сердце рѣшился на него и сомнѣвается въ его успѣшномъ выполненіи“ [2]).

Наконецъ, наступила историческая минута. 116 батальоновъ, около 100 эск, и 436 орудій были готовы ринуться на врага и вырвать побѣду. Ожидали приказанія командующаго арміей и... не дождались. Оставалось отступить и познакомиться съ началомъ деморализаціи войскъ, не имѣвшей дальнѣйшаго развитія только потому, что противникъ не преслѣдовалъ и наступилъ значительный перерывъ боевыхъ дѣйствій. Баронъ Теттау даетъ весьма поучительную картину этого перелома сраженія и всѣхъ послѣдствій его, обрушившихся на нашу злосчастную армію. „До позднихъ послѣобѣденныхъ часовъ 62 баталіона съ приблизительно 230 орудіями и кавалерійской дивизіей

---

[2]) Теттау, ч. I, стр. 296.

стояли точно очарованные противъ „сопки“; предпринять атаку все не рѣшались. Правда не знали силу противника, но не было никакого сомнѣнія, что эти силы значительно уступаютъ тѣмъ, которыя выставлены русскими. На это указывалъ очень слабый артиллерійскій огонь японцевъ. Даже если бы предположить, что черезъ Тайдзыхе переправилась уже вся армія Куроки, то все-таки было извѣстно, что часть этихъ войскъ ведетъ бой на сѣверѣ съ ген. Орловымъ; да и наступленіе 1-го сибирскаго корпуса должно было привлечь на себя значительныя непріятельскія силы. Какъ бы сильны ни были японцы, во всякомъ случаѣ русскіе были еще болѣе сильны!—Въ дѣйствительности же японцы могли выставить противъ атаки упомянутыхъ 62 баталіонъ только свою 2-ю пѣхотную дивизію, подкрѣпленную можетъ быть только слабыми частями 12-ой дивизіи“ [1]).

Мнѣніе бар. Теттау о вполнѣ вѣроятномъ успѣхѣ въ случаѣ нашего перехода въ наступленіе совпадаетъ съ впечатлѣніями ген. Сильвестра, воспользовавшагося своими наблюденіями во время Ляоянскаго сраженія, чтобы дать лестную оцѣнку душевныхъ качествъ русской арміи. Послушаемъ же разсказъ генерала Сильвестра.

„$^{18}/_{31}$ авг. утромъ, огонь противника ослабѣлъ передъ I и III корпусами и совершенно прекратился впереди X корпуса. Къ полудню было очевидно, что японцы дѣлаютъ послѣднія усилія послѣ семи сутокъ безпрерывной борьбы днемъ и ночью. Да и боевые припасы были почти исчерпаны. Имъ не удалось захватить ни одного русскаго укрѣпленія. Только на участкѣ I корпуса 1 или 2 окопа были покинуты, потому что, благодаря конфигураціи мѣстности, были анфилированы, но японцы оказались не въ состояніи ихъ занять“.

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 301.

„Переходъ обороняющагося въ наступленіе представлялъ всѣ шансы на успѣхъ, особенно впереди X корпуса. Но извѣстіе о переходѣ Куроки черезъ Тайдзыхе заставило Куропаткина покинуть первую линію обороны, чтобы перебросить на сѣверный берегъ рѣки большую часть своихъ силъ“ [2])...

„Подъ Ляояномъ русскіе произвели 100.000 орудійныхъ выстрѣловъ; боевые припасы были исчерпаны, но передки оставались не израсходованными; войска все время имѣли продовольствіе и горячую пищу, даже въ первой линіи обороны, гдѣ одни и тѣ же люди пробыли трое сутокъ безсмѣнно, ведя борьбу днемъ и ночью. Замѣчательная выносливость русскаго солдата не была поколеблена и отлично противустояла всяческой усталости. Японцы, напротивъ, не могли дать горячей пищи и большинство питалось сырымъ рисомъ. Зарядные ящики были опустошены. Такимъ образомъ, русскіе были въ лучшемъ положеніи на сѣверномъ берегу Тайдзыхе и превосходили Куроки числомъ войскъ. Армія отступила, не будучи разбитой, вслѣдствіе моральнаго впечатлѣнія, произведеннаго дерзостью Куроки, заставившаго своими дѣйствіями предположить, что у него гораздо больше силъ, чѣмъ это было на дѣлѣ. А между тѣмъ, ппростого ассивнаго сопротивленія было бы достаточно, чтобы исчерпать силы противника до конца [3]).“

„Какъ бы то ни было, но русскіе представляютъ отличный матеріалъ для войны. **„Какъ они умѣютъ умирать!“** Одинъ изъ резервныхъ полковъ потерялъ 73% своего состава, а одна изъ резервныхъ дивизій—56%. Число выбывавшихъ изъ строя офицеровъ всегда пропорціонально превосходило число убывшихъ нижнихъ чиновъ. До конца войны батальоны и полки шли на врага подъ огнемъ, какъ на парадѣ. Японцамъ, удивленнымъ упрямствомъ сопроти-

---

[2]) Сильвестръ, стр. 63.
[3]) Тамъ же, стр. 65.

вленія русскихъ, казалось, что достоинства русскаго солдата возростаютъ въ продолженіе борьбы, а храбрость и упорство неисчерпаемы и увеличиваются вмѣстѣ съ опасностью. Является большимъ вопросомъ: виноваты ли начальники частей и штабы въ несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ русскую армію... [1])

„Обстрѣленный въ бояхъ, 1 сибирскій корпусъ, на выручку котораго возлагали такія большія надежды", говоритъ бар. Теттау, „не могъ справиться со своей задачей. Ослабленный тяжелыми боями предыдущихъ дней, можетъ быть морально подавленный отступленіемъ отъ отважно обороняемой позиціи къ югу отъ Ляояна, корпусъ подоспѣлъ на поле сраженія въ тотъ моментъ, когда отрядъ Орлова хлынулъ назадъ. Это заставило 1-й сибирскій корпусъ отказаться отъ атаки, къ которой все было готово и остановиться въ районѣ Сіаоміаотцзы. Командиръ корпуса донесъ, что корпусъ не въ состояніи перейти въ наступленіе. — Мнѣ неизвѣстно, почему 1-й сибирскій корпусъ выступившій съ разсвѣтомъ, изъ Льюдзячуана, такъ поздно прибылъ на поле сраженія. Если бы его атака совпала съ атакой отряда Орлова, то бой на лѣвомъ флангѣ русской арміи принялъ бы, безъ сомнѣнія, иной оборотъ".

„Теперь, послѣ отхода отряда Орлова и отказа 1-го сибирскаго корпуса, возникла большая опасность, что японцы могутъ охватить лѣвый флангъ русской арміи и оттѣснить его отъ пути отступленія. Но еще не все было потеряно: командующій арміей располагалъ еще сильнымъ резервомъ; теперь наступилъ моментъ ввести его въ дѣло, чтобы исправить упущеніе и повернуть побѣду на сторону русскихъ посредствомъ энергичной атаки всѣми имѣющимися силами. Такъ, какъ будто, и предполагалъ командующій арміей. Но предпринимаемыя мѣры опять-таки были полу-

[1]) Сильвестръ, стр. 80.

мѣры. Не рисковали пустить въ ходъ всѣ силы для овладѣнія побѣдой?!“ [1]).

А вотъ и признаки начинающагося развала арміи, подкрадывающагося незамѣтно, но съ неумолимой неизбѣжностью. „Къ сѣверо-востоку отъ Эрдагоу мы вскорѣ сдѣлались свидѣтелями деморализующаго вліянія боя. Едва только наступила темнота, какъ по дорогѣ изъ Сахутуна стали появляться первые раненые, сперва въ одиночку, затѣмъ все больше и, наконецъ, цѣлыми толпами. Повторялась таже картина, которую я описывалъ при боѣ у Анпина; каждаго тяжело раненаго сопровождало 4—6 здоровыхъ, которые несли его и его ружье. Повидимому, не было принято мѣръ къ устройству перевязочнаго пункта вблизи поля сраженія; на протяженіи нѣсколькихъ километровъ тянулись въ тылъ раненые и здоровые—безъ надзора и начальства“ [2]).

„Полная деморализація войскъ стала замѣчаться все больше и больше; раненые люди цѣлыми толпами, проходили мимо въ темнотѣ по направленію на западъ. Вскорѣ показались отступающія роты, даже цѣлые баталіоны полковъ, въ которыхъ командиры были ранены, а также и части войскъ 17-го корпуса. Сначала ген. Случевскій пытался задержать эти войска; онъ приказалъ адъютантамъ у молча проходящихъ въ темнотѣ колоннъ спрашивать имя начальника и требовать, чтобы старшій офицеръ остановился. Но скоро онъ убѣдился въ томъ, что это трудъ напрасный; оказалось невозможнымъ возобновить съ такими войсками бой ночью. Поэтому командиръ корпуса указалъ имъ отступить до Цовчинцзы и тамъ сосредоточиться“ [3]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 302.
[2]) Тамъ же, стр. 305—306.
[3]) Тамъ же, стр. 307.

Командиръ X корпуса видѣлъ происхожденіе деморализаціи въ неумѣніи сражаться въ гаолянѣ. Въ дѣйствительности же причины этого ужаснаго явленія хоронились въ томъ, что было потеряно довѣріе къ командованію. Повѣствованіе бар. Теттау пріобрѣтаетъ здѣсь все большее значеніе.

„Результатомъ вчерашняго, широко задуманнаго сраженія, было—пораженіе. Японцы не только удержали свои позиціи и отбили всѣ атаки русскихъ, нанеся имъ огромныя потери, но и подвинулись значительно на своемъ правомъ флангѣ и завладѣли Янтайскими каменноугольными копями. Опасаясь „въ случаѣ неудачи, принести въ жертву армію, ген. Куропаткинъ медлилъ ввязаться въ бой всѣми силами быстро и энергично, и этимъ выпустилъ изъ рукъ вѣрную и рѣшительную побѣду“ [1]).

„Вчера приказъ объ атакѣ былъ встрѣченъ радостно, сегодня никто болѣе не вѣрилъ, что это намѣреніе серьезно; да и духъ войскъ, послѣ событій вчерашняго дня, не будилъ увѣренности въ успѣхѣ“ [2]).

„Предполагавшаяся атака лѣвымъ флангомъ арміи такъ и не осуществилась. Получилось приказаніе корпусу оставаться въ Бахатшу. Подошли обозы и кухни, штабомъ были указаны мѣста расквартированія, войска устроились на бивуакѣ и все предалось заслуженному отдыху“ [3]).

„Ген. Случевскій излагалъ, „говоритъ Теттау“, свой взглядъ на руководительство и на тѣ причины, почему войска частью оказались не на высотѣ. Онъ, наконецъ, прибавилъ обращаясь къ намъ „пойдемте, я хочу поговорить съ солдатами и объяснить имъ причины“.

„Поблизости, составивъ ружья, стоялъ Орловскій полкъ. Генералъ собралъ вокругъ себя солдатъ и сказалъ имъ

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 309.
[2]) Тамъ же, стр. 310.
[3]) Тамъ же, стр. 311.

рѣчь, которая начиналась такими словами: „Братцы, давайте уяснимъ себѣ, почему это насъ постоянно бьютъ. Я вамъ это сейчасъ скажу. Видите, у насъ появилось два новыхъ врага“.—При этихъ словахъ солдаты изумленно и испуганно вытаращили глаза, а ген. Случевскій продолжалъ:—„Я не говорю настоящіе, а воображаемые враги; это—горный духъ и гаолянъ“! Тутъ генералъ объяснилъ, что въ горахъ „шалилъ горный духъ“. Японцы по большей части жители горъ, а русскій солдатъ не привыкъ сражаться въ горахъ. Поэтому повсюду, въ каждой лощинѣ, за каждымъ холмомъ мерещился непріятель; постоянно боялись обхода, такъ такъ горный духъ помогалъ японцамъ. Этого врага надо попросту устранить, нужно всегда помнить, что противъ обхода имѣются на-готовѣ резервы и что того, кто обходитъ, тоже можно обойти. Здѣсь въ долинахъ показался второй врагъ—гаолянъ, который до сего времени не былъ извѣстенъ русскому солдату. Противникъ прячется въ немъ, начинаетъ внезапно стрѣлять, нападаетъ неожиданно на наши войска, которыя въ гаолянѣ приходятъ въ замѣшательство; 20 августа (2-го сентября) въ гаолянѣ исчезла цѣлая бригада. Генералъ затѣмъ далъ указанія, какъ въ гаолянѣ нужно проходить, не теряя связь, какъ имъ нужно пользоваться для укрытаго приближенія и т. д., и закончилъ свое обращеніе словами: „гоните горный духъ къ черту, а гаолянъ превратите въ своего союзника“!

„Навѣрное генералъ во многомъ былъ правъ, но странно, что японцы, которые тоже не знали раньше гаоляна, сразу взяли его себѣ въ союзники“ [1]). Что жь, ограничимся этимъ удивительно скромнымъ, выдержаннымъ замѣчаніемъ бар. Теттау.

„25-го августа (7-го сентября), къ Мукдену подошли послѣдніе войска и обозы. Армія совершила отступленіе

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 312.

въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, не потерявъ ни единой повозки".

„Что отступленіе сошло такъ счастливо нужно приписать тому обстоятельству, что японцы не преслѣдовали. Но ихъ нельзя въ этомъ и винить. Откуда имъ было взять силы для преслѣдованія. Они цѣлыми днями сражались противъ превосходнаго числомъ врага, завоевали побѣду напряженіемъ и участіемъ всѣхъ силъ; чѣмъ же они могли преслѣдовать противника, который отнюдь не былъ уничтоженъ и обладалъ достаточно значительными стройными силами, чтобы прикрыть свое отступленіе. Во время сраженія у Ляояна, японская кавалерія состояла приблизительно изъ 35 эскадроновъ, что составляетъ $^1/_3$ численности русской кавалеріи. Если бы соотношеніе силъ было обратное, отступленіе не закончилось бы такъ благополучно. Если бы на пути отступленія русской арміи появилась бы хотя бы одна непріятельская кавалерійская дивизія съ коннымъ дивизіономъ артиллеріи, она могла бы имѣть успѣхъ, который рѣшилъ бы участь всей кампаніи" [1]). Въ справедливости этихъ словъ сомнѣваться не приходится, послѣ печальныхъ дней Мукденскаго отступленія.

„Сраженіе у Ляояна, считая бои съ 25 августа, стоило русскимъ 15.000 человѣкъ, а японцамъ 17.000 человѣкъ. Разбитая армія ни въ какомъ случаѣ не была уничтожена, побѣдителю сраженіе не дало ни единой трофеи. Все же сраженіе у Ляояна было **рѣшающимъ для всей войны**".

„Съ военной точки зрѣнія было вполнѣ понятно, что русскіе не хотѣли закончить войну, не возстановивъ честь оружія. Но, съ этой разбитой арміей нельзя было и думать отбить обратно Ляоянъ и всю южную Манчжурію, отданные непріятелю такой дешевой цѣной, и все-таки стоившіе ему такихъ огромныхъ жертвъ. Если же продолжать войну, участь Портъ-Артура надо было признать рѣ-

[1]) Теттау, ч. I, стр. 318.

шенной!—Мы, иностранные офицеры, бывшіе безпристрастными зрителями, всѣ безъ исключенія выражали тогда свое мнѣніе, что *эта кампанія Россіей проиграна, что ей надо начать новую войну, если она хочетъ побѣдить Японію*“ [1]).

Однако, Россія разсудила иначе и война продолжалась. Тѣ же войска, которые были деморализованы при отступленіи отъ Ляояна, показали чудеса храбрости на Шахэ и подъ Мукденомъ. Въ чемъ тутъ секретъ—трудно сказать; надо хорошо знать душу русскаго человѣка и русскаго солдата. Гамильтонъ только подходитъ къ этому вопросу, но далекъ отъ его окончательнаго рѣшенія.

„Въ русскомъ солдатѣ есть матеріалъ для образованія хорошаго воина; если онъ сражается за что-нибудь понятное для него, простое и опредѣленное, то способенъ на рѣшительныя атаки, о чемъ свидѣтельствуетъ масса убитыхъ. Но таская войска взадъ и впередъ (удручающее занятіе, для котораго у нашихъ солдатъ есть мѣткое, но нецензурное выраженіе), уводя ихъ преждевременно и поспѣшно изъ тщательно выстроенныхъ укрѣпленій; уступая поле сраженія вслѣдствіе потери одной или двухъ маловажныхъ позицій—легко превратить армію героевъ въ армію зайцевъ. Я считаю огромнымъ достоинствомъ русскаго солдата, что онъ въ значительной степени не поддавался деморализующей тактикѣ своихъ вождей“ [2]).

„Пусть, однако“, продолжаетъ Гамильтонъ, „англичане не думаютъ, что эта война не научитъ русскихъ многому не только въ военномъ, но и въ національномъ отношеніяхъ, и что въ слѣдующую кампанію они обнаружатъ такое же отсутствіе талантовъ и рѣшительности среди высшихъ чиновъ и неумѣніе маневрировать и стрѣлять среди низшихъ. Манчжу-яма убѣдила японскую армію, что у русскаго солдата нѣтъ недостатка въ отвагѣ. А это уже ве-

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 319.

[2]) Гамильтонъ, т. I. стр. 121.

ликая вещь. Кровавыя пораженія русской арміи должны были убѣдить ее въ необходимости образованія и болѣе высокаго индивидуальнаго развитія; у нея нѣтъ недостатка въ выносливости, моральной силѣ даже и теперь. Россія переживетъ Манчжурію. Государство, солдаты котораго умѣютъ такъ умирать, какъ умирали русскіе на Манчжуяма, „еще не умерло“ [1]).

Въ этомъ и не сомнѣваются тѣ, которые видѣли и умѣли оцѣнить геройство русскаго солдата. Только ему, да строевому офицеру обязаны мы сравнительно благополучнымъ исходомъ Ляоянскаго сраженія.

Гамильтонъ спросилъ маркиза Ояму, „доволенъ ли онъ результатомъ своихъ дѣйствій“, на что онъ отвѣтилъ: „Умѣренно; русскіе слишкомъ искусно совершили отступленіе“. [2]) Еще бы! Задумали устроить Седанъ и, ничего не вышло.

Ляоянскому сраженію посвящаетъ свое вниманіе и полковникъ Герчъ, тоже оцѣнивающій боевую работу нашей арміи. „Русскіе держались стойко и проявляли на нѣкоторыхъ пунктахъ большую дѣятельность. Въ тѣхъ случаяхъ, когда японцамъ удавалось одержать частичный успѣхъ, они переходили въ контръ-атаку, которая зачастую сопровождалась удачею. Не взирая на всѣ усилія, японцамъ 17-го (30-го) не удалось продвинуться впередъ, и II-я армія рѣшилась попытать счастья ночью. Атака не удалась, такъ какъ войска наткнулись на искусственныя препятствія, находившіяся передъ русскими укрѣпленіями, и отъ нея пришлось отказаться“.

„18-го (31-го) нѣсколько атакъ лѣвой колонны II арміи были отбиты, а правой колоннѣ удалось занять цѣпь холмовъ къ юго-востоку отъ Шусампо. Послѣ энергичной

---

[1]) Гамильтонъ, т. 2, стр. 122.
[2]) Тамъ же, стр. 125.

контръ-атаки она, однако, оказалась вынужденной ее покинуть, послѣ чего русскіе заняли ее снова“ [1]).

„Съ самаго начала войны, японцы выказывали большую самоувѣренность, которая сильно увеличивалась, вслѣдствіе одержанныхъ ими успѣховъ. Въ началѣ они довольствовались тѣмъ, что имъ удавалось оттѣснить противника, нанеся ему большія потери, но затѣмъ стали мечтать о „Седанѣ“, который готовились устроить русскимъ подъ Ляояномъ. Объ этомъ они говорили открыто и усматривали хорошее предзнаменованіе даже въ томъ, что битвы подъ Ляояномъ и Седаномъ происходили въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ“.

„Какъ-то, во время разговора, веденнаго незадолго до Ляоянскаго боя съ однимъ японскимъ офицеромъ, близко стоявшимъ въ высшихъ штабахъ, я замѣтилъ, что вѣроятно русскіе будутъ разбиты. На это онъ мнѣ возразилъ: „Разбиты? Только разбиты? Это было бы позоромъ для насъ. Мы намѣрены поймать ихъ въ ловушку“.

„Мнѣніе, высказанное этимъ офицеромъ, безспорно являлось отголоскомъ плановъ штаба главнокомандующаго и планы эти были вполнѣ осуществимы“ [2]).

„Мечта японцевъ о „Седанѣ“ осталась мечтою; хотя русскіе своими дѣйствіями и облегчали задачу японцевъ, послѣдніе сдѣлали все, чтобы ее не осуществить“ [3]).

Большой интересъ представляютъ мнѣнія о Ляоянскомъ боѣ французскаго подполковника Бардонно, который однимъ изъ первыхъ высказалъ вѣрный взглядъ на характеръ дѣятельности нашего Командующаго арміей. „Почитатели генерала Куропаткина, не имѣя возможности чествовать его какъ побѣдителя, ставили ему въ заслугу отступленіе отъ Ляояна, совершенное въ порядкѣ. Однако, полезно вспо-

---

[1]) Герчъ, стр. 108.
[2]) Тамъ же. стр. 156.
[3]) Тамъ же. стр. 159.

мнить высказанное маршаломъ саксонскимъ въ его „Reveries“, что отступленіе въ порядкѣ возможно только тогда, когда противникъ не насѣдаетъ; если же онъ начнетъ энергично преслѣдовать, то всякое отступленіе весьма быстро превращается въ бѣгство. Подъ Ляояномъ же преслѣдованія не было, пѣхота японцевъ была утомлена до крайности, а кавалеріи они не имѣли“ [1]).

„Характерною чертою такъ называемаго сраженія подъ Ляояномъ является, что во время него обоимъ противникамъ представлялся случай одержать рѣшительную побѣду и что ни одинъ изъ нихъ имъ не воспользовался“ [2]).

Вообще, оцѣнка веденія войны и боя ген. Куропаткинымъ приводитъ иностранцевъ къ довольно однообразнымъ выводамъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ вопросу объ использованіи боевыхъ качествъ русской арміи. Но такъ какъ и въ самомъ однообразіи мнѣній встрѣчаются весьма характерные оттѣнки, то здѣсь приводятся, по возможности, всѣ мнѣнія наиболѣе крупныхъ иностранныхъ военныхъ писателей.

„Когда передъ ген. Куропаткинымъ“, продолжаетъ Бардонно, „встала отвѣтственность за исходъ боя, его воля оказалась поколебленною и нерѣшительность его характера взяла верхъ. Все это, какъ видно изъ заключенія донесенія генерала Оку о дѣйствіяхъ II-й арміи, ясно понималось японцами. Въ этомъ донесеніи говорится:

„Судя по общему ходу боя, у противника первоначально было намѣреніе воспрепятствовать нашему движенію впередъ. Сопротивленіе, оказанное на второй оборонительной линіи, указывало, что онъ хотѣлъ только выиграть время для того, чтобы обезпечить свой флангъ отъ арміи Куроки. Въ общемъ же противникъ оборонялся подъ Ляояномъ

---

[1]) Бардонно, стр. 23.
[2]) Тамъ же, стр. 24.

отчаянно, и очевидно первоначально у него не было намѣренія отступить“ [1]).

„Въ то время, когда 1-й и 3-й Сибирскіе корпуса вмѣстѣ съ 10-мъ армейскимъ, въ теченіе 17-го (30-го) августа отбиваютъ бѣшеныя атаки японцевъ на ихъ позиціи, генералъ Куропаткинъ въ своемъ вагонѣ, стоящемъ на запасномъ пути станціи Ляоянъ, спокойно выжидаетъ, когда разъяснится обстановка и японцы соблаговолятъ раскрыть свои карты“.

„Съ цѣлью ускорить это разъясненіе онъ не предпринимаетъ ни развѣдокъ, ни частныхъ переходовъ въ наступленіе, а съ него достаточно, что войска „упорно отстаиваютъ свои позиціи“. Онъ ограничивается тѣмъ, что высылаетъ небольшіе отряды съ цѣлью поддержать наиболѣе угрожаемые пункты; отряды эти, не принеся особенной пользы, вливаются въ боевую линію, а между тѣмъ резервъ, представляющій единственное средство воздѣйствовать на ходъ боя, таетъ. Вслѣдствіе всего этого бой на выдвинутыхъ впередъ участкахъ, развиваясь, становится безсвязнымъ и лишеннымъ общаго управленія“ [2]). Удивительно наглядно удается Бардонно схватить и набросать эту причинную зависимость между недостаткомъ управленія боемъ и незамѣтно, но неизбѣжно порождающейся деморализаціей самыхъ лучшихъ бойцовъ.

„Наступаетъ роковое 20-е августа (2 сентября). День этотъ начинается съ того, что генералъ Куропаткинъ получаетъ рядъ противорѣчивыхъ свѣдѣній, приводящихъ его въ недоумѣніе. Прошло три дня съ тѣхъ поръ, какъ на обоихъ берегахъ Тайцзыхэ идетъ бой, но обстановка для него все еще не выяснилась. Въ ожиданіи, что это случится само собою, онъ посылаетъ одно приказаніе за другимъ, наставленіе за наставленіемъ, не заботясь о томъ, что они

[1]) Бардонно, стр. 27.
[2]) Тамъ же, стр. 72—28.

зачастую являются противорѣчивыми, и обращается къ первымъ попавшимся частнымъ начальникамъ, не обращая вниманія на существующую организаціонную подчиненность".

„Его воздѣйствіе на событія сводится къ тому что онъ отмѣняетъ распоряженія своихъ подчиненныхъ или, разрознивая тактическія единицы, безъ вѣдома послѣднихъ перемѣщаетъ ввѣренныя имъ войска" [1]). Развѣ подобное управленіе боемъ можетъ не отразиться на душевномъ состояніи войскъ?

„Узнавъ объ отступленіи отряда Орлова, онъ теряется, и его замѣшательство сказывается въ указаніяхъ, данныхъ имъ генералу Штакельбергу. Можно утвердительно сказать, что съ этой минуты отступленіе къ Мукдену было предрѣшено; онъ не старается воспользоваться резервомъ съ цѣлью возстановить бой, а сохраняетъ его въ цѣлости только для того, чтобы прикрыть отступленіе. Двѣ дивизіи, одушевленныя твердымъ желаніемъ побѣдить, заставляютъ его отступить не будучи разбитымъ" [2]).

„Ни разу въ теченіе всей Ляоянской операціи Командующій русскою арміею не руководилъ событіями. Потерявъ всякую вѣру въ себя и въ своихъ подчиненныхъ, онъ пассивно подчинился волѣ противника и, не будучи къ тому вынужденнымъ, покинулъ поле сраженія, признавъ себя, такимъ образомъ, побѣжденнымъ. Онъ, главнымъ образомъ, испыталъ моральное пораженіе, гораздо труднѣе поправимое, чѣмъ матеріальное, и это пораженіе нанесло первый ударъ его военной репутаціи" [3]).

Характеристику ген. Куропаткина въ смыслѣ моральнаго вліянія на войска нельзя не дополнить замѣчаніями ген. Сильвестра.

---

[1]) Бардонно, стр. 29.
[2]) Тамъ же, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр.

„Куропаткинъ былъ назначенъ командующимъ Манчжурской арміей далеко не въ преклонномъ возрастѣ, пользуясь отличнымъ здоровьемъ и физической выносливостью; ему было 56 лѣтъ. Блестящій адъютантъ Скобелева, онъ сталъ генералъ-маіоромъ въ 34 года и генералъ-лейтенантомъ въ 42 года. Но его служба, какъ, впрочемъ, и большинства генераловъ Манчжурской арміи, проходила вдали отъ войскъ, въ теченіе большей части ихъ служебной карьеры. Въ военной академіи, въ Главномъ Штабѣ, въ качествѣ губернатора Закаспійской области, въ Военномъ Министерствѣ, которое онъ покинулъ, чтобы стать въ главѣ арміи,—вездѣ онъ былъ весьма замѣтенъ. Его репутація и популярность въ Россіи и арміи были огромны".

„Поѣздки въ Японію и на Дальній Востокъ подготовили его къ командованію арміей; между русскими, имѣвшими случай изучить японскую армію, онъ считался наиболѣе этого достойнымъ. Въ Японіи онъ произвелъ сильное впечатлѣніе и считался весьма серьезнымъ противникомъ.

„Его работоспособность была огромна, знаніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ со штабною дѣятельностью—замѣчательно, спокойствіе и мужество внѣ всякихъ сомнѣній".

„Онъ пользовался среди офицеровъ и солдатъ настоящимъ престижемъ, но онъ не былъ полномочнымъ вождемъ. Адмиралъ Алексѣевъ, покуда не былъ отозванъ, не желалъ ничѣмъ поступиться изъ прерогативъ, которыя были ему предоставлены въ арміи, какъ намѣстнику. Куропаткинъ же не обладалъ ни независимостью ни иниціативою, которыми располагали у японцевъ въ началѣ войны командующіе арміями, а потомъ и главнокомандующій".

„Въ сравненіи съ ними Куропаткинъ очутился въ условіяхъ подчиненности, тѣмъ болѣе чувствительной, что положеніе русской арміи было болѣе труднымъ".

„Что можно сказать объ остальномъ командномъ составѣ! Большая часть генераловъ была въ преклонномъ возрастѣ, и очень многіе изъ нихъ не были подготовлены къ принятому на себя командованію тою службою, которую они несли внѣ арміи“.

„Генералъ Линевичъ, смѣнившій Куропаткина послѣ Мукдена, былъ въ преклонномъ возрастѣ и не проявлялъ физической выносливости своего предшественника. Очень уважаемый солдатами, онъ считался чѣмъ то въ родѣ Блюхера. Но онъ никогда не командовалъ даже корпусомъ, и когда при формированіи трехъ армій ему приказали командовать одной изъ нихъ, то онъ со всею скромностью признался, что задача эта для него слишкомъ тяжела“.

„Онъ не былъ въ состояніи сдвинуться съ мѣста и повести въ рѣшительное сраженіе самую большую армію, которая когда-либо была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, какъ русская армія въ концѣ войны“ [1]).

„Несмотря на цѣлый рядъ неудачъ“, говоритъ Бардонно, „невыгодно повліявшихъ на духъ русской арміи, она не была уничтожена, и побѣда подъ Ляояномъ не явилась окончательнымъ для нея ударомъ. Тѣмъ не менѣе, этимъ сраженіемъ закончился первый періодъ кампаніи, южная Манчжурія перешла во власть японцевъ и паденіе Портъ-Артура становилось только вопросомъ времени, такъ какъ о выручкѣ его не могло быть больше рѣчи“ [2]).

Мы видѣли, что по мѣрѣ отступленія, послѣ упорныхъ боевъ моральныя силы русской арміи надрывались и, мало-по-малу, начиналась опасная деморализація. Напрасно будемъ представлять себѣ, что эта нравственная болѣзнь не посѣщала и нашего побѣдоноснаго врага. Послушаемъ, что говоритъ подполковникъ французской службы Жаненъ,

---

[1]) Сильвестръ, стр. 24.
[2]) Бардонно, стр. 33—34.

въ своемъ сочиненіи: „Нѣсколько эпизодовъ изъ дѣйствій японцевъ въ Манчжуріи".

„Въ теченіе 20 августа (2 сентября) бой носилъ чисто демонстративный характеръ. 21 (3) числа было приказано атаковать и овладѣть поясомъ фортовъ, при чемъ 10-й дивизіи указанъ участокъ между фортами № 1 и № 2-й, а въ частности на послѣдній должна была направиться 20-я бригада".

„Такъ какъ во время боевъ предыдущихъ дней 10-я дивизія понесла очень большія потери, и люди были крайне утомлены, то приказаніе возобновить атаки вызвало среди чиновъ дивизіи такой ропотъ, что начальнику дивизіи генералу Кавамура пришлось лично воздѣйствовать на этихъ чиновъ и напомнить имъ ихъ долгъ" [1]).

Чтобы закончить изслѣдованіе о дѣйствіяхъ русской арміи въ Ляоянскомъ сраженіи, необходимо привести наиболѣе относящіяся къ этому вопросу выдержки изъ офиціальныхъ донесеній японскихъ главнокомандующихъ. Этотъ иностранный источникъ попрежнему свидѣтельствуетъ о боевыхъ качествахъ нашихъ войскъ, заставившихъ маршала Ойяму пережить немало тревожныхъ минутъ.

„Первая армія, занявъ мѣстность на правомъ берегу Танхе, продолжала атаковать противника".

„Ея правая и центральная колонна, поборовъ упорное сопротивленіе противника, овладѣли всей позиціей у Хуншалина и высотой къ сѣверу отъ Сункязай. Затѣмъ обѣ колонны двинулись впередъ, къ Шванмяоцзы и Шинтапуцзы, тѣсня передъ собой непріятеля, вскорѣ онѣ овладѣли высотами къ востоку отъ Шванмяоцзы, оттѣснивъ непріятеля, занимавшаго эти высоты послѣ боя, продолжавшагося съ вечера 27-го до утра 29-го августа.

„Но лѣвая колонна все же не могла, благодаря упорному сопротивленію противника на высотахъ къ юго-во-

[1]) Жаненъ, стр. 19—20.

стоку отъ Ляншанцзы достигнуть линіи, лежащей къ сѣверу отъ этихъ высотъ“ [1]).

„Хотя мы энергично атаковали противника всѣми силами, все же мы не могли добиться успѣха до 4 час. 30 мин. дня“ [2]).

„Отрядъ лѣвой колонны правой арміи, который занялъ высоты къ сѣверу отъ Шукякеу, къ вечеру 30-го августа, былъ осыпанъ съ фронта жестокимъ огнемъ противника, получившимъ къ ночи постепенно подкрѣпленіе. Въ полночь нашъ отрядъ былъ принужденъ отступить къ горамъ южнѣе Шукякеу и упорно оборонялъ эту мѣстность. Утромъ 31-го августа появились признаки, что противникъ, находившійся въ этомъ районѣ, готовится атаковать насъ, но, въ концѣ концовъ, это намѣреніе имъ не было исполнено“ [3]).

„Мы безпрерывно вели атаки на русскихъ, но все-таки не могли выбить ихъ изъ высотъ къ западу отъ Шеушанпао“ [4]).

„Начиная съ разсвѣта $^{17}/_{30}$ августа лѣвая армія атаковала непріятеля на высотахъ подъ Шеушанпао, около пяти миль сѣверо-западнѣе Ляояна. Въ виду того, что эти непріятельскія силы, оборонявшіяся въ сильныхъ укрѣпленіяхъ, оказывали весьма упорное сопротивленіе, наша армія не могла достигнуть своей цѣли даже послѣ двухдневнаго жестокаго боя“ [5]).

„Въ полночь $^{12}/_{25}$-го августа вся пѣхота средней колонны бросилась въ штыки на центръ непріятельской позиціи на Куншанлинѣ и на сосѣднихъ крутыхъ горахъ. Эта атака была выполнена весьма успѣшно и главный опорный пунктъ непріятеля въ этой мѣстности былъ захваченъ нашими

---

[1]) М. Кинай, т. I, стр. 226.
[2]) Тамъ же, стр. 230.
[3]) Тамъ же, стр. 231.
[4]) Тамъ же, стр. 233.
[5]) Тамъ же, стр. 234.

войсками. Но противникъ скоро получилъ подкрѣпленіе для своихъ войскъ на высотахъ второй и третьей боевыхъ линій и оказалъ нашей атакѣ упорное сопротивленіе. Завязалась сильная перестрѣлка, и еще въ полдень $^{13}/_{26}$ августа она продолжалась съ неослабѣвающей силой“ [1]).

„Тѣмъ временемъ получившая подкрѣпленіе непріятельская пѣхота постепенно тѣснила нашъ лѣвый флангъ, который очутился въ критическомъ положеніи. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ движеніе впередъ нашей лѣвой колонны сильно запоздало“.

„Однимъ словомъ, наша армія могла только проникнуть въ центръ непріятельскихъ позицій, раздѣливъ его силы на двѣ части, но до поздней ночи не могла выбить изъ позицій оба фланга противника“ [2]).

$^{14}/_{27}$ августа всѣ наши колонны возобновили наступленіе, пользуясь туманомъ, но имъ оказала очень упорное сопротивленіе часть непріятельскихъ войскъ“ [3]).

„Самымъ жестокимъ изъ всѣхъ боевъ была ночная атака подъ Хуншалиномъ и Куншалиномъ. При свѣтѣ луны противникъ легко замѣтилъ наступленіе нашихъ войскъ; не только осыпалъ насъ убійственнымъ огнемъ, но также бросалъ съ горъ камни и скалы, нанося нашимъ войскамъ многочисленныя потери. Но мы упорно удерживались на своихъ позиціяхъ и выдерживали огонь. Съ неустрашимымъ мужествомъ наши солдаты взбирались на крутизны горъ и вступали съ противникомъ въ бой. Мы понесли тяжелыя потери во время этой атаки. Но все же, къ счастью, наши потери, по случаю ночной атаки, были сравнительно не велики. Противникъ, находившійся противъ нашей лѣвой колонны, оказывалъ упорное сопротивленіе, но и наши люди сражались тамъ съ яростью“ [4]).

---

[1]) М. Кинай, т. I. стр., 238—239.
[2]) Тамъ же, стр. 240.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 240—241.

„Къ вечеру двѣ или три бригады непріятельской пѣхоты предприняли контръ-атаку на наши первую и вторую колонны, а въ то же время ружейная перестрѣлка подъ Хоинтаемъ стала чрезвычайно яростной. Лѣвый флангъ второй колонны, который, къ счастью, прибылъ на поле сраженія въ послѣобѣденные часы, двинулся на поддержку нашихъ войскъ по направленію вышеназваннаго пункта; не взирая на соединенныя наши усилія, мы не могли отбить непріятеля до полуночи, когда ружейная перестрѣлка еще продолжалась съ прежней силой“ [1]).

„Третья колонна энергично атаковала непріятеля, который оказалъ упорное сопротивленіе: было признано, что бой будетъ затяжной. Непріятельскія укрѣпленія были настолько сильны, а сопротивленіе, имъ оказываемое, настолько упорно, что дѣйствія нашей артиллеріи не производили замѣтнаго эффекта; ночь уже спустилась на поле сраженія, и наша армія еще не имѣла удобнаго случая перейти въ наступленіе“ [2]).

„Въ общемъ оборонительный образъ дѣйствій противника подъ Ляояномъ былъ отчаянный и указываетъ на то, что съ самаго начала сраженія у русскихъ не было намѣренія отступать отъ этого пункта“ [3]).

---

[1]) М. Кинай, т. I, стр. 246.
[2]) Тамъ же, стр. 260—261.
[3]) Тамъ же, стр. 262.

V.

Сентябрьское наступленіе. Шахейская операція.

Кто могъ думать, что армія, отступавшая отъ Ляояна къ Мукдену, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ перейдетъ въ наступленіе? На это могли разсчитывать только люди, хорошо знающіе русскаго солдата. Иностранцы же, отдавая намъ полную справедливость за всю предшествующую боевую работу, были увѣрены, что, отступивъ отъ Ляояна, мы остановимся гдѣ-нибудь очень далеко. Въ этомъ убѣждало и настроеніе, господствовавшее въ штабныхъ сферахъ. Все это отлично подмѣчено и передано бар. Теттау, который начинаетъ вторую часть своего труда предисловіемъ, весьма лестнымъ для всѣхъ участниковъ Ляоянскаго сраженія.

„Я питаю убѣжденіе, что каждый въ русской арміи,— отъ высшаго генерала до послѣдняго солдата,—по своему крайнему разумѣнію выполнилъ свой долгъ. Русскаго солдата прежде всего ни въ чемъ винить нельзя. Маленькіе, храбрые японцы, можетъ-быть, тоже не воевали бы такъ отважно, если бы ихъ посадили на желѣзную дорогу и повезли бы за 10.000 километровъ въ чужую часть свѣта, которую они едва знаютъ по названію, для того, чтобы сражаться за такое дѣло, значеніе котораго для родины они не въ состояніи были бы постигнуть“.

„Я и нынѣ повторяю, можетъ быть въ болѣе условной формѣ, то, что я утверждалъ до войны“.

„Будучи вѣрнымъ и самоотверженнымъ, русскій солдатъ представляетъ собой въ рукахъ хорошихъ началь-

никовъ, которымъ онъ вполнѣ довѣряетъ, такой матеріалъ, какой едва ли имѣютъ еще другія арміи всего свѣта“ [1]).

„Въ Мукденѣ все было готово къ дальнѣйшему отступленію. Главная полевая почтовая контора была уже отправлена въ Тѣлинъ, мы не могли ни получать, ни отправлять письма. Какъ я упомянулъ въ концѣ предыдущей главы, среди иностранныхъ офицеровъ господствовало единогласное мнѣніе, что Россія войну проиграла безповоротно. Намъ, безпристрастнымъ свидѣтелямъ прошлыхъ боевъ, казалось яснымъ, что эта армія, подъ начальствомъ прежнихъ начальниковъ, не можетъ наступленіемъ снова овладѣть тѣмъ, что она при огромныхъ жертвахъ не могла удержать обороной въ борьбѣ съ противникомъ, много разъ болѣе слабымъ числительностью, чѣмъ она сама“ [2]).

„Сравненіе съ 1812 годомъ здѣсь неумѣстно. Тогда вся нація воевала противъ наполеоновскаго гнета за свою свободу, за свое существованіе. Здѣсь же, въ Манчжуріи, сражались за дѣло, о которомъ едва ли кто-нибудь имѣлъ ясное представленіе, не говоря уже о воодушевленіи. Я не говорю о старикахъ-запасныхъ, покинувшихъ на родинѣ женъ и дѣтей въ нищетѣ и горѣ; они были, понятно, охвачены однимъ лишь желаніемъ, чтобы эта злосчастная война окончилась бы поскорѣй. Но и между офицерами и старшими начальниками замѣчалось мало воодушевленія;— да откуда ему было взяться? Вели борьбу съ огромными жертвами ради страны, отъ которой никто не имѣлъ пользы для родины. Россія владѣетъ на востокѣ Азіи такими необозримыми пространствами, которыя только ждутъ культурной обработки, чтобы развернуть свои богатѣйшія сокровища. Здѣсь же попали въ страну, имѣвшую древнюю, богатую культуру, во многихъ отношеніяхъ болѣе высокую, чѣмъ русская. Каждая пядь земли была использована при-

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 111.
[2]) Тамъ же, стр. 13.

лежными жителями, такую тщательную обработку земли могъ бы взять за образецъ любой европейскій земледѣлецъ".

„Правда, это культура китайская, но китаецъ никогда и не позаимствуетъ европейскую культуру; онъ производитъ самъ не только все необходимое для жизни, но и предметы роскоши, онъ не нуждается въ чужеземной культурѣ".

„Генералъ графъ Келлеръ—пламенный патріотъ и одинъ изъ тѣхъ русскихъ генераловъ, который былъ сторонникомъ энергичнаго веденія войны — однажды выразился такъ: „Если мы сохранимъ Манчжурію, мы скорѣе превратимся въ китайцевъ, чѣмъ китайцы станутъ русскими!" [1]).

„Я упомянулъ", говоритъ Теттау, „о взглядѣ генерала Куропаткина, что русскій солдатъ только закаляется неудачами. Если я съ этимъ и не согласенъ и повторяю, что постоянное отступленіе подрывало довѣріе войскъ, парализовало ихъ моральную силу, все же я долженъ сознаться, что черезъ 1 или 2 недѣли послѣ Ляоянскаго боя едва ли можно было по внѣшнему виду войскъ замѣтить, что недавно они понесли рѣшительное пораженіе. Этому способствовало характерное свойство русскихъ—не долго находиться подъ вліяніемъ полученныхъ впечатлѣній и быстро ихъ стряхивать. Русскій съ гордостью называетъ это качество „широкая натура". Но главная причина тому, что армія такъ быстро оправилась отъ послѣдствій Ляоянскаго боя, лежала не столько въ этомъ, иной разъ цѣнномъ качествѣ, сколько въ полнѣйшемъ бездѣйствіи противника" [2]).

Какъ бы то ни было, но армія въ 1—2 недѣли оправилась отъ неудачъ, понесенныхъ подъ Ляояномъ, а высшій командный составъ остался вѣренъ себѣ. Особенно поучительны взгляды на дальнѣйшія дѣйствія, высказанныя бывшимъ командиромъ X корпуса.

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 14.
[2]) Тамъ же, стр, 25.

„Обсуждались всевозможныя соображенія, которыя могли возникнуть только тогда, когда непріятель будетъ побитъ. И этой главной цѣли хотѣли достигнуть примѣненіемъ осторожности!“

„Въ русской Академіи генеральнаго штаба съ величайшимъ усердіемъ изучаютъ наполеоновскіе походы, и офицеры генеральнаго штаба прекрасно съ ними знакомы. Тѣмъ болѣе поразительно, что такъ мало соображались съ основнымъ понятіемъ не только наполеоновской, но и всякой другой стратегіи—дѣйствовать энергично и стремительно“ [1]).

Полезно это удивленіе бар. Теттау сопоставить съ приведеннымъ мнѣніемъ ген. Сильвестра о нашемъ генеральномъ штабѣ.

„Среди насъ, иностранныхъ офицеровъ“, пишетъ Теттау, „никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность наступленія. Разсказывали, что и ген. бар. Штакельбергъ считалъ наступленіе въ этотъ періодъ невозможнымъ и совѣтовалъ обождать“ [2]).

22 Сентября 1904 года, послѣ сборовъ и разговоровъ, русская армія начала наступленіе, и тотчасъ же явились заботы о выборѣ позицій и ихъ укрѣпленіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что иностранцы пришли въ ужасъ отъ такого наступательнаго духа нашего высшаго командnаго состава. Въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи и кроются причины неудачъ нашей наступательной операціи, о которой бар. Теттау разсказываетъ много интереснаго и поучительнаго. Предоставимъ ему слово.

„Вчера ночью достовѣрный лазутчикъ доставилъ свѣдѣніе, что у Янтая сосредоточено 9 японскихъ дивизій, т.-е. не менѣе 120.000 челов.; при нихъ находится маршалъ Ойяма и одинъ изъ принцевъ императорской крови. Это совершенно мѣняетъ положеніе вещей! Хотя коман-

---

[1]] Теттау, ч. I, стр. 31.

[2]) Тамъ же, стр. 32.

дующій арміей и могъ бы ввести вправо отъ 17-го корпуса одинъ изъ корпусовъ своего резерва, все же онъ, генералъ Случевскій, считаетъ неразумнымъ продолжать наступленіе западнымъ отрядомъ, когда восточный отрядъ генерала барона фонъ-Штакельберга еще не приблизился къ противнику. Необходимо остановиться, даже, можетъ-быть, съ цѣлью выбрать хорошую позицію—снова отойти нѣсколько назадъ, чтобы отразить атаку японцевъ на укрѣпленной позиціи! Генералъ Случевскій, по его словамъ, послалъ донесеніе ген. Куропаткину и сдѣлалъ ему такого рода предложеніе; еще неизвѣстно было, согласится ли командующій арміей на это предложеніе, а уже сдѣлано распоряженіе сегодня же приступить къ устройству укрѣпленій".

„Долженъ сознаться, что это извѣстіе поразило насъ, какъ громомъ. Это, значитъ, было начало и конецъ великаго наступленія" [1]).

„Повидимому, генералъ Куропаткинъ согласился съ предложеніемъ ген. Случевскаго. Вслѣдствіе этого по корпусу было сдѣлано распоряженіе: на случай атаки противника главнымъ силамъ занять главную позицію къ югу отъ Шахепу; правому авангарду, не ввязываясь въ упорный бой, отойти за эту позицію и составить резервъ корпуса, лѣвому авангарду (Мау) занять и оборонять высоты у Яншутуня" [2]).

Какою скорбью наполняется сердце всякаго военно-образованнаго человѣка при чтеніи этихъ строкъ! И вотъ при такихъ-то условіяхъ ведется война, армія борется, не теряя своихъ вѣковыхъ боевыхъ качествъ!

„Я помню", продолжаетъ Теттау, „одно событіе дня, которое хорошо характеризуетъ рыцарское отношеніе, существовавшее въ общемъ между обѣими арміями въ теченіе всей войны. Когда мы находились при авангардѣ Мау,

---

[1]) Теттау, ч. II, стр. 50.
[2]) Тамъ же, стр. 51—52.

намъ принесли письмо, написанное по-русски; оно было прикрѣплено къ дереву и адресовано русской главной квартирѣ отъ японской квартиры. Въ этомъ письмѣ сообщалось о геройской смерти русскаго солдата, который, переодѣтый китайцемъ, подкрался къ японскимъ передовымъ постамъ, былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти. Русскую армію поздравляли, что въ ея рядахъ имѣются такіе храбрые солдаты, вмѣстѣ съ тѣмъ передавались послѣднія желанія умершаго относительно пересылки роднымъ принадлежащихъ ему вещей. Во время дальнѣйшаго хода кампаніи изъ Японіи въ Петербургъ пересылались снятыя съ убитыхъ русскихъ цѣнныя вещи—часы, деньги и т. д.“ [1]). Надо отдать справедливость потомкамъ Самураевъ: они дѣйствительно во многихъ случаяхъ проявили истинное благородство.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы между высшимъ командным составомъ арміи могло быть такъ мало единства въ общемъ стремленіи къ достиженію поставленной арміи цѣли. А что же долженъ былъ пережить нѣмецъ, воспитанный въ духѣ веденія наступленія 1870—71 года. „Нужно было ожидать новой атаки японцевъ; съ праваго фланга 17-го корпуса доходили весьма тревожныя вѣсти; японцы его совершенно обошли и заняли деревни Сяоюзунпу и Сундзятатай, очищенныя отрядомъ Стаховича, а Оренбургская казачья бригада отступила далеко на сѣверъ“.

„При такихъ обстоятельствахъ было само собою понятно, что въ 17 корпусѣ ожидали съ увѣренностью вмѣшательства 6-го сибирскаго корпуса, стоявшаго все еще въ резервѣ за правымъ флангомъ“.

„Еще утромъ 11-го октября (28-го сентября) генералъ фонъ-Бильдерлингъ просилъ командира 6-го сибирскаго корпуса, генерала Соболева, двинуть свой корпусъ для

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 55.

прикрытія праваго фланга Западнаго отряда; но генералъ Соболевъ отвѣтилъ, что въ виду данной ему генераломъ Куропаткинымъ инструкціи, онъ не можетъ исполнить этой просьбы, но что онъ въ случаѣ, если бы генералъ фонъ-Бильдерлингъ былъ вынужденъ къ отступленію, прикроетъ его правый флангъ тѣмъ, что приметъ съ 6 сибирскимъ корпусомъ бой на занимаемыхъ имъ укрѣпленныхъ позиціяхъ".

„Когда еще болѣе обозначился обходъ праваго фланга 17-го корпуса, по просьбѣ генерала фонъ-Бильдерлинга, въ 12 часовъ дня генералъ Куропаткинъ приказалъ 6-му сибирскому корпусу наступать авангардами до деревни Синтайцзы—т. е. около 4 километровъ,—а главными силами до линіи Шоуялинза—Дальянтунъ".

„Только на слѣдующее утро, 12-го октября (29 сентября) въ отвѣтъ на упорное требованіе со стороны генерала фонъ-Бильдерлинга, въ его распоряженіе была дана одна бригада (2-я бригада 55-й пѣхотной дивизіи) 6-го сибирскаго корпуса, которая и подошла къ Ліутхангоу въ 10 часовъ утра. Весь день 11-го октября (28-го сентября) простоялъ также въ полномъ бездѣйствіи у Таванганцу, имѣя авангардъ у Синтайцзы, отрядъ Дембовскаго" [1]).

„На разсвѣтѣ 11-го октября (28-го сентября) согласно полученному приказу, 1-й и 3-й сибирскіе корпуса повели атаку. Въ атакѣ участвовало круглымъ счетомъ 80 батальоновъ съ 24 пулеметами, 40 сотенъ и 130 орудій, а въ резервѣ находилось 17 батальоновъ съ 70 орудіями".

„Несмотря на такое превосходство, несмотря на *геройское поведеніе войскъ*, атака не удалась. Неудача постигла русскихъ вслѣдствіе трудностей и незнакомства съ мѣстностью, и *непривычки начальниковъ* и *войскъ воевать въ горахъ*".

---

[1]) Теттау, ч. II, стр. 84.

„Бой продолжался цѣлый день. Къ вечеру атакующія войска, которыя не имѣли возможности развернуться въ скалистой мѣстности безъ всякихъ дорогъ и несли огромныя потери отъ непріятельскаго артиллерійскаго огня, подошли по всей линіи на разстояніе дѣйствительнаго ружейнаго огня, а 3-й сибирскій корпусъ мѣстами даже до подошвы занятыхъ японцами крутыхъ склоновъ. Очевидцы (итальянскій военный аташе—лейтенантъ Камперіо снова находился при 3-мъ сибирскомъ корпусѣ), передаютъ, что **русскія войска совершили истинныя чудеса храбрости.** Напрасно русскіе стрѣлки пытались вкарабкаться на крутые склоны, съ которыхъ японцы бросали въ нихъ обломки скалъ. Всѣ жертвы, все геройство были напрасны; необозримая, пересѣченная мѣстность, отсутствіе дорогъ, недостатокъ хорошихъ картъ не давали возможности согласовать дѣйствія колоннъ и руководить боемъ. Необычайно крутые склоны горъ и стрѣльба съ близкой дистанціи японцевъ, занимавшихъ эти горы, остановили напоръ храбрыхъ стрѣлковъ. Одинъ 3-й сибирскій корпусъ и отрядъ Ренненкампфа потеряли до вечера 5.000 человѣкъ, причемъ не удалось даже вырвать у противника хотя бы одну позицію“ [1]).

„Генералъ фонъ-Штакельбергъ первоначально намѣревался продолжать общую атаку переваловъ въ ночь на 12-е октября (29-е сентября), но вечеромъ отъ этого плана снова отказался. О побудительныхъ причинахъ этого важнаго по своимъ послѣдствіямъ рѣшенія, одинъ изъ штабныхъ офицеровъ генерала фонъ-Штакельберга выражается такъ: „При огромныхъ потеряхъ, понесенныхъ Восточнымъ отрядомъ въ предшествовавшихъ бояхъ, ночная атака переваловъ могла повлечь за собой полное израсходованіе корпусныхъ резервовъ. Оказывать же поддержку корпусамъ въ передовой линіи частями отряднаго резерва, ка-

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 88.

залось, въ виду выдвинутой позиціи отряда, рискованнымъ. Да и захватъ перевaловъ не былъ бы большимъ выигрышемъ. Развѣдка показала, что позади позицій, занятыхъ японцами, приготовленъ цѣлый рядъ такихъ же недоступныхъ позицій, овладѣть которыми не хватаетъ войскъ. При неудачѣ ночного штурма на перевалы, положеніе отряда могло стать критическимъ".

„Значитъ опять боялись израсходовать резервы; не рискуютъ все поставить на карту потому, что думаютъ о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ потери игры. Я воздерживаюсь отъ критики. Я только сопоставляю факты; со стороны русскихъ отъ крайняго праваго до крайняго лѣваго фланга, повсюду замѣчается введеніе резервовъ по каплѣ. У японцевъ, наоборотъ, полное употребленіе всѣхъ силъ въ рѣшающемъ мѣстѣ; они не избѣгаютъ смѣлаго риска и не боятся опасеній за послѣдствіе возможнаго неуспѣха" [1]). И вотъ, до сихъ поръ не нашлось у насъ мудраго Эдипа, который могъ бы разгадать загадку: кто виноватъ въ такомъ направленіи боевой подготовки нашего высшаго командnаго состава?

„Относительно отдачи приказаній и руководства сраженіемъ 12-е октября (29-е сентября) является днемъ замѣчательнымъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда контръ-приказаній и противорѣчій, которыя отчасти, несомнѣнно, были причиной неудачъ этого дня. Хотя генералъ Куропаткинъ и передавалъ начальникамъ отрядовъ соотвѣтствующія приказанія, но онъ все же продолжалъ посылать непосредственно приказанія корпусамъ и входить въ мельчайшія подробности относительно употребленія войскъ. Это, конечно, повлекло за собой тренія всякаго рода" [2]).

„Вслѣдъ за этимъ командиръ 10-го корпуса получилъ одновременно еще два приказанія: первое — отъ коман-

[1]) Теттау, ч. II, стр. 89—90.

[2]) Тамъ же, стр. 93—94.

дующаго арміей — держать резервъ за *лѣвымъ* флангомъ корпуса и быть наготовѣ оказать поддержку генералу Мау; второе — отъ начальника Западнаго отряда — держать резервъ за *правымъ* флангомъ, для того, чтобы въ случаѣ надобности закрыть промежутокъ между 10-мъ и 17-мъ корпусами".

„На разсвѣтѣ, въ 5 часовъ утра японцы неожиданно пошли въ атаку противъ праваго фланга позиціи Эршедіяза — Сяодунтай, двинувшись изъ окоповъ, которые они вырыли въ теченіе ночи въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ позиціи 17 корпуса. Но атака была отбита огнемъ русскихъ стрѣлковъ".

„Тогда японцы по всему фронту стали осыпать русскія позиціи ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Потери русскихъ были огромныя, но войска держались стойко" [1]).

„Одновременно съ этимъ, 4-я японская дивизія продолжала обходить правый флангъ 17-го корпуса, не встрѣчая никакого сопротивленія. Въ 9 часовъ утра она уже дошла до деревни Сундзятатай. Отрядъ Стаховича въ Цунлунянтаѣ попалъ подъ перекрестный артиллерійскій огонь съ запада и юга; онъ держался съ трудомъ. Авангардъ 6-го сибирскаго корпуса (1 бригада 72-й пѣхотной дивизіи) стоялъ у деревни Сандіяза, не вступая въ бой" [2]). И, вѣдь, съ окончаніемъ войны на это никто не обратилъ вниманія; никому не пришло въ голову всячески, вездѣ, гдѣ возможно, подчеркнуть этотъ несчастный боевой случай, выяснить командному составу, что подобное отношеніе къ сосѣдямъ въ бою — преступно.

„Въ 12 час. дня изъ резерва въ Ченліутхангоу, для этой же цѣли въ атаку былъ выведенъ 219-й пѣхотный полкъ. Густыми колоннами, съ полковой музыкой впереди

---

[1]) Теттау, ч. II, стр. 94—95.
[2]) Тамъ же, стр. 95—96.

онъ пошелъ въ атаку; но настоящій градъ шрапнелей и гранатъ остановилъ полкъ и вскорѣ принудилъ его повернуть назадъ“ [1]).

Можно ли что нибудь прибавить къ этому педантически вѣрному разсказу иностранца? Безмолвіе и скорбь должны сопровождать эту повѣсть.

„30 Сентября, японская пѣхота до вечера не дѣлала попытки перейти въ наступленіе, но стояла укрытой въ деревняхъ и въ гаолянѣ. Ея сдержанность вполнѣ понятна, въ виду того, что 2-я японская армія не только на своемъ фронтѣ имѣла одинаковой силы противника, но и ея лѣвому флангу угрожали $2^1/_2$ совершенно свѣжихъ дивизіи, которыя могли ежеминутно вмѣшаться въ бой. Если бы это вмѣшательство было бы тогда же совершено энергично, то въ Западномъ отрядѣ побѣда должна была склониться на сторону русскихъ“ [2]).

„Хотя русскій центръ и былъ вынужденъ, общимъ положеніемъ арміи, отступить 13-го октября (30-го сентября) вечеромъ по всему фронту, все же можно считать, что попытка японцевъ прорваться не удалась, хотя они для этого употребили всѣ имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи силы“ [3]).

Бар. Теттау искренно раздѣляетъ съ нами чувство радости, по поводу нашей удачи на сопкѣ съ деревомъ, 3 октября. И не онъ одинъ былъ увѣренъ, что это толчекъ, который, наконецъ, сдвинетъ армію съ позиціи и поведетъ впередъ, къ побѣдѣ. И если не легко было разочаровываться иностранцу, то каково же себя чувствовали участники этого славнаго боя?

„Первый успѣхъ въ этой кампаніи, первыя трофеи. Съ груди точно тяжесть свалилась! Наконецъ-то сила про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 96—97.
[2]) Тамъ же, стр. 119.
[3]) Тамъ же, стр. 124.

тивника какъ будто сломлена; наступилъ желанный поворотъ военнаго счастья. Мнѣ казалось несомнѣннымъ, что теперь армія, желая использовать эту первую побѣду, перейдетъ въ наступленіе, которое было назначено еще на вчерашній день! Но я, повидимому, переоцѣнилъ моральное впечатлѣніе этого успѣха. Войска были слишкомъ изнурены физически, и нравственно обезсилены, чтобы поддаться сильному впечатлѣнію“ [1]).

„Еще значительно больше, чѣмъ матерьяльныя потери, у русскихъ была велика потеря моральной силы. Войскамъ объяснили раньше, что „пораженіе арміи“ у Ляояна и въ первыхъ бояхъ этой кампаніи происходили вслѣдствіе того, что „имъ было приказано отступать!“ Теперь же все должно было сложиться иначе; хотѣли „принудить японцевъ подчиниться нашему желанію“, въ виду того, что численность Манчжурской арміи стала достаточно велика. Словамъ командующаго арміей охотно придавали вѣру и, право **войска вполнѣ сдѣлали все, чтобы выполнить долгъ арміи; четвертая часть ея пролила для этого свою кровь!** А все же—ничего не было достигнуто изъ того, что, какъ конечная цѣль, было намѣчено командующимъ арміей. Не была даже сдѣлана и *попытка* навязать противнику свою волю. Съ перваго дня наступленія въ рѣшеніяхъ уже замѣтны были колебанія,—вмѣсто быстраго энергичнаго наступленія перешли снова къ оборонѣ, предоставили противнику иниціативу и допустили его снова,—говоря словами генерала Куропаткина въ его приказѣ по арміи,—„дѣйствовать по собственному побужденію и избирать подходящій для него моментъ, чтобы атаковать насъ“.—Неужели опять „было приказано отступать“ потому, что не настало время для рѣшительной побѣды? Вѣдь для каждаго, кто безпристрастно будетъ обсуждать ходъ сраженія, станетъ ясно, что побѣда

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 159.

могла быть достигнута. Войска знали, что они выполнили „свой долгъ до конца, не щадя живота“, если, не взирая на все это, не достигли успѣха, то причины нужно искать въ иномъ мѣстѣ,—онѣ повидимому „неизмѣнны“. Уже не сомнѣвались болѣе и свыклись съ тѣмъ, что всѣ жертвы напрасны и что послѣ каждаго боя приходится „отступать“. Вслѣдствіе этой ничѣмъ не вознаградимой утраты моральной силы, можно утверждать, что сраженіе на Шахе представляетъ собой наиболѣе сильное пораженіе русскихъ въ теченіе всей кампаніи“ [1]). Да, въ смыслѣ моральномъ это дѣйствительно пораженіе, прямымъ послѣдствіемъ котораго явится Мукденскій погромъ.

„Я не берусь рѣшить насколько справедливы обвиненія, которыя генералъ Куропаткинъ въ свое оправданіе дѣлаетъ значительному числу начальниковъ. Что же касается упрека въ недостаточной стойкости большей части войскъ, то мнѣ хочется утверждать, что онѣ всюду бились геройски тамъ, гдѣ ими сознательно руководили“.

„По ходу сраженія ясно видно, что существовали еще и другія причины, вызвавшія пораженія. Я въ этомъ вопросѣ откровенно выражалъ свое мнѣніе. Я далекъ отъ мысли обвинять храбрыя войска, которыя вдали отъ родины проливали кровь и отдавали жизнь, не зная въ сущности, ради чего они себя приносятъ въ жертву“.

„Также мало я желалъ бы задѣть самолюбіе какого-либо изъ начальниковъ; кто можетъ знать побудительныя причины, которыми они руководились въ своихъ поступкахъ? Неудачи нужно приписать не личностямъ, а системѣ, взглядамъ, которые господствовали въ арміи до войны, Нужно только вспомнить злосчастное слово „позиція“, которое было у всѣхъ на языкѣ, эту постоянную тактику пассивной обороны, которыми парализовалось каждое рѣ-

---

[1]) Теттау. ч. 2, стр. 170—171.

шеніе, каждый свободный поступокъ. Не недостатокъ энергіи и сознанія долга, но боязнь рѣшимости, въ которой они воспитывались, мѣшали русскимъ начальникамъ овладѣть починомъ, иниціативой и распорядиться ввѣренными имъ войсками въ рѣшительномъ мѣстѣ для достиженія успѣха, не боясь никакихъ опасеній“ [1]). Вотъ бы, по заключеніи мира и заняться ломкой системы боевой подготовки, если это дѣйствительно требуется.

„*Доблесть и самоотверженность войскъ, какъ и въ предшествующихъ войнахъ, были внѣ упрека,* если въ чемъ части и хромали, то только въ недостаточной подготовленности вести бой подъ современнымъ огнемъ“...

„Въ общемъ же, какъ и послѣ войны 1877—78 г.г., говорилъ генералъ Куропаткинъ: „недостатки наши въ обученіи и управленіи—поправимы, достоинства же—доблесть солдата и офицера—единственныя“.

„За 25 лѣтъ перемѣнъ не произошло!“ [2]).

Было бы весьма полезно доморощеннымъ критикамъ арміи запомнить эти слова. Впрочемъ, надо отдать справедливость легкомыслію этихъ критиковъ, не обременяющихъ себя знакомствомъ съ литературой такъ близко касающейся осуждаемой ими арміи.

Въ параллель показаніямъ бар. Теттау полезно поставить дальнѣйшія наблюденія Гамильтона, какъ въ промежутокъ времени между Ляояномъ и Шахе, такъ и въ теченіе самой операціи. Вотъ что говоритъ Гамильтонъ, характеризуя русскаго солдата. „Намъ разсказали, какъ во время атаки около двадцати японцевъ попали въ редутъ и были отрѣзаны. Русскіе перевязали раны и отослали ихъ обратно“ [3]).

---

[1]) Теттау, ч. II, стр. 171—172.
[2]) Тамъ же, стр. 176.
[3]) Гамильтонъ, т. II, стр. 138.

„Самимъ миссіонерамъ русскіе, кажется, очень нравились. До самой послѣдней минуты русскіе смотрѣли на дѣла оптимистически. Они всегда готовы были признать, что плохо освѣдомлены и мало знаютъ о передвиженіяхъ японцевъ, но увѣряли, что это не имѣетъ значенія. Миссіонеры отзывались съ большой похвалой о поведеніи русскихъ войскъ въ Ляоянѣ“ [1]).

„Онъ (миссіонеръ изъ секты индепендентовъ) подтвердилъ слова своихъ товарищей о томъ, съ какимъ петерпѣніемъ китайцы ожидали прихода японцевъ. Господство подобнаго чувства было очень выгодно Оямѣ, такъ какъ побуждало жителей на театрѣ военныхъ дѣйствій скрывать отъ русскихъ все. Непроницаемое, какъ тюремная стѣна, молчаніе окружало развѣдывательное бюро Куропаткина. Съ другой стороны Оямѣ доставлялись самыя точныя свѣдѣнія; въ видѣ примѣра мнѣ разсказали, что въ послѣдній день сраженія, японцы бросили тридцать гранатъ въ Ямынь, гдѣ всего за день или два помѣщалась русская Главная Квартира, къ счастью для себя и своихъ документовъ успѣвшая переѣхать на другое мѣсто“ [2]).

„По словамъ миссіонера, русскаго солдата не легко было деморализовать,—по крайней мѣрѣ въ теченіе долгаго времени. У него слишкомъ легкомысленный темпераментъ. Послѣ пораженія всѣ на день или на два бывали погружены въ уныніе. Затѣмъ начинала играть музыка, а ночью слышались звуки шумнаго разгула, во время котораго армія забывала всѣ свои неудачи и снова становилась непобѣдимой. Я нахожу нѣчто чрезвычайно привлекательное въ этихъ чертахъ русскаго характера и предпочитаю философію веселаго кавалера міровоззрѣнію трезваго Круглоголоваго“ [3]).

---

[1]) Гамильтонъ, стр. 138—139.
[2]) Тамъ же, стр. 140.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 142.

Наступленіе русскихъ было для японцевъ совершенно неожиданно и они долго блуждали въ области догадокъ, покуда истина не стала имъ извѣстна, лишь благодаря счастливой случайности. Вотъ, какъ въ самую нужную минуту могутъ отказать всѣ виды явной и тайной развѣдки.

„Какъ разъ въ этотъ моментъ счастливая случайность вывела все дѣло изъ области рекогносцировокъ и догадокъ. Въ схваткѣ около Далинскаго перевала былъ убитъ русскій штабной офицеръ; на немъ нашли подробные приказы Куропаткина, предписывавшіе Штакельбергу обойти правое японское крыло и двигаться прямо на Ляоянъ!“ [2]).

Отказъ русскихъ отъ наступленія не предвѣщалъ имъ побѣды, да и воевали то они не по настоящему, а по парадному, не щадя, впрочемъ, жизни своей до послѣдней капли крови. Вотъ, что Гамильтонъ занесъ въ свою записную книжку.

„Ляояна здѣсь не было; мѣстность была открытая, видны были громадныя массы русскихъ—кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи—въ такомъ строѣ, какого я за послѣднее время не видѣлъ нигдѣ, кромѣ парадовъ“ [1]).

„Я теперь твердо убѣжденъ и совершенно спокоенъ, что русскіе, прекративъ наступленіе, тѣмъ самымъ навсегда лишились нравственнаго преимущества, безъ котораго атака не можетъ быть успѣшной“ [2]).

„Но вотъ, наконецъ, двигается пѣхота! Чудное, возвышающее душу зрѣлище! Двѣ длинныя линіи пѣхоты, ружья на перевѣсъ, съ блестящими штыками, маршируютъ плечомъ къ плечу, словно на петербугскомъ парадѣ, а не по долинѣ Шатоцзуко“ [3]).

---

[1]) Гамильтонъ, ч. 2, стр. 152.
[2]) Тамъ же, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 161.
[3]) Тамъ же, стр. 165.

„Тамъ, безъ сомнѣнія, трещатъ барабаны, развѣваются знамена и каждый человѣкъ въ этихъ могучихъ рядахъ чувствуетъ себя настоящимъ героемъ. Однако, большое счастье, что эти ряды слишкомъ далеки для недальнобойныхъ японскихъ орудій, и что орудія эти обуздываются русской артиллеріей“ [1]). Это обстоятельство заставляетъ Гамильтона съ нѣкоторою долею безпокойства, вспомнить о свойствахъ англійскихъ орудій, которыя „по типу совершенно подходятъ къ японскимъ, а, между тѣмъ, очевидно, что послѣднія не могутъ имѣть никакого шанса на успѣхъ противъ русскихъ въ открытомъ полѣ“ [2]).

Не покажется ли обиднымъ, что иностранцу бросаются въ глаза крупныя прорѣхи нашего военнаго обученія, въ то время, какъ мы сами съ чувствомъ наивнаго самодовольствія считали свою боевую подготовку внѣ упрека. Да, это было какое то непонятное усыпленіе, особая болѣзнь, за леченіе отъ которой пришлось дорого заплатить.

„Всякій безпристрастный военный“, говоритъ Гамильтонъ, „увидѣвъ то, что видѣлъ я, былъ бы пораженъ чисто смотровой выучкой и непоколебимой неподвижностью русскихъ, которыя обрекли ихъ на роль пассивныхъ зрителей угрожающаго имъ окруженія и уничтоженія со стороны обладавшихъ быстротой соображенія и личной иниціативой японскихъ солдатъ“ [3]).

„*Кажется, что даже инстинктъ самосохраненія не можетъ научить русскаго солдата понимать выгоду укрытаго положенія*“ [4]).

„Строенія кумирни держались минутъ десять, но затѣмъ были взяты штыками. Однако русскіе, находившіеся на сѣверной части холма, были храбрые молодцы и рѣ-

---

[1]) Гамильтонъ, т. II, стр. 165.
[2]) Тамъ же, стр. 166.
[3]) Тамъ же, стр. 173.
[4]) Тамъ же, стр. 176.

шительно отказались отступить. Это всегдашняя русская манера. Именно тогда, когда всякое сопротивленіе оказывается безнадежнымъ, они начинаютъ сражаться съ безумной храбростью“ [1]). Отъ столь похвальнаго качества намъ и не надо отказываться, напротивъ, слѣдуетъ его культивировать въ рядахъ арміи потому, что степень безнадежности положенія зачастую оказывается спорной, а упорство сопротивленія нерѣдко приводитъ къ успѣху.

„Но товарищи ихъ, та небольшая группа, которая осталась на холмѣ, все еще держатся и доблестно сражаются за каждую пядь земли, я думаю, не столько въ надеждѣ выбить японцевъ, какъ во славу и честь русскаго оружія и Царя“ [2]). И я думаю также, какъ сэръ Гамильтонъ, а подобная мысль даетъ большое утѣшеніе, указывая на что можетъ разсчитывать талантливый полководецъ, командующій русской арміей.

„Въ 6 ч. утра русскіе мѣстами еще держались. Они сражались очень храбро; нѣкоторые изъ нихъ прятались въ подвалахъ кумирни, въ разсѣлинахъ скалъ и даже въ китайскихъ чанахъ для воды и открывали огонь какъ только приближались японскіе солдаты“ [5]). Вотъ и упрекайте русскаго солдата въ неумѣніи вести огонь и примѣняться къ мѣстности.

„Моимъ единственнымъ извиненіемъ за экскурсію въ туманныя области того, что могло бы быть, является тяжелое чувство, съ которымъ я вчера весь день смотрѣлъ на массы русской кавалеріи, праздно сидѣвшей въ сѣдлахъ и смотрѣвшей на пѣхоту и артиллерію, которыя сражались такъ упорно и такъ хорошо, что, казалось, нѣсколько сотъ лишнихъ винтовокъ или карабиновъ могли бы повернуть счастье въ ихъ сторону“ [3]). Повидимому, эта боевая роль

---

[1]) Гамильтонъ, т. II.
[2]) Тамъ же, стр. 187.
[3]) Тоже, стр. 189.

нашей кавалеріи унаслѣдована ею отъ прошлаго вѣка. А на что наша конница способна въ будущемъ—вопросъ, на который покуда не получится увѣреннаго отвѣта.

„Непріятель никогда еще, даже на Манчжу-ямѣ, не атаковалъ такъ рѣшительно. Въ особенности храбро вели себя офицеры; они бѣжали впереди, размахивая шашками и ободряя этимъ солдатъ. Но храбрость эта ни къ чему не привела, такъ какъ строй атакующихъ былъ слишкомъ плотенъ, чтобы устоять противъ нашей развернутой цѣпи, ожидавшей ихъ за хорошо построеннымъ брустверомъ. Русскіе баталіоны были выстроены въ сомкнутыя колонны, такъ что только одна восьмая солдатъ могла стрѣлять, если бы они, вообще, желали это дѣлать; въ дѣйствительности же они почти исключительно надѣялись на штыки“ [1]). Вожденіе пѣхоты сомкнутыми колоннами стало ошибкой со временъ Крымской войны. Въ наши дни такая боевая операція граничитъ съ преступленіемъ. А услужливая печать съ легкимъ сердцемъ расточаетъ упреки этой пѣхотѣ, вызывающей восхищеніе настоящаго воина Британской арміи!

„Несмотря на то, что японцы такъ же, какъ и русскіе, любятъ иногда прибѣгать къ холодному оружію, не слѣдуетъ однако забывать, что изрѣченіе Суворова въ настоящее время должно быть измѣнено, и что пуля неизмѣнно оставляетъ штыкъ въ дуракахъ, если только курокъ спускаетъ опытный стрѣлокъ“.

„Часто одна фраза бываетъ отвѣтственна. Иногда въ ту минуту, когда она только что сказана, она содержитъ въ себѣ на половину правды, но съ теченіемъ времени эта полуправда склонна стать совершенно невѣрной. Мнѣ иногда представляется, что ребяческая безсмыслица относительно пули-дуры столь же отвѣтственна за перенесен-

[1]) Гамильтонъ, т. II, стр 202.

ныя Россіей неудачи, какъ ея скверная дипломатія и неразумная стратегія, взятыя вмѣстѣ“ [1]). По части дипломатіи судить не берусь, а вотъ стратегія дѣйствительно не могла похвалиться разумностью, хотя къ ней и были приставлены люди, составившіе себѣ хорошую репутацію. Что же касается пули-дуры, то о ложности этой идеи, положенной въ систему обученія войскъ, можно написать объемистую книгу. Здѣсь же приходится лишь удивляться умѣнію Гамильтона разбираться въ причинахъ нашихъ неудачъ.

„Японцы производятъ чудеса—и русскіе нигдѣ не могутъ устоять противъ нихъ. Однако я не могу отдѣлаться отъ страннаго чувства, что русскіе похожи на хлопокъ,—сначала очень мягкій, но становящійся все жестче и тверже подъ усиленнымъ давленіемъ, пока, наконецъ, не превратится въ солидную массу хлопчато-бумажнаго пороха, твердаго, какъ желѣзо и способнаго взорваться съ ужасающей силой“ [2]). Будемъ надѣяться, что это хлопковое качество останется за нами и въ будущемъ.

„На мѣстѣ рукопашной схватки, за которой я вчера слѣдилъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ, валялось много русскихъ штыковъ. Повидимому, японскимъ солдатамъ удавалось хвататься за штыки противниковъ и срывать ихъ. Другой японецъ, искавшій чего-то на этомъ мѣстѣ, сказалъ намъ, что русскіе штыки гнутся и не могутъ пробить толстаго сукна. Въ доказательство своихъ словъ онъ поднялъ два-три штыка и показалъ, что ихъ стамескообразное лезвіе совершенно затупилось. Русскіе всегда ходятъ съ примкнутыми штыками и, безъ сомнѣнія, эти послѣдніе имѣютъ полную возможность затупиться. Въ будущемъ русскимъ слѣдовало бы приладить штыкъ какъ-нибудь иначе, чтобы непріятель не могъ хвататься за его

---

[1]) Гамильтонъ, т. II, стр. 203.

[2]) Тамъ же, стр. 213.

лезвіе и отмыкать его“ [1]). Наши штыки дѣйствительно гнутся, но подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы противникъ могъ ухватиться за лезвіе и отомкнуть штыкъ. Подобный разсказъ относится къ области плохо провѣренныхъ повѣствованій очевидцевъ.

„Ввиду упорнаго сопротивленія непріятеля у Шакахэ (Сахэпу) на фронтѣ II арміи, 5 бригадѣ 10 дивизіи IV арміи было приказано двинуться противъ лѣваго фланга непріятеля совмѣстно съ одной бригадой полевой и одной бригадой горной артиллеріи. Командиръ бригады перешелъ рѣку и атаковалъ лѣвый флангъ русской позиціи у Сахэпу, 3/16-го числа. Но такъ какъ непріятель съ большой рѣшимостью продолжалъ держаться, то онъ получилъ приказаніе отступить. Въ этотъ самый моментъ **непріятель атаковалъ бригаду съ большой стремительностью и ожесточеніемъ.** Произошелъ бой, продолжавшійся и ночью. Обѣ стороны оступили одновременно, но оказалось, что во время боя бригада потеряла девять полевыхъ орудій и пять горныхъ“ [2]).

Такъ заканчивается интересующее насъ описаніе Гамильтономъ Шахейской операціи. Какъ жаль что это выдающееся произведеніе европейской военной литературы омрачено столь невѣрной картиной боя за Новгородскую и Путиловскую сопки, гдѣ побѣда русскихъ была безспорною. Правда, мы и сами не съумѣли разобраться въ этомъ событіи минувшей войны; оно недостаточно точно изложено даже на страницахъ нашей офиціальной исторіи, но все таки нельзя сказать, что обѣ стороны отступили одновременно, а одна изъ сторонъ какъ бы нечаянно потеряла 14 орудій. Кромѣ того, если бы мы отступили, то сопки вѣдь остались бы въ рукахъ японцевъ! Однако обѣ взятыя нами съ бою сопки оставались въ нашихъ рукахъ вплоть до отхода къ Мукдену, когда ихъ оставили по категори-

[1]) Гамильтонъ, т. II, стр. 232.
[2]) Тамъ же, стр. 238.

ческому приказанію, которое было исполнено войсками совсѣмъ не охотно. И въ этомъ разсказѣ, не смотря на его крупные недостатки, надо отмѣтить, что атака отличалась стремительностью и ожесточеніемъ. Да, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но нужно чтобы не зарождались сомнѣнія и относительно способностей арміи проявить подобныя же боевыя качества въ будущихъ войнахъ.

Изслѣдуя явленія Русско-Японской войны, капитанъ Ф. Кюльманъ останавливается и на Шахейскихъ бояхъ, которыя не привели къ побѣдѣ ни одну изъ воюющихъ сторонъ. „Начиная съ 1 (14) октября", говоритъ Ф. Кюльманъ, „сраженіе принимаетъ типичный характеръ фронтальнаго столкновенія, сопровождаемаго перемѣннымъ успѣхомъ. Оба противника оказываются достаточно сильными, чтобы удержаться на занятыхъ позиціяхъ, но слишкомъ слабыми, чтобы одержать побѣду [1]).

„6 (19) числа Куропаткинъ отдаетъ своимъ утомленнымъ перемѣшаннымъ войскамъ приказаніе укрѣпиться съ тѣмъ, чтобы отдохнуть передъ предположеннымъ новымъ переходомъ въ наступленіе; повидимому, онъ остался доволенъ исходомъ событій, такъ какъ высказывалъ, что „было бы желательно преподать японцамъ еще нѣсколько такихъ же уроковъ". Однако, задуманный переходъ въ наступленіе откладывается со дня на день, съ одного мѣсяца на другой".

„Японцы, истомленные не менѣе русскихъ, также начали укрѣпляться, и такимъ образомъ, создались вдоль Шахэ и въ горахъ двѣ укрѣпленныя линіи, находившіяся въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одна отъ другой. Въ этомъ положеніи войска обѣихъ сторонъ провели зиму и оно же послужило исходнымъ для Мукденскаго сраженія" [2]). Просто сказка сказывается, но мало говоритъ он а тому, кто не можетъ воочію представить себѣ: какими душевными

---

[1]) Ф. Кюльманъ, стр. 63.

[2]) Тамъ же, стр. 64.

качествами должны обладать люди, чтобы совершенно спокойно жить 4 мѣсяца подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля.

„Дѣйствія русскихъ лишній разъ доказываютъ, что оборона не приводитъ къ побѣдѣ. Дѣйствуя оборонительно, Куропаткинъ, неизмѣнно, оказывался вынужденнымъ только пассивно отбиваться. Благодаря способности создавать резервы, а также большому упорству своихъ войскъ и проявленному ими хладнокровію, ему удалось на цѣлый годъ отдалить печальный исходъ войны, несмотря на то, что онъ всецѣло подчинился своему противнику. *Всякій другой былъ бы разбитъ гораздо ранѣе*“ [1]).

„Можетъ быть, выжидательное положеніе русскаго главнокомандующаго и его пассивность объясняются также ложнымъ убѣжденіемъ, что нельзя вступать въ бой, ранѣе чѣмъ не будутъ собраны вполнѣ опредѣленныя и полныя свѣдѣнія о противникѣ. Этотъ взглядъ ясно высказанъ имъ въ указаніяхъ отъ 15 (28) апрѣля 1904 года, въ которыхъ онъ пишетъ, что нельзя начинать наступательныхъ дѣйствій, пока не будутъ собраны точныя свѣдѣнія о силахъ противника и объ ихъ расположеніи“.

„Указаніе подобнаго рода не могло не породить чрезмѣрной осторожности и не убить духъ смѣлаго почина. Собрать вполнѣ точныя свѣдѣнія на войнѣ невозможно, а потому необходимо рисковать, принимая въ тоже время мѣры противъ возможныхъ случайностей“ [2]).

Подполковникъ французской службы Жаненъ обращаетъ вниманіе на веденіе японцами атаки во время сраженій на Шахе; при этомъ представляется удобный случай очертить и сопротивленіе обороняющагося. „Русскія войска“, пишетъ Жаненъ, „недавно прибывшія изъ Европы, проявили большое хладнокровіе и только тогда открыли огонь, когда японцы приблизились на 300 шаговъ къ высотѣ А, т. е. были уже

---

[1]) ф.-Кюльманъ, стр. 71.
[2]) Тамъ же, стр. 71—72.

близко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они были встрѣчены выстрѣлами только въ разстояніи въ 15—20 шаговъ“ [1]).

„Около двухъ третей дивизіи (1-я и 2-я линіи) къ 3 часамъ 20 мин. окружили высоту и стали взбираться на неё. Во многихъ мѣстахъ дѣло доходило до штыковыхъ свалокъ. Двигаясь облически, лѣвый флангъ очутился въ тылу высоты, гдѣ стояла русская батарея, и захватилъ два орудія. Но затѣмъ, когда японцы двинулись далѣе впередъ, русскимъ удалось отбить ихъ, подвести лошадей и увезти.

„Между тѣмъ, правый флангъ подошелъ къ д. Санквайши и съ громкимъ крикомъ „банзай“ бросился штурмовать ее. Русскіе открыли убійственный огонь; бригадный генералъ Маруи былъ раненъ. Было 4 часа 30 мин. утра, когда 39-й полкъ, со своимъ командиромъ во главѣ, двинулся въ атаку на деревню. Командиръ одного полка былъ убитъ, командиръ бригады раненъ. Изъ числа всѣхъ начальствующихъ лицъ, невредимымъ остался только одинъ изъ командировъ полковъ, находившійся на крайнемъ правомъ флангѣ. Передъ деревнею и на южномъ склонѣ холма не было никого изъ начальствующихъ лицъ, которыя могли бы взять на себя руководство атакою“ [2]).

„Японское описаніе умалчиваетъ объ одномъ эпизодѣ, случившемся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Во время движенія этого фланга въ обходъ русской позиціи японцамъ пришлось миновать русскую батарею. Когда они продвинулись за послѣднюю, къ батареѣ этой въ карьеръ подъѣхали передки, движеніе которыхъ было принято японскимъ лѣвымъ флангомъ за атаку кавалеріи. Флангъ этотъ дрогнулъ и въ немъ возникла паника, сопровождавшаяся безпорядочной стрѣльбой“ [3]). Сравните эту скромную форму

---

[1]) Жаненъ, стр. 29.
[2]) Жаненъ, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр. 32.

умолчанія съ нашей откровенностью. Что лучше? Думается, что наша военная исторія числитъ достаточно громкихъ дѣлъ, крупныхъ боевыхъ подвиговъ, позволяющихъ намъ не бояться правдивой картины нашихъ неудачъ. Напротивъ, талантливый изслѣдователь можетъ быть откроетъ причины даннаго случая и предостережетъ всѣхъ на будущее время отъ ихъ повторенія. И въ данномъ бою было бы весьма поучительно остановиться на подробностяхъ, на всѣхъ обстоятельствахъ доведшихъ японцевъ до паники. За отсутствіемъ же подобнаго изслѣдованія, остановимъ вниманіе на томъ обстоятельствѣ, что японцы подвержены паникѣ точно также, какъ и всѣ арміи земного шара.

Генералъ Сильвестръ, при всей благожелательности, не можетъ закрыть глаза на причины нашихъ пораженій, коренящіяся глубоко, глубоко и невидимыя невооруженному глазу непосвященнаго наблюдателя. Прислушаемся же съ неподдѣльнымъ вниманіемъ къ словамъ ген. Сильвестра по поводу Шахейской операціи вообще.

„Прежде всего видимъ вѣру въ планъ научно разработанный, заблаговременно принятый и ставшій первой причиной русскихъ неудачъ. Далѣе, вѣра въ цѣнность диспозиціи, боязнь драться не занимая хорошую позицію, солидно укрѣпленную, приверженность къ оборонѣ,—вотъ традиціи и привычки русской арміи, которыя въ теченіе цѣлаго столѣтія вошли въ ея плоть и кровь. Даже геній не могъ бы отдѣлаться такъ скоро отъ этого тяжелаго прошлаго. Вѣдь русскіе доктрины являлись результатомъ вѣкового изученія, систематичнаго и усерднаго. Мы знаемъ, что офицеры генеральнаго штаба въ Россіи очень образованы, но опытъ, купленный ими столь жестокой цѣной, показываетъ, что образованіе, данное японцамъ, было лучше“ [1]).

[1]) Сильвестръ, стр. 81.

Чтобы покончить съ шахейскими боями, остается отмѣтить оффиціальныя донесенія японцевъ. „Противникъ", повѣствуютъ японцы, „взялъ штурмомъ высоты къ востоку отъ Бенсиху, а затѣмъ противникомъ была также отбита гора къ востоку отъ дороги между Бенсиху и Луаменкеу; русскіе произвели удачную ночную атаку. Но нашъ отрядъ въ Бенсиху въ теченіе ночи удержалъ свои главныя позиціи, а сегодня утромъ онъ, пользуясь непроницаемымъ туманомъ, снова овладѣлъ высотой къ востоку отъ Бенсиху. Высота между Бенсиху и Хуаліенкоу была также взята обратно въ 11 час. утра" [1]).

„Противникъ, стоящій передъ фронтомъ лѣвой колонны, оказывалъ упорное сопротивленіе по линіи Шилихе-Панкятунъ и Льютангкеу. Вслѣдствіе этого наша армія не могла до заката солнца перейти въ наступленіе, какъ это заранѣе было рѣшено" [2]). И у японцевъ не все шло какъ по маслу; даже при нашей пассивной оборонѣ не всегда имъ удавалось проводить принятое рѣшеніе безъ серьезныхъ осложненій. Видимо побѣды доставались нашему противнику крупной цѣной.

„Вчера вечеромъ (16-го октября) сводный отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Ямада, дѣйствуя совмѣстно съ правымъ флангомъ лѣвой арміи, атаковалъ противника къ сѣверу отъ Сахепу, съ цѣлью поддержать операціи отряда лѣвой арміи. Генералъ-маіоръ Ямада сперва оттѣснилъ противника подъ Вейкялоуцзы и захватилъ два русскихъ орудія и два зарядныхъ ящика. Затѣмъ отрядъ развернулся по направленію къ Сантаоканцзы и удачно выполнилъ свою задачу, отогнавъ противника назадъ. Послѣ заката солнца, въ 7 час. вечера, когда наши войска, подъ прикрытіемъ темноты возвращались на свои прежнія позиціи, они были яростно атакованы непріятелемъ, силою

[1]) М. Кинай, т. I, стр. 281—282.
[2]) Тамъ же, стр. 284—285.

около дивизіи, и съ обоихъ фланговъ нашъ отрядъ былъ обойденъ. Наши войска сражались съ отчаяніемъ, возгорѣлся рукопашный бой. Хотя непріятельская атака съ фронта была отбита, но не было возможности сопротивляться противъ его фланговыхъ атакъ; такъ что людямъ въ нашихъ ротахъ пришлось пробиваться черезъ непріятельскую цѣнь по одиночкѣ, для того, чтобы вернуться на свою первоначальную позицію. Тѣмъ временемъ наша артиллерія, потерявъ большую часть людей и лошадей, вслѣдствіе непріятельскаго огня, принуждена была бросить девять полевыхъ и пять горныхъ орудій“ [1]).

Какъ видитъ читатель, это описаніе боя за Новгородскую и Путиловскую сопки гораздо правдоподобнѣе того, что далъ Гамильтонъ, но все же недостаточно похоже на дѣйствительность. Не ввязываясь въ детали, обратимъ лишь вниманіе на характеръ этого боя, рѣшеннаго штыковымъ ударомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднему акту Манчжурской трагедіи, къ Мукденскому сраженію, необходимо остановиться на двухъ предшествующихъ ему эпизодахъ: набѣгѣ на Инкоу и боѣ у Сандепу.

Набѣгъ на Инкоу возводитъ рядъ серьезныхъ обвиненій на наше казачество; во главѣ мнѣній по этому вопросу надо поставить, конечно, заключеніе бар. Теттау, отличающагося глубиной, всесторонностью и безпристрастіемъ своихъ наблюденій.

„Какъ объяснить“, „спрашиваетъ Теттау“, что такое широко задуманное предпріятіе потерпѣло полное пораженіе“?

„Французскій военный корреспондентъ назвалъ исходъ рейда на Инкоу „банкротствомъ казачества“. Я знаю, что русскіе этого не хотятъ признать; я также хорошо знаю, по собственному опыту, что казаки обладаютъ прекрасными

---

[1]) М. Кинай, т. I, стр. 299.

для военнаго времени качествами. Достойны удивленія ихъ выносливость и непритязательность, нельзя также сомнѣваться въ ихъ благонадежности и храбрости. Но этихъ качествъ недостаточно, чтобы имъ были по плечу тѣ многостороннія задачи, какія война предъявляетъ кавалеріи; эти задачи требуютъ основательнаго обученія въ мирное время, для нихъ нужны опытные, обладающіе богатыми познаніями руководители“ [1]). Надо полагать, что тутъ нечего возразить. Да и полезнѣе, вмѣсто возраженій, взяться за работу, чтобы въ будущихъ войнахъ казаки вернули свою славу, пронесенную ими по всей Европѣ, изъ края въ край. Безъ работы же, казачество превратится въ матерьялъ для несенія тыловой и деньщичьей службы.

„Такъ закончился великій набѣгъ!.. Причины его полнѣйшей неудачи ясны какъ день. Ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя искать въ поведеніи войскъ, которое было превосходно“.

„Я былъ въ Мукденѣ, когда прибыли первые раненые; часть изъ нихъ, въ томъ числѣ 5 офицеровъ, были помѣщены въ лифляндскомъ госпиталѣ. Состояніе ранъ этихъ несчастныхъ было ужасное; вѣдь часть этихъ раненыхъ пришлось тащить цѣлую недѣлю съ первой перевязкой, при морозѣ, на двуколкахъ, безъ всякаго ухода. Но **геройство, съ которымъ раненые переносили свои страданія, было достойно удивленія**“ [2]).

„Вечеромъ перваго дня боя у Сандепу, армія въ 100,000 человѣкъ, встрѣтившая со стороны слабаго противника энергичное сопротивленіе, продвинулась впередъ всего на 4 километра. Вмѣсто того, чтобы въ первый день добиться рѣшительнаго успѣха внезапнымъ, одновременнымъ наступленіемъ всѣхъ силъ, противнику дали возмож-

---

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 218—219.
[2]) Тамъ же, стр. 227.

ность разгадать планы и принять свои соотвѣтствующія мѣры“ [1]).

„13 Января, съ ранняго утра по всему фронту 2-ой арміи гремѣли орудія; казалось даже, что сегодня дѣйствительно энергично перейдутъ въ наступленіе. Но это были снова лишь полумѣры“ [2]).

„Утомленныя атакой и пришедшія въ темнотѣ въ разстройство, войсковыя части уже не были въ состояніи предпринять новую атаку; тѣмъ болѣе, что *не хватало общаго руководства дѣйствіями.* Изъ высшихъ начальниковъ здѣсь никого не было, а разыскивать ихъ ночью не было возможности. Поэтому командиры полковъ и рѣшили снова очистить деревню въ теченіе ночи. Дивизія,—полкъ за полкомъ, малыми частями незамѣтно для противника,—отошла на западъ и снова заняла ту же позицію, какую занимала утромъ 26-го января (13-го января)“.

„Второй день боя окончился, а армія не имѣла возможности указать ни на малѣйшій успѣхъ; $2^1/_2$ корпуса все еще не были введены въ бой. Главнокомандующій не оказывалъ 2-й арміи никакой поддержки остальными двумя арміями, которыя спокойно оставались на своихъ позиціяхъ, прислушиваясь лишь къ выстрѣламъ, доносившимся съ запада“ [3]).

„14 января, въ то время, какъ все почти было спокойно у Сандепу, этого „ключа непріятельской позиціи, и можно было ожидать, что охватывающіе этотъ пунктъ 2 армейскихъ корпуса, наконецъ, овладѣютъ имъ,—со стороны юго-запада, гдѣ, какъ мы знали, находился 1-й сибирскій корпусъ, цѣлый день доносилась артиллерійская стрѣльба“.

---

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 240.
[2]) Тамъ же, стр. 240.
[3]) Тамъ же, стр. 245.

„Генералъ баронъ Штакельбергъ доказалъ въ этотъ день, что онъ обладаетъ иниціативой и готовностью нести отвѣтственность за свои дѣла“.

„Безъ всякаго приказанія и даже вопреки прямымъ указаніямъ главнокомандующаго, онъ утромъ перешелъ со своимъ корпусомъ въ наступленіе на Сумапу и Эрдзея, послѣ того какъ ночью къ нимъ подошла на подкрѣпленіе къ Тупайцзы 2-я стрѣлковая бригада.

„Генералъ фонъ-Штакельбергъ понялъ, что предназначенная его корпусу пассивная роль никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ ни стратегическому, ни тактическому положенію, такъ какъ она давала противнику полную свободу дѣйствія. Онъ отдавалъ себѣ отчетъ, что можетъ оказать поддержку борющимся у Сандепу войскамъ только энергичнымъ наступленіемъ впередъ, а не оставаясь праздным зрителемъ“.

„Генералъ предпринялъ атаку при убѣжденіи, что Сандепу взято и что надо только использовать успѣхъ для полной побѣды; но онъ и не отступилъ отъ своего плана дѣйствій, когда онъ по отданному утромъ приказу по арміи узналъ о настоящемъ положеніи дѣла и о предназначенной его корпусу и на этотъ день пассивной роли. Значитъ, теперь еще больше нужно было помѣшать стоящему передъ нимъ противнику обратить на войска, атакующія Сандепу, свои главныя силы. Ген. Штакельбергъ не поколебался въ своемъ рѣшеніи даже тогда, когда получилось распоряженіе начальника штаба арміи, отправить на сѣверъ 2-ю стрѣлковую бригаду и когда около полудня къ нему прибылъ начальникъ Оренбургской казачьей дивизіи ген. Грековъ, чтобы, по порученію ген. Гриппенберга, освѣдомиться о положеніи дѣлъ и удержать 1-й сибирскій корпусъ отъ наступленія. Не задумываясь, ген. Штакельбергъ съ непоколебимой энергіей держался своего плана атаки и проводилъ его цѣлый день“.

„Правда, 1-й сибирскій корпусъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны 8-й японской дивизіи, такъ что только ночью корпусу удалось овладѣть Сандепу, послѣ того какъ изъ резерва у Хегоутай были вызваны части 2-й стрѣлковой бригады".

„1-й сибирскій корпусъ понесъ огромныя потери, но не подлежитъ сомнѣнію, что его энергичное наступленіе удержало японцевъ послать еще 27-го января (14-го января) значительныя подкрѣпленія къ Сандепу. Корпусъ Штакельберга свое дѣло сдѣлалъ хорошо; если другіе корпуса бездѣйствовали, вслѣдствіе чего огромныя жертвы были принесены зря, то нельзя этого ставить въ вину ген. фонъ-Штакельбергу, который дѣйствовалъ, не боясь отвѣтственности. Но въ русской главной квартирѣ, повидимому, были иного мнѣнія. Генералъ фонъ-Штакельбергъ былъ отчисленъ отъ командованія послѣ сраженія у Сандепу и уѣхалъ въ Россію!" [1]).

„Еще послѣ боя на Шахе", продолжаетъ Теттау, „я высказывалъ свое мнѣніе, что въ неудачномъ руководствѣ нельзя винить отдѣльныхъ личностей, но нужно признать отвѣтственной всю господствующую въ арміи систему. Эту же мысль я нахожу выраженной такимъ же образомъ въ превосходной книгѣ полковника Новицкаго о сраженіи у Сандепу" [2]).

Иммануэль говоритъ о Сандепу немного. Достаточно отмѣтить его мнѣніе по поводу отъѣзда Гриппенберга, который, „обидѣвшись на слабую поддержку, оказанную ему Куропаткинымъ, сложилъ съ себя командованіе арміею и отправился въ Петербургъ въ качествѣ обвинителя; этимъ онъ подалъ примѣръ довольно сомнительнаго свойства всѣмъ остальнымъ начальникамъ" [3]).

---

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 248.
[2]) Тамъ же, стр. 256—257.
[3]) Иммануэль, стр. 29.

Изъ японскихъ донесеній о бояхъ у Сандепу—Хейгоутая, наиболѣе интересны для насъ слѣдующія:

„Непріятельскія батареи въ 30 орудій были расположены вокругъ Хейгоутая, умѣло обстрѣливали косвеннымъ огнемъ наши войска и наносили намъ тяжелыя потери. Наши попытки къ атакѣ не дали успѣшныхъ результатовъ даже и при наступленіи ночи“ [1]).

„Наша армія сражалась весьма храбро при атакѣ Хейгоутая, но вслѣдствіе постояннаго подхода подкрѣпленій, въ особенности орудій, получаемыхъ противникомъ, мы несли большія потери и наши дѣйствія очень медленно подвигались впередъ. Насъ, однако, ничего не устрашило, войска были настойчивы и постепенно, шагъ за шагомъ, одолѣвали противника“.

„Наша лѣвая колонна была атакована во флангѣ и съ тылу русскими войсками, силою около дивизіи, которыя подошли со стороны Неучу и Хунанлашедзы; ее также обстрѣляли съ тыла непріятельская пѣхота и конная артиллерія, проникшая въ раіонъ Пахуангти. Лѣвый флангъ колонны понесъ большія потери въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ и былъ вынужденъ временно отойти къ Санчіеннао“.

„Въ теченіе ночи армія наша была атакована со всѣхъ сторонъ. Въ особенности сильно наши войска были атакованы съ фронта и съ тыла непріятельскими частями, силою каждая въ одинъ полкъ, въ раіонѣ Сумапао. Послѣ жестокаго рукопашнаго боя, намъ повсюду удалось отбросить непріятеля“ [2]).

„До 29-го января (16-го января) всѣ наши силы производили въ теченіе трехъ дней и ночей ожесточенныя атаки на противника, но не могли достигнуть желаннаго результата. Тогда было рѣшено произвести новую ночную

---

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 53—54.
[2]) М. Кинай, т. 2, стр. 54—55.

атаку, при чемъ всѣмъ войскамъ было внушено напречь всѣ силы для достиженія поставленной задачи".

„Различные отряды въ составѣ арміи, направленной для атаки Хейгоутая, сдѣлали нѣсколько попытокъ продвинуться впередъ, даже рискуя быть уничтоженными, но понесли только тяжелыя потери отъ непріятельскаго артиллерійскаго огня, въ особенности пулеметовъ" [1]).

---

[2]) М. Кинай, т. II, стр. 56—57.

VI.

Мукденъ.

Только участники минувшей войны въ состояніи понять то чувство горькой обиды, которое овладѣваетъ русскимъ воиномъ, вспоминающимъ о страшныхъ мукденскихъ дняхъ. А забывать эти дни преступно; ихъ надо помнить, покуда армія не вылечится отъ всѣхъ болѣзней, приведшихъ ее къ неслыханному несчастью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надо умѣть разбираться въ вопросѣ о степени виновности арміи. Мы сами не очень умѣло владѣемъ этимъ искусствомъ; пусть же намъ помогутъ иностранцы, во главѣ которыхъ поставимъ бар. Теттау. Онъ начинаетъ разсказъ съ 18 февраля, когда „по улицѣ деревни съ запада двигались цѣлыми толпами раненые, принадлежавшіе большей частью къ 9-й дивизіи; снова, какъ и въ предшествовавшихъ сраженіяхъ, излишне большое число здоровыхъ людей помогали переносить раненыхъ и ихъ винтовки. Впереди однихъ носилокъ идетъ офицеръ, по обѣ стороны носильщиковъ—нижніе чины“ [1]).

„Среди раненыхъ встрѣчались и здоровые, которые становились все болѣе многочисленными. На мой вопросъ, мнѣ отвѣтили: „Мы отступаемъ“ [2]). Знакомое начало деморализаціи, которое можно остановить рѣзкой перемѣной боевого счастья; его и надо было поискать въ настоящемъ переходѣ въ наступленіе, а не въ симуляціяхъ этой операціи.

---

[1]) Теттау, ч. II, 293—294.
[2]), [3]) Тамъ же, стр. 294.

„Я направился далѣе по направленію на Шандяза, гдѣ находился ген. фонъ-Каульбарсъ. На всемъ протяженіи между Чжансынтунемъ и Шандяза и далѣе на сѣверъ, *стремятся* безпрерывнымъ потокомъ къ Мукдену части 25-й дивизіи, большей частью небольшими групами въ 5 или 10 человѣкъ. На мои вопросы, мнѣ неизмѣнно отвѣчали: „мы отступаемъ!“ Люди разсказывали, что „половина дивизіи осталась лежать на позиціи“—все отступаетъ!..“ [3]). Конечно допускъ отхода цѣлой дивизіи небольшими группами очень мало говоритъ въ пользу управленія боемъ частей этой дивизіи. Впрочемъ, въ мирное время къ этому не готовились — не мудрено, что и на войнѣ не оказалось этого нелегкаго искусства. А люди еще держатся, ихъ еще можно остановить и повернуть на врага. Было бы умѣнье командnаго состава.

„Рядомъ съ батареями въ безпорядкѣ устремились назадъ и пѣхотныя части. Офицеры старались остановить людей и привести ихъ въ порядокъ, *что отчасти и удавалось*. На обратномъ пути въ Мукденъ, по всей дорогѣ до Ландіунтунь и далѣе, я встрѣчалъ людей 25-й дивизіи въ одиночку. У меня получилось впечатлѣніе, что 25-я дивизія разбрелась“.

„Я этимъ не хочу дѣлать упрека войскамъ, эта неудача была послѣдствіемъ того, что атака противъ арміи Ноги была начата недостаточно большими силами“ [1]). Удивительно всесторонни и делекатны замѣчанія бар. Теттау, какъ это и слѣдуетъ ожидать отъ современнаго широко-образованнаго человѣка.

„Около $2^1/_2$ часовъ дня, 22 февраля, по направленію деревень Сандяза-Лугунтунь, въ атаку пошли 123-й Козловскій и 124 Воронежскій полки. Для этого полками было примѣнено построеніе, которое выработано было опытомъ войны“.

---

[1]) Теттау, ч. II, стр. 294—295.

„Направо, наступая на Юхуантунь, находился Козловскій полкъ, налѣво, держа направленіе на три фанзы къ югу отъ деревни и на редутъ № 6, шелъ Воронежскій полкъ. Козловскій полкъ, прошедшій поблизости мимо меня, былъ построенъ въ 8 или 9 длинныхъ рѣдкихъ стрѣлковыхъ цѣпей, слѣдовавшихъ одна за другой на дистанціи въ 60 или 80 шаговъ; стрѣлки разомкнуты были на интервалахъ въ 4 или 5 шаговъ. Полковой командиръ былъ впереди полка, а командиры баталіоновъ вели баталіоны. Такимъ же образомъ былъ построенъ Воронежскій полкъ, а также и слѣдовавшіе позади резервы“ [1]). Не всѣ же значитъ разбрелись. Остались и способные идти въ атаку.

„Нѣтъ возможности описать отступленіе *детально;* перепутанныя еще до начала отхода части арміи стали перемѣшиваться еще больше, такъ что вскорѣ перестала существовать всякая органическая связь. Гдѣ только подъ рукой находились войска, тамъ и сводили ихъ въ отряды и направляли на противника на западъ, востокъ и югъ, съ цѣлью дать возможность совершить какъ нибудь отступленіе“ [2]). Въ такомъ столпотвореніи и въ мирное время, армія не скоро бы разобралась. Но виновата ли она въ томъ, что дошла до такого состоянія боевой неспособности? Думаю, что послѣ приведенныхъ свидѣтельствъ иностранцевъ, надъ рѣшеніемъ этого вопроса трудиться не стоитъ.

„Я того мнѣнія“, продолжаетъ Теттау, „что совершенно безцѣльно и неправильно навязывать вину отдѣльнымъ лицамъ; причина пораженія крылась **въ системѣ**, которая обнаруживалась въ руководствѣ войсками въ теченіе всей кампаніи. Какъ во всѣхъ прежнихъ сраженіяхъ, такъ и здѣсь не могли рѣшиться энергично взять на себя починъ и предписать противнику свои собственныя желанія. Если иногда и дѣлалась такая робкая попытка, то непріятелю

---

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 330.
[2]) Тамъ же, стр. 357.

достаточно было своими дѣйствіями принять угрожающее положеніе и тогда немедленно подчинялись его волѣ. Въ Мукденскомъ сраженіи присоединилось еще раздергиваніе всякихъ тактическихъ единицъ; такъ что въ концѣ концовъ не было ни корпусовъ, ни дивизій, а только „отряды“ въ составѣ всевозможныхъ войсковыхъ частей, съ чужими для нихъ начальниками“ [1]).

Иммануэль тоже останавливается на Мукденскомъ сраженіи, начиная со стратегической развѣдки, которая „исполнялась русскою конницею мало удовлетворительно, а на правомъ флангѣ она оказалась совсѣмъ плоха, такъ какъ предпринятый японцами обходъ не былъ обнаруженъ своевременно“ [2]).

„Положеніе русскихъ“, пишетъ Иммануэль, „было крайне невыгодно. Страшно растянувшись по фронту, они не располагали единственнымъ средствомъ для успѣшной обороны, состоящимъ въ томъ, чтобы противопоставить непріятельскому обходу свѣжія силы и нанести ударъ обходящимъ частямъ, т. е. у нихъ не было резервовъ“.

„Не сама по себѣ оборона является слабою, а невозможность руководить боемъ при условіи отсутствія резервовъ“ [3]).

„Расположеніе русскихъ передъ Мукденскимъ сраженіемъ съ убѣдительною ясностью подтверждаетъ, что ошибки первоначальнаго развертыванія силъ почти не могутъ быть исправлены во время самой операціи и, что наилучшія тактическія дѣйствія войскъ не ведутъ ни къ чему, разъ нѣтъ надлежащаго руководства ими. Сраженіе это можетъ служить яркимъ отрицательнымъ примѣромъ распредѣленія силъ при оборонѣ, мѣста и способа употребленія резерва; неудачныя мѣропріятія русскаго главнокомандующаго повели къ тому, *что, несмотря на доблесть войскъ,* не было

---

[1]) Теттау, ч. II, стр. 364—365.
[2]) Иммануэль, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр. 31.

надежды на успѣхъ“ [1]). И здѣсь, въ этомъ небываломъ пораженіи, иностранецъ подчеркиваетъ доблесть войскъ, которую такъ легкомысленно принесли въ жертву дурному управленію боемъ.

„При первыхъ же, хотя и не особенно удачныхъ, наступательныхъ операціяхъ японцевъ противъ лѣваго русскаго фланга обнаружилась растерянность главнокомандующаго“ [2]), А противъ такой бѣды армія ничѣмъ пособить не можетъ.

„Неудача русскихъ обусловливалась: 1) Неудачными ихъ тактическими дѣйствіями и 2) Стратегическими ошибками Куропаткина“ [3]).

„Всѣ его мѣропріятія были направлены только къ оказанію противодѣйствія, при чемъ онъ вполнѣ подчинился волѣ противника. Предпринятыя на нѣкоторыхъ мѣстахъ контръ-атаки исходили изъ почина частныхъ начальниковъ, а не являлись результатомъ заранѣе обдуманнаго рѣшенія главнокомандующаго“ [4]).

Нельзя пройти мимо впечатлѣній Бронсара ф.-Шелендорфа. Тутъ много и интереснаго и поучительнаго. „Вечеромъ 22 (7) числа“, говоритъ Бронсаръ, „отъ 10-й дивизіи было получено донесеніе, что 4 или 5 русскихъ баталіоновъ отступили отъ Новгородской сопки по направленію на Хуаньшань“.

„Въ теченіе дня продолжался обычный артиллерійскій и ружейный огонь“.

„Утромъ 23 февраля (8 марта) царствовала необычайная тишина; стрѣльба совершенно прекратилась. Русскіе очистили свои позиціи передъ фронтомъ I и IV армій и, подъ покровомъ ночи, отступили на сѣверъ“ [5]).

---

[1]) Иммануэль, стр. 32.
[2]) Тамъ же, стр. 33.
[3]) Тамъ же, стр. 34.
[4]) Тамъ же, стр. 35.
[5]) Бронсаръ ф.-Шелендорфъ, стр. 12.

„Прежде всего я направился къ Новгородской сопкѣ и, подъѣзжая къ ней, наткнулся на засѣку, переплетенную колючею проволокою. За этимъ препятствіемъ тянулся длинный окопъ для стрѣльбы стоя, позади котораго, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, снова находились препятствія и окопы. Всѣ эти укрѣпленія, очевидно, были взяты японцами, такъ какъ въ препятствіяхъ были устроены проходы, а бруствера окоповъ мѣстами пересыпаны къ сторонѣ русскихъ".

„Затѣмъ я наткнулся на третью и четвертую линію окоповъ и, наконецъ, въѣхалъ на вершину сопки. Вершина эта была окружена тремя рядами препятствій и очевидно служила наблюдательнымъ пунктомъ и, могла быть занята гарнизономъ около одной роты. Но такъ какъ она обстрѣливалась изъ 28-ми-сантиметровыхъ гаубицъ въ продолженіе 8 дней, то находившіяся здѣсь укрѣпленія оказались разрушенными до неузнаваемости. Во рву стояла масса жестянокъ съ патронами. Глубокія воронки и очень большое число осколковъ покрывали почву. Замѣтивъ впереди русскія батареи, я направился туда. Судя по остаткамъ двухъ лафетовъ, здѣсь стояли тяжелыя мортиры. Батареи пострадали немного, такъ какъ снарядныя ниши были цѣлы. Отсюда я направился къ Путиловской сопкѣ и по дорогѣ снова наткнулся на русскую позицію, буквально нашпигованную препятствіями. Невольно являлась мысль, что изъ этого лабиринта укрѣпленій переходъ въ наступленіе большими силами былъ почти невозможенъ и, что даже передвиженія были затруднительны, особенно ночью".

„На Путиловской сопкѣ разрушенія, причиненныя снарядами, были такія же, какъ и на Новгородской. Удержаніе укрѣпленій было невозможно, и, вѣроятно, они были покинуты нѣсколько дней тому назадъ. На крутомъ берегу Шахэ были построены батареи, оставшіяся совершенно цѣлыми. Не пострадали также укрѣпленія, построенныя

между обѣими сопками и искусно примѣненныя къ мѣстности [1]).

„Отступленіе русскихъ было исполнено весьма искусно, и такъ какъ укрѣпленія оставались занятыми аріергардами до послѣдней минуты, то японцы не могли ему помѣшать. Не зная силы аріергардовъ и опасаясь большихъ потерь, они не рѣшились на штурмъ".

„Несмотря на то, что въ теченіе послѣдней ночи русскіе стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій, ни одного изъ послѣднихъ не было найдено на позиціи".

„24 февраля (9 марта) принцъ Гогенцоллернскій, по дорогѣ въ Хуаньшань, гдѣ для насъ были приготовлены квартиры, посѣтилъ бывшія русскія позиціи между Сахэпу и Новгородской сопкою. Во время этой поѣздки мнѣ представился случай дополнить сдѣланныя ранѣе наблюденія".

„Русскія укрѣпленныя линіи состояли изъ четырехъ позицій: передовой, главной и двухъ тыловыхъ, расположенныхъ на правомъ берегу Шахэ. Всѣ позиціи состояли изъ окоповъ, усиленныхъ препятствіями, а на главной, кромѣ того, были возведены сомкнутыя укрѣпленія. Вообще препятствій было устроено очень много".

„Въ окопахъ находились таблицы съ перспективнымъ изображеніемъ мѣстности и съ нанесенными разстояніями до важнѣйшихъ предметовъ. На мѣстности разстоянія были обозначены воткнутыми въ землю сучьями, камнями и т. п." [2]).

„Особенный интересъ представилъ осмотръ мѣстности къ западу отъ Мукдена. Здѣсь русскіе, занимавшіе укрѣпленія, оказывали упорное сопротивленіе, и вся тяжесть боя выпала на долю одной пѣхоты. Японская артиллерія, хорошо стрѣляющая по видимымъ цѣлямъ, не могла, несмотря на громадный расходъ снарядовъ, нанести существенный вредъ хорошо примѣненнымъ къ мѣстности, скры-

---

[1]) Бронсаръ ф.-Шеллендорфъ, стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 14.

тымъ русскимъ укрѣпленіямъ, тѣмъ болѣе, что многочисленныя деревни и рощи, покрывавшія равнину, крайне затрудняли наблюденія“ [1]).

„При наличности храбрости и выносливости, русской арміи не хватало вѣры въ самое себя и въ начальниковъ. Русскій офицеръ, вообще, склоненъ къ критикѣ, а первоначальныя неудачи еще сильнѣе развили въ немъ эту склонность“.

„Поэтому нечего удивляться, что одновременно съ вѣрою въ начальниковъ пошатнулось и чувство долга и что не особенно торопились исполнить полученное порученіе.

„Нижніе чины, такъ же, какъ и офицеры, отличались храбростью; они стойко выдерживали сильнѣйшій огонь и смѣло шли въ штыки. Это была храбрость человѣка, покорившагося своей участи, сроднившагося съ мыслью о необходимости умереть, но не проникнутаго непреклоннымъ желаніемъ побѣдить.

„Несмотря на храбрость, у русскихъ почти совершенно отсутствовала та предпріимчивость, благодаря которой въ исторіяхъ европейскихъ войнъ встрѣчается столько блестящихъ страницъ“ [2]).

Не странно ли, что той же предпріимчивости русскій солдатъ проявилъ сколько угодно вездѣ, не исключая и европейскихъ войнъ. Вспомнимъ, что, пройдя Европу вдоль и поперекъ, русскій солдатъ создалъ весьма солидный матеріалъ для европейской военной исторіи. И тотъ же солдатъ въ минувшую войну „той же предпріимчивости зачастую не проявлялъ“. Чтобы подойти къ причинамъ этого явленія, надо прежде всего изучить, насколько эта предпріимчивость требовалась въ арміи въ періодъ передъ войной? Не требуется особенно сложныхъ изслѣдованій, чтобы увѣренно, категорически заявить, что это качество въ сол-

---

[1]) Бронсаръ ф.-Шеллендорфъ, стр. 21.

[2]) Тамъ же, стр. 24.

датѣ совсѣмъ не культивировалось. Что же удивительнаго въ отсутствіи солдатской предпріимчивости въ бою.

Капитанъ Австрійскаго генеральнаго штаба ф.-Флекъ, изслѣдуя Мукденскій бой, останавливается на нашемъ отступленіи, совершенномъ, по мнѣнію автора, очень удачно.

Конечно, могло быть и гораздо хуже, и если мы не дожили до худшаго конца, то лишь благодаря стойкости войскъ, покинувшихъ свои шахейскія позиціи только по приказанію и бывшихъ въ полной готовности, вмѣсто движенія къ Мукдену, броситься на врага и гнать его передъ собой.

„Благодаря препятствіямъ, которыя прекратили японское преслѣдованіе 23 и 24 февраля", говоритъ ф.-Флекъ, „и благодаря отступленію первой японской арміи къ Фушуну-Кіусану, русскимъ удалось отступить такъ, какъ это не случалось въ исторіи".

„Въ ночь на 25 февраля части, стоящія южнѣе и юго-западнѣе Мукдена, начали отступленіе, которое послѣдовало между двумя кулисами воюющихъ фронтовъ. Западная часть простиралась до Тунтшензы. Восточная была въ движеніи и состояла изъ остатка 3 арміи. Утромъ 25 она отразила главную массу 4 японской арміи, прорывавшуюся черезъ взятыя штурмомъ Санфутунскія укрѣпленія. Затѣмъ она, слѣдуя за постепеннымъ загибаніемъ западнаго фронта, отступила до Ортайдзы, гдѣ до полудня служила прикрывающей группой; послѣ чего прошла раіонъ Тавы и прибыла къ Фулину раньше, чѣмъ угрожающая ей японская колонна (10-ая японская дивизія), которая двигалась восточнѣе Фулина—Тавы.

Такимъ образомъ, благодаря выносливости воюющихъ по обѣ стороны Мукдена фронтовъ и медленности движевія преслѣдовавшихъ колоннъ (въ горахъ къ сѣверу отъ Хуна), почти все русское войско было спасено" [1]).

[1]) Ф.-Флекъ, стр. 37.

Мы до сихъ поръ пользовались военно-литературными трудами лицъ или состоявшихъ при одной изъ враждующихъ армій въ качествѣ военныхъ агентовъ, или изслѣдовавшихъ минувшую войну по первоисточникамъ, т.-е. главнымъ образомъ по показаніямъ участниковъ войны.

Все это были труды спеціалистовъ военнаго дѣла. Но вотъ, передъ нами книга: „Японцы подъ Мукденомъ“, принадлежащая перу г. Барцини, корреспондента итальянской газеты „Corriere della Sera“ при японской арміи.

Какъ участникъ войны, я, по опыту донесеній нашихъ корреспондентовъ, поневолѣ отношусь къ этимъ литературнымъ источникамъ съ большимъ предубѣжденіемъ.

Такъ же я посмотрѣлъ сначала и на книгу Барцини. Но вскорѣ меня побѣдила талантливость автора, который мало смущается тѣмъ, что въ его описаніяхъ военныхъ дѣйствій спеціалистъ сразу замѣтитъ рядъ внутреннихъ противорѣчій. Симпатіи автора, скорѣе, на сторонѣ японцевъ, и онъ какъ бы досадуетъ, что побѣда подъ Мукденомъ достается имъ слишкомъ дорогой цѣной, т.-е. приведеніемъ ихъ арміи въ состояніе невозможности преслѣдовать.

Все это вмѣстѣ взятое, а главное—талантливость автора, живость его описаній заставляетъ меня познакомить читателя съ трудомъ Барцини, приведя, по необходимости, довольно подробныя выдержки.

„Пораженные такою быстротою атаки“, пишетъ Барцини, „русскіе на минуту заколебались, и оборона нѣкоторыхъ окоповъ была прекращена; распространялась паника. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ всѣ позиціи были очищены, и русскіе въ безпорядкѣ отступили по скатамъ, внизъ, къ Чинцурину, въ то время, какъ японцы съ громкими криками побѣды торжествующе махали на высотахъ фуражками и штыками“.

„Справедливость заставляетъ, однако, сознаться что на сторонѣ японцевъ былъ значительный численный перевѣсъ

и что, быть-можетъ, русскіе и не предполагали защищаться до крайности, а хотѣли только задержать японцевъ, пока отступитъ гарнизонъ Чинцурина. И дѣйствительно, японцы были поражены, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, когда еще разъ атаковали непріятельскія позиціи, считавшіяся ими самими очень сильными, почему они готовились понести при овладѣніи ими большія потери. Стрѣлковыя цѣпи дошли до русскихъ укрѣпленій, командовавшихъ надъ Чинцуриномъ, безъ выстрѣла; онѣ нашли ихъ покинутыми. Русскіе удовольствовались бомбардировкой своей старой позиціи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, съ 2000 метровъ, изъ укрыто расположенныхъ батарей“ [1]).

„Дѣло саперъ—подготовить дальнѣйшее движеніе; мы видимъ, какъ они ползкомъ между скалами подбираются ко второму окопу и начинаютъ бросать наверхъ ручныя гранаты. Моментально въ рядахъ русскихъ настаетъ смятеніе; японцы пользуются этимъ и съ крикомъ лѣзутъ впередъ; они перебираются черезъ второй ровъ и доходятъ до верхняго окопа. Непріятель не выжидаетъ столкновенія, покидаетъ позицію и бѣжитъ къ Чангоченсу; артилерія покинула вершину горы еще раньше. Японскій огонь наноситъ жестокія потери бѣгущимъ; всюду кучами валяются трупы. Японцы захватили 3 орудія и много плѣнныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ, офицеръ, воскликнулъ: „Только портъ-артурскія войска могли взять такую позицію. Мы знаемъ теперь, что здѣсь армія Ноги“ [2]). Несомнѣнно, что отсюда надо выкинуть все, что является плодомъ воображенія корреспондента, желающаго дать публикѣ интересный матеріалъ для чтенія. Но и послѣ такой очистки корреспонденція останется не лишенной характерности для дѣйствій обѣихъ сторонъ“.

---

[1]) Барцини, стр. 13.
[2]) Барцини, стр. 17.

„Противникъ, такъ стойко оборонявшійся противъ фронтальной атаки, узнавъ на разсвѣтѣ о грозящемъ ему обходѣ съ тыла, немедленно отступаетъ на сѣверъ“ [1]). Вотъ и внутреннее противорѣчіе, о которомъ я предупредилъ читателя. Мы отступали въ смятеніи, попросту—бѣжали, а потомъ оказывается—стойко оборонялись! Конечно, почтенный корреспондентъ этого не замѣтилъ, такъ же, какъ не замѣчали многаго его русскіе соратники по корреспондентскому труду“.

„Нѣсколько деревень, расположенныхъ въ концѣ долины, имѣли счастье подвергнуться огню съ обѣихъ сторонъ. Ихъ занимали то русскіе, то японцы и поэтому ихъ бомбардировали, то слѣва, то справа, въ теченіе всей зимы“.

„Русскіе, которымъ если и недостаетъ добродѣтелей, то, во всякомъ случаѣ, не **выносливости и храбрости**, остались, наконецъ, обладателями этихъ разрушенныхъ деревень и выставили въ нихъ сторожевое охраненіе“ [2]). Вотъ, не угодно ли ограничиться знакомствомъ съ первыми строками труда Барцини! Вѣдь совсѣмъ не похожи на признаніе за русской арміей выносливости и храбрости“.

„16-го февраля бой разгорѣлся со значительной силой по всему фронту. 2-я дивизія выслала въ качествѣ заслона противъ Мачунтуна отрядъ съ горными батареями въ направленіи на Вуанхулинскія горы. Пѣхота отчаянно сражалась съ 4 час. утра. Въ 10 час. утра удалось овладѣть небольшой высотой, но затѣмъ нельзя было продвинуться ни на шагъ впередъ. Напротивъ, стало еще хуже, такъ какъ съ Каотайлинскихъ высотъ русскіе господствовали надъ сообщеніями дивизіи. Подвозъ боевыхъ припасовъ былъ прегражденъ; единственный путь сообщенія проходилъ по узкой долинѣ, до того осыпаемой русскими изъ пулеметовъ и пушекъ, что никто не могъ туда проникнуть,

---

[1]) Барцини стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 21.

не рискуя жизнью. Солдаты прозвали ее Гиго-ку-дани — адская долина".

„Японская дивизія была вынуждена перемѣнить направленіе атаки и, отказавшись отъ овладѣнія Четеулинскими горами, обрушилась со всею силою на Каотайлинскія высоты. Японцы бросались въ атаку съ дикой яростью, но были отбиты. У русскихъ было множество пулеметовъ, и ихъ яростная трескотня, напоминающая разрывъ матеріи, безпрерывно раздавалась въ горахъ. Девять разъ повторялись атаки и все понапрасну. Потери были громадныя". Жаль, что Барцини не распространяется: какихъ добродѣтелей нехватало войскамъ, отбившимъ 9 атакъ противника, бросавшагося съ дикой яростью.

„Между тѣмъ, 12-я дивизія повела атаку съ юго-востока, въ направленіи на важныя позиціи горы Танкеушанъ. Но не успѣла еще пѣхота окончательно развернуться, какъ нѣсколько запрятанныхъ въ горахъ русскихъ батарей начали съ силой обстрѣливать ее во флангъ. Войска остановились. Воспользовавшись этимъ, массы русской пѣхоты перешли въ наступленіе изъ окрестностей Чіенлаоцзукао. Закипѣлъ горячій бой. Японцы не могли овладѣть переправой и изъ атакующихъ превратились въ атакуемыхъ" [1]). Дайте этимъ войскамъ другое управленіе боемъ—и они вырвутъ побѣду у какого угодно врага.

„Успѣхъ былъ до сихъ поръ очень малъ и не имѣлъ почти никакого значенія. Фактически не одна изъ армій не могла продвинуться впередъ. Обѣ сосѣднія арміи не сдѣлали ни шагу впередъ. 18-го февраля Куроки рѣшился возобновить атаки по всей линіи. Бамбардировка не прекращалась ни на минуту и продолжалась даже ночью" [2]).

„Въ 10 ч. вечера 19-го февраля, до восхода луны, русскіе густыми массами спустились съ высотъ и пошли

---

[1]) Барцини, стр. 23—24.

[2] Тамъ же, стр. 26.

въ контръ-атаку. У японцевъ не было больше резервовъ; всѣ наличныя войска были введены въ бой. Ничто не могло сдержать русскихъ. Шумъ шаговъ ихъ по замерзшему грунту напоминалъ ревъ водопада; они все ближе и ближе; огонь не можетъ остановить ихъ. Генералъ Ватанабе находится среди своихъ солдатъ и внушаетъ имъ мужество. Можно различить русскія линіи по вспышкамъ выстрѣловъ. Вотъ они въ нѣсколькихъ шагахъ. Японцы прекращаютъ огонь; быстро передаютъ они другъ другу зажигательный шнуръ для ручныхъ гранатъ, и начинается метаніе ихъ въ ряды противника. Къ шуму взрывовъ присоединяются разрывающіе душу крики боли. Атака пріостановилась, заколебалась, спуталась и отбита. Но горсть русскихъ идетъ впередъ, съ ревомъ спрыгиваетъ въ окопы и бьется здѣсь прикладами и штыками, до послѣдняго человѣка. Японцы разсказываютъ объ этихъ подробностяхъ съ удивленіемъ знатоковъ“ [1]). Я думаю, что знатоками японцы стали именно послѣ этихъ боевъ съ русскими, у которыхъ кое-чему и поучились.

„Тамъ, правѣе, въ облакахъ тумана“, увлекательно продолжаетъ Барцини, „видна Путиловская сопка. Она кажется отсюда выше; какъ-будто она нарочно поднялась въ этой приносящей смерть атмосферѣ для обороны“.

„Громадныя японскія бомбы разрываются на ея вершинѣ и скатахъ и каждый выстрѣлъ обозначается колоссальной шарообразной дымной массой; тяжелая и плотная, она сливается съ сопкой, измѣняетъ ея очертанія и затѣмъ постепенно расплывается. И подумать только, что тамъ наверху есть люди!“ [2]). И оставшіеся въ живыхъ теперь вспоминаютъ объ этомъ просто, разсказываютъ со скромной улыбкой, избѣгая долго останавливаться на своихъ подвигахъ.

---

[1]) Барцини, стр. 27—28.
[2]) Тамъ же, стр. 35.

„Въ китайской фанзѣ, охраняемой часовыми, окна свѣтятся всю ночь. Здѣсь, подъ предсѣдательствомъ Нодзу, собрался военный совѣтъ и обсуждаетъ планъ атаки. Положеніе русскихъ оцѣнено неправильно. Они оказываютъ сопротивленіе и долго еще будутъ его оказывать. Атака за атакой отбита. Путиловская сопка требуетъ новыхъ жертвъ“ [1]).

„Наступательныя дѣйствія русскихъ часто носятъ подобный характеръ, и нельзя безъ глубокой симпатіи наблюдать за геройствомъ войскъ, сражающихся ради спасенія своихъ товарищей“.

„Сражаться побѣдоносно легко. При всѣхъ отступательныхъ операціяхъ русскихъ, являются войсковыя части, жертвующія собою и принимающія на себя весь ударъ преслѣдованія, ради спасенія другихъ. Разбитая русская армія сохраняетъ въ себѣ нѣкоторую гордость“... [2]). Выше этой добродѣтели человѣчество ничего не знаетъ. Какъ же можно упрекнуть подобную армію въ отсутствіи добродѣтели! Можетъ-быть, это корреспонденту было нужно, чтобы понравиться своимъ читателямъ?

„Русскіе позволяютъ себя разстрѣливать“.

„Японцы поступили бы иначе; они—герои, но никогда не жертвуютъ безцѣльно своею жизнью; они берегутъ ее для лучшей минуты. Русскій же, напротивъ, обнаруживаетъ рѣдчайшій фатализмъ; поэтому онъ не бѣжитъ смерти и пораженія. „Ничего“, говоритъ онъ, „если летятъ пули, то такова воля Божія; безполезно и грѣшно противиться этой волѣ. Развѣ жизнь стоитъ рая? Развѣ мы живемъ на землѣ не для короткаго и мучительнаго испытанія? Блаженъ тотъ, кого призываетъ къ себѣ небо; онъ освобождается отъ всякаго зла. Для чего работаютъ, живутъ, идутъ на войну, убиваютъ, повинуются? Кто распоряжается этимъ всѣмъ?

---

[1]) Барцини, стр. 35.

[2]) Тамъ же, стр. 53—54.

Кто можетъ это знать? Про то вѣдаетъ начальство. Все въ этой жизни одинъ мракъ, и счастливъ тотъ, кто ее покидаетъ". Таковъ русскій; такимъ его сотворили.

„Для него все запрещено. Предпринять что-нибудь—не дозволено. Пожелать—не дозволено. Думать—запрещено. И что у него взамѣнъ всего этого? Одни небеса. И такого человѣка безцѣльно посылаютъ на поле сраженія, гдѣ онъ долженъ проявлять разумъ, иниціативу, осмотрительность, быструю рѣшимость. Онъ умѣетъ умирать и больше ничего. Его хотѣли сдѣлать ничего не знающимъ и тупымъ. Кто въ лицѣ его побѣжденъ,—такъ это система" [1]).

„Приблизительно въ километрѣ отъ деревни навстрѣчу попадается группа людей; это человѣкъ 50 русскихъ плѣнныхъ, конвоируемые 2-мя солдатами. У нихъ косматыя бороды, глядятъ они тупо и безсмысленно; нѣкоторые босикомъ, другіе безъ шапокъ; ихъ бѣлокурые волосы перепутались и покрыты пылью. Одинъ изъ нихъ, унтеръ-офицеръ, идущій немного въ сторонѣ, сохраняя свое мѣсто, какъ начальникъ, красавецъ собою, съ сѣдой бородой и серьгами въ ушахъ; онъ что-то командуетъ своимъ людямъ; плѣнные принимаютъ солдатскій видъ, поднимаютъ головы и воинскимъ шагомъ проходятъ дальше. Они проходятъ мимо непріятельскихъ батальоновъ по-солдатски, правильными рядами, не оглядываясь, а смотря впередъ, въ пустоту".

„Ихъ захватили спящими. Въ то время, какъ вокругъ ихъ горѣли дома, они заснули среди дороги. Застигнутые противникомъ врасплохъ, они пытались оказать сопротивленіе и затѣмъ сдались. Подобные захваты въ плѣнъ случаются повсюду" [2]). У насъ принято восхищаться японскими плѣнными, ихъ выправкой и дисциплиной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы нисколько не возмущаемся баснями, которыя разсказывали про нашихъ плѣнныхъ, утратившихъ, будто

[1]) Барцини, стр. 71—72.
[2]) Тамъ же, стр. 77—78.

бы, самый видъ солдата. Ну, вотъ, пусть этотъ вопросъ освѣтитъ безхитростный разсказъ Барцини.

„Первая японская линія, атакующая Шаолинцзы, подошла къ непріятельскимъ окопамъ почти на 30 мтр.; главныя силы атакующихъ въ 200 мтр. Дается приказаніе ударить въ штыки. Сопротивленіе русскихъ сломлено. Въ деревнѣ начинается пожаръ—признакъ отступленія".

„*Но отступленіе это выполняется геройски.* Русскіе выходятъ изъ деревни на сѣверъ сомкнутыми колоннами, со стрѣлковыми цѣпями по сторонамъ. Они захватываютъ съ собою плѣнныхъ и пробиваются сквозь ряды японцевъ, которые не могутъ оказать сопротивленія энергическому удару этихъ сомкнутыхъ массъ. Русскихъ оказывается цѣлая бригада. Они доходятъ до Коюлимпу, захватываютъ здѣсь остатки вынужденной къ молчанію батареи и засѣвшую здѣсь пѣхоту и подъ огнемъ японцевъ отступаютъ къ Шаошуяпу (2 клм. сѣвернѣе). Отсюда они появятся снова передъ наступленіемъ ночи, чтобы *совершить чудеса храбрости*" [1]).

„Эта упорная оборона русскихъ западнѣе желѣзной дороги, задержавшая 23 февраля послѣ обѣда правый флангъ Нодзу и отдѣльную бригаду Томіоко, хотя и кончилась отступленіемъ, все же можетъ считаться тактической побѣдой. Она дала возможность войскамъ, оборонявшимъ съ такимъ мужествомъ старыя позиціи на Шахэ, отступить въ порядкѣ на линію рѣки Хунь-хэ; она создала непреодолимый барьеръ для наступающихъ японцевъ. Эти послѣдніе побѣдили, но можно сказать, что побѣжденные сами выбрали моментъ этой побѣды. Цѣлый рядъ неудачъ у русскихъ до сихъ поръ обнаруживалъ такой порядокъ и такую своеобразную организацію, что являлось

---

1) Барцини, стр. 89—90.

сомнѣніе:—отступили ли русскіе вслѣдствіе побѣды японцевъ или же японцы побѣдили вслѣдствіе отступленія русскихъ“ [1]). Вотъ впечатлѣніе современнаго европейца, присутствовавшаго на мѣстѣ происшествія, въ рядахъ побѣдителей. И едва ли у японцевъ могло быть сознаніе побѣды, потому что ихъ потери превзошли всяческія ожиданія. Какой же мы пережили погромъ; развѣ тутъ есть что-либо, похожее на Седанъ?

„Русскіе со своей стороны выказываютъ **неслыханное геройство;** не боясь смерти, они бросаются на врага, предшествуемые горнистами и барабанщиками, которые безъ оружія безстрашно бьютъ въ атаку. На многихъ мѣстахъ дороги загромождены трупами, черезъ которые приходится перелѣзать, чтобы пройти дальше; и изъ этихъ ужасныхъ баррикадъ течетъ дымящаяся на холоду и замерзающая кровь“ [2]).

Въ тактическихъ очеркахъ минувшей войны, обработанныхъ полковникомъ Габерманомъ и капитаномъ Новакомъ, слѣдуетъ остановиться на разсказѣ авторовъ о дѣйствіяхъ подъ Мукденомъ 5-ой японской дивизіи. Тутъ, къ удивленію своему, читатель узнаетъ, что русскіе стрѣляли очень хорошо. Вотъ какія противорѣчія можно встрѣтить въ числѣ показаній очевидцевъ. Поэтому военный читатель къ подобнымъ противорѣчіямъ долженъ подходить во всеоружіи знанія и умѣнія разбираться въ описаніяхъ боевой дѣятельности войскъ.

„Около 11 часовъ утра русскіе, повидимому, замѣтили, что въ нашей деревнѣ находятся резервы, такъ какъ они сосредоточили сильнѣйшій шрапнельный огонь по Лидзявону, заставившій какъ людей 3-го баталіона, такъ и меня искать укрытія въ окопѣ“.

---

1) Барцини, стр. 111.
2) Тамъ же, стр. 143.

„**Русскіе стрѣляли очень хорошо,** и не будь канавъ и стѣнокъ, прикрывавшихъ отъ шрапнельныхъ пуль, потери были бы весьма значительны“ [1]).

„Въ отношеніи тактическихъ дѣйствій я прежде всего пришелъ къ убѣжденію, что наступательныя дѣйствія не поддаются регламентаціи. Никто не станетъ отрицать необходимости твердой воли для того, чтобы приблизиться къ противнику, обстрѣлять его съ близкихъ дистанцій и, въ случаѣ надобности, искать рѣшенія въ штыковомъ бою“.

„При наличности такой твердой воли, соотвѣтствующія формы найдутся сами собою“.

„Изысканіе средствъ приблизиться къ противнику является главною задачею войскъ, конечно, при условіи спокойнаго и разумнаго управленія ими“.

„До извѣстнаго предѣла, сущность дѣла заключается не въ числѣ бойцовъ и не въ качествахъ оружія, а въ томъ, чтобы народъ былъ воспитанъ въ сознаніи долга и въ любви къ отечеству, и въ надлежащемъ воспитаніи офицеровъ, обязанныхъ подавать во всемъ примѣръ нижнимъ чинамъ“.

„Традиціи и примѣры изъ славнаго прошлаго являются для насъ могучими побудительными средствами, а потому ихъ необходимо тщательно оберегать“.

„Доблестный офицеръ и честный человѣкъ не долженъ падать духомъ, оказавшись въ тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе малочисленности ввѣреннаго ему отряда или плохого качества оружія, но обязанъ проявить желѣзную волю и напрячь всѣ свои способности для того, чтобы добиться успѣха“ [2]).

Наконецъ, по принятому порядку, закончимъ изслѣдованіе о Мукденскомъ сраженіи знакомствомъ съ офи-

---

[1]) Габерманъ и Новокъ, стр. 32.

[2]) Тамъ же, стр. 56—57.

ціальными донесеніями японцевъ. Въ видахъ полноты изслѣдованія, на этомъ источникѣ поневолѣ пришлось остановиться подольше, чтобы воспользоваться всѣми характерными для насъ чертами, которыя здѣсь въ изобиліи разбросаны. Японцы начинаютъ съ признанія упорнаго сопротивленія противника. Съ этимъ признаніемъ мы встрѣтимся неоднократно, читая ихъ донесенія.

„Противникъ оказалъ упорное сопротивленіе, опираясь на свои сильныя отъ природы позиціи; непріятельскія войска держались въ чертѣ своихъ укрѣпленій, построенныхъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и усиленныхъ нѣсколькими линіями вспомогательныхъ укрѣпленій. Вслѣдствіе этого непріятельскія позиціи не могли быть взяты такъ легко“.

„Затѣмъ, наши войска возобновили атаку на разсвѣтѣ 25-го февраля, а въ 10 час. утра враждующія стороны подошли на такое близкое разстояніе другъ къ другу, что возгорѣлся бой ручными гранатами. Упорное сопротивленіе, оказываемое противникомъ, скоро, однако, стало, ослабѣвать въ виду нашей энергичной атаки съ фронта и бѣшеной атаки съ фланга, и мы окончательно завладѣли Цинхеченомъ въ 6 час. вечера“ [1]).

„Вчера ночью 3-го марта (18-го февраля) противникъ произвелъ четыре отчаянныя атаки на наши позиціи въ районѣ Хоусунмуцзы и Тунчянтуня, но былъ отбитъ каждый разъ съ урономъ“.

„Многочисленныя, но незначительныя атаки противника, произведенныя имъ въ мѣстности, лежащей къ востоку отъ желѣзнодорожной линіи, были также всѣ отбиты“.

„Нашимъ войскамъ, расположеннымъ въ районѣ къ западу отъ желѣзной дороги, послѣ ряда рѣшительныхъ

---

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 77—78.

атакъ, удалось занять мѣстность, простирающуюся отъ деревни Вученьинъ (около 5 миль западнѣе Шахепу) до Сухупу (около 5 миль къ сѣверо-западу отъ Лайшенпу) и далѣе черезъ Лайшенпу (въ $2^1/_2$ миляхъ къ сѣверо-западу отъ Вученьина)“ [1]).

„Въ районѣ Хсинкинга противникъ все еще продолжаетъ оказывать упорное сопротивленіе, удерживаясь на нѣсколькихъ оборонительныхъ линіяхъ“ [2]).

„Сегодня 6-го марта (21-го февраля) противникъ вблизи Теутао производилъ неоднократно контръ-атаки, но былъ всякій разъ отбитъ нашими войсками“ [3]).

„Непріятель, находившійся въ окрестностяхъ Мачуинтаня, оказываетъ упорное сопротивленіе, но постепенно наша атака становится болѣе успѣшной“ [4]).

„Вчера ночью, 5-го марта (20-го февраля) противникъ произвелъ контръ-атаку на фронтѣ нашихъ войскъ, оперирующихъ въ окрестностяхъ Каотайлина, но мы его отбили“ [5]).

„Къ востоку отъ полотна желѣзной дороги противникъ вчера ночью, 5-го марта (20-го февраля) произвелъ контръатаку на сѣверную окраину Хсинчяпао, но былъ отброшенъ нашими войсками. Въ этомъ направленіи бой не принялъ дальнѣйшаго развитія“ [6]).

„Къ западу отъ желѣзной дороги идетъ бой съ непріятелемъ, расположеніе котораго тянется отъ восточнаго Ханченпу до Эртхайцзы. Противникъ оказываетъ упорное сопротивленіе, къ нему, повидимому, постоянно подходятъ подкрѣпленія“.

„На правомъ берегу Хуньхэ противникъ, силою въ одну приблизительно, дивизію при 70 орудіяхъ, произвелъ

---

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 82—83.
[2]) Тамъ же, стр. 84.
[3]), [4]), [5]) и [6]) Тамъ же, стр. 85.

контръ-атаку сегодня утромъ, 6-го марта (21-го февраля) на окрестности Дашичао, но былъ отбитъ“ [1]).

„Къ востоку отъ желѣзнодорожной линіи сегодня 7-го марта (22-го февраля) около 3 час. утра непріятельская пѣхота атаковала высоты къ сѣверу отъ Тунчянтуня, но была отбита. Противникъ оставилъ на мѣстѣ отъ 20 до 30 труповъ“ [2]).

„Въ тотъ же день, приблизительно съ 2 час. ночи непріятельская артиллерія въ районѣ Ташана и Ваншушана сосредоточила свой огонь на наши позиціи, а подъ прикрытіемъ этого огня большой отрядъ русскихъ войскъ пошелъ въ атаку на насъ. Но эта атака была, однако, совершенно отбита около 4 час. 30 мин. утра“.

„На западѣ отъ желѣзной дороги мы сегодня, около 11 час. ночи заняли восточный Ханченпу. Нѣсколько позже противникъ пытался снова овладѣть этимъ пунктомъ, но былъ окончательно отброшенъ“.

„Въ Ликванпао наши войска захватили $^2/_3$ этого пункта. Войска противника, численностью около одной дивизіи, произвели контръ-атаку противъ этого пункта, но были отбиты“ [4]).

„На правомъ берегу Хуньхэ, въ районѣ Янсутуня и Ликванпао противникъ продолжалъ оказывать упорное сопротивленіе и неоднократно производилъ контръ-атаки, но наши войска всякій разъ отбивали русскихъ, нанося имъ большія потери; теперь мы постепенно оттѣсняемъ ихъ къ Мукдену. Въ районѣ къ сѣверу отъ Мукдена противникъ оказывалъ упорное сопротивленіе“ [5]).

„Въ мѣстности къ востоку и къ югу отъ Мукдена наша армія оттѣснила противника въ бассейнъ р. Хуньхэ

---

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 86.
[2]) Тамъ же, стр. 87.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 86—87.
[5]) Тамъ же, стр. 88.

и теперь ведетъ на него атаки. Непріятель частью задержался, однако, на лѣвомъ берегу, гдѣ и занимаетъ теперь сильныя оборонительныя укрѣпленія".

„Въ мѣстности къ западу и сѣверу отъ Мукдена нашими войсками ведется бѣшеная атака, но противникъ оказываетъ весьма рѣшительное сопротивленіе" [1]).

„Другой отрядъ нашихъ войскъ, который выступилъ форсированнымъ маршемъ изъ Хинлунчтена, догналъ противника въ окрестностяхъ Пухе (около 12½ миль къ сѣверу отъ Мукдена). Этотъ отрядъ нанесъ весьма чувствительныя потери противнику, отступающему въ замѣшательствѣ, и, вѣроятно, этотъ отрядъ нашъ уничтожилъ отступающія войска непріятеля" [2]). Конечно, японцы имѣли полное право въ своемъ донесеніи предположить о полномъ уничтоженіи непріятеля у Пухэ. Въ дѣйствительности не было полнаго уничтоженія огнемъ и штыкомъ непріятеля, но былъ развалъ арміи, ничѣмъ неудержимый".

„22-го февраля (9-го февраля). Около 10 час. утра непріятельская артиллерія, расположенная вблизи Ванліухе, обстрѣливала первую линію нашей правой колонны. Около полудня противникъ пытался съ тремя, приблизительно, ротами пѣхоты произвести контръ-атаку противъ лѣваго фланга нашей правой колонны и еще одной ротой пѣхоты—противъ праваго фланга лѣвой колонны. Но эти атаки, однако, были отбиты" [3]).

„Наша лѣвая колонна развернулась въ окрестностяхъ Нантайцзы и сдѣлала всѣ приготовленія для атаки противника въ районѣ Цинхечена. Въ этотъ моментъ около четырехъ или пяти ротъ непріятельской пѣхоты произвели сами атаку, которая, однако, была нами отбита" [4]). Поло-

---

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 89.
[2]) Тамъ же, стр. 91—92.
[3]) Тамъ же, стр. 93.
[4]) Тамъ же, стр. 94.

жительно, можно взять за скобки общій припѣвъ: атака противника (русскихъ) была отбита!"

„23-го февраля (10-го февраля). По заранѣе составленной диспозиціи противъ противника, вблизи Цинхечена, была поведена атака; но въ это время поднялась ослѣпляющая мятель, а вмѣстѣ съ тѣмъ ледъ на Тайцзыхе сталъ ломаться, что очень сильно мѣшало дѣйствіямъ нашихъ войскъ. Противникъ, находившійся на сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ, на устройство которыхъ было потрачено имъ нѣсколько мѣсяцевъ, помимо естественныхъ качествъ, этихъ позицій,—оказывалъ сильное сопротивленіе, и мы были вынуждены отложить наступательныя дѣйствія до наступленія ночи" [1]).

„1-го марта (16 февраля). Лѣвая колонна, выдѣливъ часть силъ въ раіонъ Тейтаокеу, съ цѣлью прикрытія нашего лѣваго фланга, и одновременно, для связи съ правой колоной на Шахе, — продолжала наступленіе. Противникъ занималъ нѣсколько линій сильно укрѣпленныхъ, и притомъ постоянно усиливался, такъ какъ все время къ нему подходили подкрѣпленія изъ 21-го и 22-го сибирскихъ полковъ, вслѣдствіе чего наши атаки не были настолько успѣшны, насколько было желательно. Въ то же время наша правая колонна вынуждена была ограничиться удержаніемъ своей позиціи, такъ какъ непріятельскія силы постепенно увеличивались" [2]).

„2-го марта (17-го февраля). Непріятельскія войска, находящіяся въ направленіи Мачунтунь и Тита, были захвачены, подкрѣплены и оказали намъ упорное сопротивленіе, пытаясь неоднократно произвести контръ-атаки, которыя, однако, были всѣ отбиты" [3]).

---

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 94.
[2]) Тамъ же, стр. 96.
[3]) Тамъ же, стр. 97.

„Сегодня противникъ произвелъ контръ-атаки на лѣвый флангъ правой колонны, но всѣ были отбиты“ [1]).

„5-го марта (20-го февраля). Лѣвая колонна сегодня съ ранняго утра атаковала противника въ направленіи на Мачунтунь и постепенно продвинулась впередъ, но ей все еще не удалось овладѣть всей линіей непріятельскихъ позицій. Правая колонна все еще находится въ тѣсномъ соприкосновеніи съ противникомъ“ [2]).

„7-го марта (22-го февраля). Войска лѣвой колонны продолжали вести атаку на противника, расположеннаго на сопкѣ къ сѣверу отъ Тукяпаоцзы, но успѣха не имѣли. Вслѣдствіе этого на лѣвый флангъ этихъ войскъ былъ посланъ для подкрѣпленія еще одинъ отрядъ. Этотъ отрядъ атаковалъ противника на сопкѣ, къ югу отъ Мачунтаня, дѣйствуя совмѣстно съ отрядомъ посланнымъ съ р. Шахе, но все же не былъ въ состояніи овладѣть непріятельскими позиціями. Къ сторонѣ правой колонны положеніе воюющихъ сторонъ осталось безъ измѣненія“ [3]).

„Въ расположеніи лѣвофланговаго корпуса наступательныя дѣйствія подвигаются впередъ и наши войска энергично напираютъ на позиціи противника. Но въ виду того, что противникъ, обладая приблизительно 24-мя батареями полевой артиллеріи и 4-мя батареями тяжелыхъ орудій, оказывалъ упорное сопротивленіе, притомъ къ нему постепенно подходили еще подкрѣпленія—наши войска не могли перейти въ атаку. Въ теченіе ночи была произведена атака противъ дер. Канкявопенгъ и Ликявопенгъ, но пѣль ея не была достигнута. Тогда противникъ произвелъ контръ-атаку значительными силами, но вслѣдствіе отважнаго сопротивленія оказаннаго нашими войсками, намъ въ результатѣ удалось отбить эту атаку“ [4]).

---

[1]) и [2]) М. Кинай. т. 2, стр. 97.
[3]) Тамъ же, стр. 98.
[4]) Тамъ же, стр. 106—107.

„Центральный корпусъ подготовилъ свое наступленіе артиллерійскимъ огнемъ, двинулся затѣмъ для атаки непріятельской позиціи у дер. Манпаошанъ. Положеніе становилось все болѣе и болѣе благопріятнымъ, но цѣль осталось все же недостигнутой. Въ теченіе ночи противникъ пытался произвести контръ-атаку на центральную половину, но атака была отбита“ [1]).

„3-го марта (18-го февраля). Въ расположеніи правофланговаго корпуса, лѣвая его колонна выступила въ полночь вчерашняго дня и на разсвѣтѣ сегодня ей удалось занять высоты къ сѣверу отъ Хоусунмупаоцзы и Танкятуня. Эти войска немедленно использовали свой успѣхъ дальнѣйшимъ наступленіемъ на главную оборонительную линію противника, но не могли достигнуть въ достаточной степени желательнаго результата. Центральная и правая колонны также продолжали свои атаки съ ранняго утра, но не достигли цѣли. Въ теченіи ночи значительныя непріятельскія силы произвели четыре послѣдовательныхъ жестокихъ атаки на фронтѣ лѣвой колонны, но съ большими потерями были каждый разъ отбиты“ [2]).

„Лѣвофланговый корпусъ съ утра 7-го марта (22-го февраля) велъ бой, стремясь отбросить превосходныя силы противника. Русскіе произвели частныя контръ-атаки на этотъ корпусъ, который вынесъ ожесточенный бой, но въ концѣ концовъ всѣ атаки противника были отбиты съ большими потерями. Во время боя одна изъ нашихъ бригадъ была окружена въ Ликванпао войсками непріятеля численностью около одного армейскаго корпуса, но послѣ отважнаго сопротивленія, нашей бригадѣ въ концѣ концовъ удалось удержать свою позицію. По слухамъ, противникъ потерялъ въ бою 8,000 чел. убитыми и ранеными. Около 11 час. утра противникъ дрогнулъ и проявилъ признаки

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 108.
[2]) Тамъ же, стр, 109.

колебанія; тогда мы немедленно стали энергично преслѣдовать и тѣснить его къ Мукдену".

„Обходящій корпусъ, не взирая на упорное сопротивленіе противника, овладѣлъ, наконецъ, дер. Сяосіутунь, Пакяцзы (около 2 километровъ къ сѣверо-востоку отъ Сяопутуня) и Сантайцзы". [1]).

„Центральный корпусъ, который съ утра старался оттѣснить противника, занимавшаго оборонительныя укрѣпленія на лѣвомъ берегу Хуньхе, а равно и остатки непріятельскихъ силъ въ раіонѣ Хуньхепу, двинулся на сѣреро-востокъ отъ Мукдена, съ цѣлью продолжать наступательныя дѣйствія, но вслѣдствіе сильнаго сопротивленія значительныхъ силъ русскихъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Хуньхе, наши войска не могли переправиться на правый берегъ".

„Непріятель на фронтѣ лѣвофланговаго корпуса продолжалъ оказывать упорное сопротивленіе и часть русскихъ войскъ все еще удерживалась въ раіонѣ желѣзнодорожнаго моста; повидимому, русскія войска въ этомъ раіонѣ ввязались въ бой съ нашими войсками и вслѣдствіе этого не могли начать отступленія".

„Обходящій корпусъ, хотя его наступленіе и было весьма удачно, все-таки былъ задержанъ непріятельскими оборонительными укрѣпленіями, такъ что не добился численнаго успѣха. Удалось, однако, помѣшать противнику уйти, всѣдствіе того, что боевая линія была вытянута дальше влѣво. Лѣвая колонна корпуса, нѣкоторыя части которой должны были одно время нѣсколько отступить подъ напоромъ контръ-атаки непріятеля, настойчиво продолжала свои наступательныя дѣйствія" [2]).

„Что касается обходящаго корпуса, что его лѣвая колонна подвергалась неоднократно контръ-атакамъ против-

[1]) М. Кинай, т. 2, стр. 116.
[2]) Тамъ же, стр. 117.

ника, начиная съ вечера 9-го марта (24-го февраля); но всѣ атаки русскихъ были отбиты. Впослѣдствіи лѣвая колонна была значительно вытянута далѣе къ сѣверу, такъ что наша атака на противника производилась съ сѣвера на югъ“ [1]).

„По словамъ военноплѣнныхъ, численность войскъ противника, которыя оказывали намъ сопротивленіе 15-го марта (2-го марта) къ югу отъ Тѣлина, доходила до трехъ дивизій, плѣнные сообщили также, что Куропаткинъ самъ былъ въ раіонѣ Тѣлина 14-го марта (1 марта), руководя боемъ лично“ [2]).

„Главныя силы русскихъ отступаютъ въ безпорядкѣ на сѣверо-востокъ вдоль желѣзной дороги. Часть непріятельской артиллеріи задержалась, однако, въ пунктѣ въ двухъ или трехъ километрахъ сѣвернѣе Чантуфу“ [3]).

Этимъ исчерпывается имѣвшійся у меня матеріалъ для изслѣдованія мнѣній иностранцевъ о боевой работѣ нашей арміи въ русско-японскую войну. Попутно предъявлялись и посильныя объясненія причинъ нашихъ неудачъ. Но изслѣдованіе было бы не полнымъ, если-бы мы игнорировали сказанія иностранцевъ посвященныя организаціи, управленію и боевой подготовкѣ русской арміи. Считая эту часть изслѣдованія особо важной, видя въ ней источникъ для всѣхъ современныхъ мѣропріятій по усовершенствованію боевой подготовки, я и выдѣлилъ въ особую главу замѣчанія иностранцевъ спеціально сюда относящіяся.

---

[1]) М. Кинай, то 2 стр. 117.
[2]) Тамъ же, стр. 131.
[3]) Тамъ же, стр. 132

VII.

О русской арміи. Ея организація, управленіе, система подготовки. Качества и боевая работа родовъ войскъ.

И здѣсь первое слово принадлежитъ бар. Теттау, пробывшему при нашей арміи съ начала войны до заключенія мира. Съ этого обиднаго для насъ событія, бар. Таттау и начинаетъ свои замѣтки въ періодѣ послѣ Мукдена.

„Обѣ стороны, какъ русская армія, такъ и японцы, дѣлали видъ, что недовольны условіями мира. А между тѣмъ каждый спокойно и объективно размышляющій человѣкъ долженъ былъ сказать себѣ, что условія не могли быть иными. Война стала на мертвую точку, ни одна изъ сторонъ не могла разсчитывать на успѣхъ; поэтому вполнѣ естественно, что каждый противникъ сохранилъ то, что имѣлъ—ни больше и не меньше".

„Что касается русской арміи, то со времени мукденскаго сраженія она была значительно усилена и доведена численностью до полумиліона штыковъ. Составъ арміи былъ значительно лучше, чѣмъ въ началѣ войны. Вмѣсто старыхъ запасныхъ, были только видные, молодые нижніе чины; армія имѣла горныя орудія, пулеметы и полевыя гаубицы; кромѣ того, она стояла на сильной позиціи; значитъ тѣ, кто говорилъ:—„пусть японцы придутъ, они разобьютъ себѣ головы о наши позиціи",—были совершенно правы. Но,—не говоря о томъ, что японцы навѣрное не стали бы разбивать себѣ головы объ эту позицію, а обошли

бы ее, по обыкновенію,—какіе же могли быть результаты, если-бы даже атака японцевъ не удалась? Вѣдь необходимо было отнять у японцевъ то, чѣмъ они уже владѣли; значитъ, приходилось самому перейти въ наступленіе, а къ этому русская армія—таково мое твердое убѣжденіе—не была способной. Причинъ на это очень много; онѣ вытекаютъ изъ хода всей кампаніи. Генералъ Рутковскій въ Хабаровскѣ замѣтилъ весьма мѣтко: „трудно отвыкнуть въ одинъ годъ отъ того, чему насъ учили сто лѣтъ“. Часто, когда приходилось слышать разсужденія офицеровъ, что слѣдуетъ атаковать японцевъ и разбить ихъ, я говорилъ: „а что же дальше? Неужели вы думаете, что въ состояніи отобрать у японцевъ Мукденъ, Ляоянъ, Портъ-Артуръ?“ На это мнѣ всегда давали уклончивые отвѣты; объ этомъ думали лишь немногіе, а большинство твердило: лишь бы японцы пришли и разбили себѣ головы о позиціи. Я уже не говорю о внутреннемъ состояніи Россіи, о все увеличивающемся броженіи и неудовольствіи, которыя совершенно естественно не могли не отозваться на настроеніи арміи. Если-бы японцы перешли въ наступленіе, то солдаты навѣрное дрались бы отважно, но отобрать отъ японцевъ что нибудь, чѣмъ они уже владѣли—эта армія уже не могла. Я это отношу къ южной части острова Сахалина, которымъ японцы овладѣли въ іюлѣ“.

„Съ другой стороны, по моему убѣжденію, и японская армія не могла разсчитывать на дальнѣйшій успѣхъ. Она достигла того, на что она едва ли могла надѣяться, а въ то же время ея силы были исчерпаны. Въ арміи находились всѣ тѣ, кто въ состояніи былъ носить оружіе, въ возрастѣ отъ 19-ти до 41 года отъ роду; дальнѣйшія подкрѣпленія едва ли были возможны. Не подлежитъ сомнѣнію, что боевыя качества арміи, несмотря на самый горячій патріотизмъ, были уже не тѣ, что вначалѣ войны. Продолжая войну далѣе, японцы ставили на карту весь

добытый успѣхъ. Если даже, при общепризнанной инціативѣ японскихъ полководцевъ, имъ и удалось бы еще разъ разбить русскую армію и оттѣснить ее изъ занятой позиціи, то эта побѣда могла быть куплена лишь цѣной громадныхъ жертвъ, которыя того не стоятъ“ [1]).

Какими истинными, безупречными воинами выказали себя иностранные офицеры, пожелавшіе выразить развѣнчанному Куропаткину свои чувства почтенія и уваженія какъ человѣку и солдату. Стыдно, но надо сознаться, что это поведеніе иностранцевъ намъ не слѣдовало бы забывать.

„Послѣ обѣда, когда гости разбрелись, мы, иностранные офицеры, принимавшіе участіе съ самаго начала кампаніи во всѣхъ операціяхъ, попросили объ отдѣльномъ пріемѣ у генерала Куропаткина. Прежде всего намъ хотѣлось выразить ему нашу признательность за пріемъ, который мы встрѣтили въ арміи и лично у него, но кромѣ того, я долженъ сознаться, что не взирая на всѣ неудачи, постигшія генерала въ качествѣ полководца, мы въ немъ высоко цѣнили не только его достоинства какъ человѣка, но и многія его превосходныя стороны, какъ солдата. Мы цѣнили его, прежде всего, какъ вполнѣ честнаго солдата, который не приписывалъ неудачи своей арміи, а только своимъ собственнымъ ошибкамъ и всю вину бралъ на себя. Поэтому мы желали высказать генералу нашу симпатію“ [2]).

„Безспорно“, продолжаетъ Теттау, „что японцы стояли выше русскихъ по боевой подготовкѣ и, что этому обстоятельству они обязаны частью своихъ успѣховъ. Поэтому совершенно справедливо, если мы обратимъ вниманіе на искуство веденія боя побѣдителей и постараемся извлечь изъ него соотвѣтствующія указанія.

Но также безспорно, что это превосходство японцевъ въ тактическомъ примѣненіи войскъ повело лишь въ не-

---

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 408—409

[2]) Тамъ же, стр. 411.

значительной степени къ этому исходу войны. Своими блестящими побѣдами японцы обязаны, прежде всего, тому обстоятельству, что *ихъ полководцы были проникнуты неизмѣнными основными принципами истиннаго военнаго искусства*, воспринятыми изъ многолѣтняго опыта военной исторіи. На сторонѣ же русскихъ мы видимъ съ самаго начала до конца войны полное пренебреженіе этими основными принципами“ [1]). А вѣдь естественно задуматься по поводу нашихъ полководцевъ: какъ они теперь справляются съ принципами военнаго искусства?

„Въ самомъ началѣ войны на Дальнемъ Востокѣ были уже раздерганы всѣ высшія тактическія единицы, были сформированы новые армейскіе корпуса и подчинены чуждымъ командирамъ; затѣмъ, въ концѣ войны, въ бою подъ Мукденомъ мы видимъ, какъ разорвана вся организація фактическихъ единицъ, а вмѣсто нихъ выступаютъ случайно собранные отряды съ неизвѣстными для войскъ начальниками“.

„Но эти ошибки, какъ ни неблагопріятно вліяли онѣ на ходъ событій, составляютъ только побочныя причины для пораженія русской арміи; главную причину слѣдуетъ видѣть въ томъ, что русскіе начальники примѣняли свои боевыя силы совершенно противоположно принципамъ тактики и стратегіи“.

„Вмѣсто Наполеоновскаго „activité, activité vitesse“ внезапнаго, энергичнаго дѣйствія, съ цѣлью навязать противнику свое желаніе, захватить инціативу, мы на сторонѣ русскихъ отъ отъ начала до конца войны видимъ осторожный, нерѣшительный образъ дѣйствій, постоянное поглядываніе назадъ, подчиненіе себя волѣ противника. Отказываясь отъ намѣченной цѣли, располагаются часто на крѣпкихъ позиціяхъ, предоставляя противнику полнѣйшую свободу дѣйствій и даютъ ему возможность наступать съ

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 420—421.

превосходными силами тамъ, гдѣ ему угодно. Дѣлается однажды попытка захватить починъ, какъ въ началѣ октября 1904 года, во время наступленія на Шахе, или же во время наступленія 10-го корпуса на Лагоулинъ въ іюлѣ 1904 года; но это дѣлается такъ медленно, такъ робко, что теряется все преимущество внезапности. Противникъ разгадываетъ намѣреніе и имѣетъ достаточно времени принять со своей стороны необходимыя мѣры, и его волѣ подчиняются снова, переходя въ пассивную оборону. Забываютъ, что великіе полководцы всѣхъ временъ примѣняли свои боевыя силы даже при оборонѣ активнымъ образомъ. Русскіе никогда не примѣняли всѣхъ силъ для рѣшительнаго боя; эти силы раздробляются изъ опасенія за тылъ и фланги, и удерживаются въ тылу для того, чтобы обезпечить арміи путь отступленія. Боятся брать на себя отвѣтственность, чтобы поставить все на карту и побѣдить или погибнуть“ [1]).

„Въ русской арміи планы противника не распознаются вовсе, или отгадываются поздно. Никогда не дѣлается попытки энергичными контръ-мѣрами помѣшать дѣйствіямъ непріятеля и вырвать у него починъ дѣйствій. Колеблются всегда въ своихъ рѣшеніяхъ и, въ концѣ концовъ, все же принимаются мѣры пассивной обороны; причемъ—какъ при Ляоянѣ и Мукденѣ—главная забота направлена на то, чтобы обезпечить арміи путь отступленія. Никогда мы не видимъ смѣлаго риска; боязнь отвѣтственности мѣшаетъ поставить все на карту, парализуетъ всѣ рѣшенія; самыми характерными примѣрами нерѣшительности являются: бой у Сандепу и поведеніе II-ой арміи въ бою подъ Мукденомъ“.

„У русскихъ младшихъ начальниковъ также рѣдко проявляется небоящаяся отвѣтственности самодѣятельность; ихъ въ мирное время не воспитываютъ въ этомъ духѣ и,

[1]) Теттау, ч. 2, стр. 421—422.

кромѣ того, имъ мѣшали въ этомъ предусматривающіе самыя мельчайшія подробности приказы главнокомандующаго для всѣхъ операцій. Напомню только пассивное поведеніе 6-го сибирскаго корпуса въ бою на Шахе, командиръ котораго не считалъ себя въ правѣ ввести свой корпусъ 11-го и 12-го октября (29 и 30 сент.) всѣми силами въ бой въ самый критическій моментъ на поддержку праваго фланга арміи Бильдерлинга только потому, что получилъ отъ генерала Куропаткина приказаніе „помнить, что онъ составляетъ послѣдній стратегическій резервъ“. Это только одинъ примѣръ изъ многихъ“ [2]). Это весьма характерный примѣръ, который слѣдуетъ изучать, чтобы никогда больше не повторить ничего подобнаго.

„Послѣ войны нѣкоторые высокопоставленные русскіе офицеры высказывали такое мнѣніе: „въ чемъ мы нуждаемся, такъ это бодрый церемоніальный маршъ“.

„До войны въ русской арміи поставили себѣ главной задачей развивать духъ, а къ муштровкѣ не питали никакого пристрастія. Несомнѣнно, моральная сторона, которая воодушевляетъ войска, является главной цѣлью; но, воспитывая этотъ духъ войскъ, нельзя забывать желѣзную дисциплину и напряженіе всѣхъ силъ солдата для общей цѣли. Хорошій духъ войскъ состоитъ въ любви къ своему Государю и Родинѣ, въ довѣріи къ своимъ начальникамъ и охотному подчиненію ихъ приказаніямъ, а также и въ довѣріи къ самому себѣ. Это довѣріе можетъ имѣть и сохранить только такая войсковая часть, которая обучена по всѣмъ отраслямъ военнаго дѣла, которая видитъ, какъ ея труды вѣнчаются успѣхомъ и которая чувствуетъ, что ею руководятъ съ полнымъ знаніемъ своего дѣла“.

„Какъ же это дѣло обстояло въ русской арміи? Я часто указывалъ на то, что храбрость русскаго солдата не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но и самый лучшій мате-

[2]) Тамъ же, стр. 423.

ріалъ отказывается служить, если онъ подготовляется и примѣняется несотвѣтствующимъ образомъ. Думали, что обладаютъ хорошимъ „духомъ“ войскъ и отнеслись небрежно къ строгой дисциплинѣ“.

„Незначительное воодушевленіе, которое встрѣтила эта война въ народѣ и обратное дѣйствіе народнаго настроенія на армію имѣли парализующее вліяніе на нравственную силу войскъ, которая естественнымъ образомъ стала падать, когда войска не видали никакого успѣха отъ ихъ трудовъ и жертвъ, когда они потеряли довѣріе къ своимъ начальникамъ. Только желѣзная дисциплина могла бы тогда дать войскамъ какую нибудь опору. Насколько въ обученіи японскій солдатъ стоялъ выше русскаго, сказалось особенно сильно въ бою пѣхоты. Японскій пѣхотинецъ былъ воспитанъ быть размышляющимъ, самостоятельно дѣйствующимъ стрѣлкомъ; русскій солдатъ былъ обученъ дѣйствовать въ массѣ, по приказанію своихъ начальниковъ. Русскіе солдаты выказывали чудеса храбрости, когда они находились въ рукахъ своего начальника; я помню о прорывѣ 11-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, штурмъ Новгородской и Путиловской сопокъ; но они оказывались неспособными, какъ только бой предъявлялъ къ нимъ требованія самостоятельности и самодѣятельности“ [1]).

Иммануэль тоже даетъ нашей системѣ дѣйствій въ минувшую войну суровую, но вѣрную оцѣнку, которую нельзя не принять въ разсчетъ, размышляя о современной боевой подготовкѣ арміи.

„Въ русско-японскую войну“, пишетъ Иммануэль, „оба противника признавали преимущества наступательныхъ дѣйствій въ теоріи, но на практикѣ относились къ нимъ совершенно различно, а это дало японцамъ успѣхъ, а русскимъ пораженіе“ [2]).

---

[1]) Теттау, ч. I, стр. 426.
[2]) Иммануэль, стр. 40.

„Въ бояхъ русско-японской войны дѣлалось какъ разъ обратное тому, что такъ правильно требуетъ наставленіе. Дѣло въ томъ, что изданія однихъ наставленій мало, необходимо, чтобы духъ ихъ вошелъ въ плоть и кровь начальниковъ и войскъ, а для этого нужны соотвѣтствующія воспитаніе и обученіе“ [1]). Да, однимъ изданіемъ наставленій не многого достигнемъ, но еще меньшій результатъ боевой подготовки получитъ армія, которая годами не можетъ дождаться совершенно необходимыхъ ей наставленій, регулирующихъ боевую дѣятельность войны“.

„Какъ выше было указано, Куропаткинъ не обладалъ ни рѣшительностью, ни силою воли и, находясь подъ вліяніемъ обстановки, все время дѣйствовалъ оборонительно. Единственныя исключенія составляютъ неудачная попытка перехода въ наступленіе на Шахе и безцѣльная атака Сандепу. Подтвердилась старая истина, доказанная военною исторіею, что тактически и морально слабый цѣпляется за оборонительныя позиціи. Правда, во всѣхъ бояхъ были случаи производства контръ-атакъ, но, за исключеніемъ успѣшной атаки Путилова, во время боевъ на Шахэ, всѣ онѣ имѣли мѣстное значеніе и производились слабыми силами. Въ общемъ, русскіе не умѣли атаковать. Въ современномъ бою атака предъявляетъ очень высокія требованія, какъ къ начальникамъ, такъ и къ войскамъ. Если первые не съумѣли избѣжать перемѣшиванія частей, сохранить резервы и добиться взаимной поддержки между пѣхотою и артиллеріею, то войскамъ не доставало соотвѣтствующей подготовки. Отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ и неосвѣдомленность относительно ихъ цѣли повели къ отказу отъ наступленія и къ переходу къ оборонѣ, съ цѣлью увидѣть, что предприметъ противникъ; починъ перешелъ къ послѣднему“ [2]).

---

[1]) Имануэль, стр. 43.

[2]) Тамъ же, стр. 44.

„Управленіе японскими войсками отличалось единствомъ и рѣшимостью, у русскихъ же оно сводилось къ разрозненности, слабости и выжиданіямъ. Поэтому японцы наступали и побѣдили, русскіе же оборонялись и терпѣли неудачи“ [1]).

„У японцевъ были налицо—горячая любовь къ отечеству, готовность жертвовать собою для блага родины, гордость и честолюбіе; у русскихъ же—недостатокъ воодушевленія, отвращеніе къ войнѣ, безразличіе и малое индивидуальное развитіе“ [2]).

„Русскимъ присуща способность переносить всякія тяготы, но они не склонны къ самостоятельности и дѣятельности, а эти особенности ихъ характера, при поверхностномъ воспитаніи, повели къ тому, что они не оказались на высотѣ современныхъ требованій. Воспитаніе должно привить солдату непоколебимое чувство долга и любовь къ дѣлу, доведенную до фанатизма; особенно это важно теперь, когда народъ все сильнѣе и сильнѣе заражается ядомъ интернаціонализма и соціалистическихъ теорій“ [3]).

„Русскій офицеръ не выдѣляется ни по положенію въ обществѣ, ни по тому уваженію, которымъ пользуется. Патріархальныя отношенія между офицерами и солдатами исчезли, а моральное превосходство первыхъ надъ послѣдними выражается недостаточно рѣзко. Война подтверждаетъ необходимость высокаго положенія офицера, призваннаго жертвовать здоровьемъ и жизнью на благо народа“ [4]). Попробуйте убѣдить въ этомъ наше чиновное общество, свысока смотрящее на офицеровъ безъ всякаго основанія,

„Плохая стрѣлковая подготовка русскихъ, предпочтеніе, отдававшееся ими сомкнутымъ строямъ, и отсутствіе

[1]) Иммануэль, стр. 127.
[2]) Тамъ же, стр. 128.
[3]) Тамъ же, стр. 128.
[4]) Тамъ же, стр. 129.

самостоятельности, какъ у частныхъ начальниковъ, такъ и у нижнихъ чиновъ, выказали всю свою несостоятельность на поляхъ Манчжуріи“ [1]).

Необходимо далѣе съ полнымъ вниманіемъ изучить замѣчанія маіора саксонскаго генеральнаго штаба Леффлера, высказанныя въ его книгѣ: „Стратегическіе и тактическіе уроки Русско-Японской войны“. Призывая къ воздержанію отъ оцѣнки дѣйствующихъ лицъ потому, что для этого еще время не наступило, авторъ оцѣниваетъ самыя событія, выводя отсюда весьма цѣнные уроки.

„Сущность обороны“, говоритъ Леффлеръ, „не имѣетъ ничего общаго съ почти безсознательнымъ и неувѣреннымъ бездѣйствіемъ русскихъ; обороняющійся, быть можетъ, мѣстами конвульсивно какъ бы вздрагивалъ и подергивался, принимая это за проявленіе активности, но это было заблужденіемъ“.

„Слѣдуетъ остерегаться обобщать явленія, вызываемыя лишь частными причинами, и осуждать оборону лишь на томъ основаніи, что всѣ неудачные полководцы быстро погрязаютъ въ пассивномъ образѣ дѣйствій“ [2]).

„Мукденское сраженіе дало новый поводъ къ обвиненію русской конницы въ недостаточной развѣдкѣ. Многіе голоса доходятъ до утвержденія, будто не только послѣднее сраженіе, но и вся война проиграна вслѣдствіе малаго знакомства съ намѣреніями противника. Это грубая и безусловная ошибка“ [3]).

„На войнѣ, даже самая лучшая и многочисленная кавалерія никогда не сможетъ выяснить намѣренія противника, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и то только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, ей удастся опредѣлить силы его“.

---

[1]) Иммануэль стр. 128.
[2]) Леффлеръ, стр. 4.
[3]) Тамъ же, стр. 9.

„Но даже если она выполнитъ такое невозможное требованіе, то высшее командованіе, которое будетъ ждать рѣшеній противника, чтобы принять свое, всегда запоздаетъ и не достигнетъ поставленной себѣ цѣли".

„Развѣдка противника, доставка донесеній, составленіе общей картины изъ неясныхъ, отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ свѣдѣній, отдача приказаній и выполненіе ихъ—все это требуетъ столько времени, что продолжающіяся и развивающіяся дѣйствія противника, обыкновенно, въ корень измѣнятъ обстановку, на которой командующій арміей строилъ рѣшенія".

„Ни одинъ изъ побѣдоносныхъ полководцевъ не зналъ въ выигранныхъ имъ сраженіяхъ и противникѣ все до мелочей" [1]).

„Только черезъ десятки лѣтъ", продолжаетъ Леффлеръ, „исторія въ состояніи будетъ выяснить, что руководило на Дальнемъ Востокѣ Россіей: сознательная ли ясность цѣлей или случайныя надежды?"

„Теперь же приходится удовольствоваться выясненіемъ возможныхъ рѣшеній и воздержаться отъ оцѣнки дѣйствующихъ лицъ" [2]).

„Въ народѣ съ самаго начала не было воодушевленія войной, хотя и не замѣчалось, въ среднихъ и низшихъ классахъ по крайней мѣрѣ, отрицательнаго отношенія къ ней. Это послѣднее появилось и начало расти одновременно съ плохими извѣстіями съ театра войны и, мало-по-малу, дошло до лишенія правительства средствъ на продолженіе войны" [3]).

„Извѣстная безпечность къ будущему, недостатокъ сознанія долга, доходящаго до самопожертвованія, неспособность отдаться общему дѣлу, отсутствіе чувства отвѣтственности передъ своей совѣстью и народомъ, всѣ эти

---

[1]) Леффлеръ, стр. 9.
[2]) и [3]) Тамъ же, стр. 16.

характерныя особенности русскихъ, въ связи съ тяжеловѣсностью плохо подготовленнаго запаса арміи, не могли не отразиться на внутреннемъ достоинствѣ арміи".

„Къ этому слѣдуетъ прибавить и склонность къ ближнему бою, въ связи съ пренебреженіемъ огнемъ, что считалось не только не недостаткомъ, но, напротивъ, преимуществомъ русскаго солдата".

„Нельзя отрицать прекрасныя военныя качества русскаго солдата, его умѣренность, преданность начальнику и презрѣніе къ смерти, но все это не могло уравновѣсить перечисленныхъ выше слабыхъ сторонъ его. Къ тому же они все болѣе и болѣе были заглушены неудачами на поляхъ сраженія, что будетъ всюду и съ любой арміей" [1]).

„Даже самый сдержанный обозрѣватель не можетъ не признать, что въ пользованіи боевыми средствами, особенно въ рѣшительныхъ сраженіяхъ, были сдѣланы существенныя ошибки, основанныя не на однихъ свойствахъ характера главнокомандующаго, но и на ложныхъ представленіяхъ о сущности веденія войны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить отдѣльныя событія войны" [2]).

„Часто приходится слышать утвержденіе, что низшій командный элементъ, а въ особенности кавалерія, создали генералу Куропаткину безвыходное положеніе".

„Правда, въ этомъ отношеніи вначалѣ войны было сдѣлано много ошибокъ, въ особенности въ видѣ неумѣнія младшихъ начальниковъ управлять совмѣстными дѣйствіями различныхъ родовъ оружія. Но это едва ли можетъ освободить главнокомандующаго отъ отвѣтственности. Ясность взгляда, увѣренность и опредѣленность, исходящія отъ главнокомандующаго, проникнутъ и растекутся по всѣмъ частямъ гигантскаго организма и окажутъ свое дѣйствіе. Если твердая воля призываетъ своихъ подчинен-

[1]) Леффлеръ, стр. 16.
[2]) Тамъ же, стр. 17.

ныхъ къ дѣйствію и дастъ имъ общее, постоянное направленіе, то они не могутъ съ неувѣренностью бродить впотемкахъ; напротивъ, каждое движеніе получаетъ значеніе въ общемъ ходѣ дѣла и ведетъ къ общей цѣли“ [1]).

„Конечно, распоряженія высшаго командованія и дѣятельность подчиненныхъ органовъ взаимно поддерживаютъ другъ друга, но побужденіе, направленіе и цѣли даются первымъ изъ нихъ“ [2]).

„Къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести тактическія формы, въ основѣ своей противорѣчащія требованіямъ современнаго вооруженія, въ связи съ превратными тактическими воззрѣніями, съ достаточной ясностью показываютъ несчастныя войны:—1806 г. для пруссаковъ, 1866 г. для австрійцевъ и 1904—1905 г.г. для русскихъ“ [3]).

„Нельзя путемъ созданія спеціальныхъ искусственныхъ формъ рѣшать задачи—какъ вести наступленіе и какъ довести пѣхотный бой до конца. Эти формы не только сдадутъ на полѣ сраженія, гдѣ жизненно только простѣйшее, но онѣ уже въ мирное время убиваютъ животворящій духъ, способность къ разсужденію, небоязнь отвѣтственности и рѣшимость, такъ какъ въ частномъ случаѣ какъ бы подсказываютъ рѣшеніе“.

„Повторяемъ: *Не особыя формы намъ нужны, а особые начальники, отъ которыхъ исходитъ и передается каждому солдату спокойная увѣренность въ своихъ поступкахъ и вѣра въ успѣхъ*“.

„Все это имѣли на своей сторонѣ японцы въ минувшую войну“.

„Воспитать такихъ начальниковъ составляетъ въ тысячу разъ выгоднѣйшую работу мирнаго времени, чѣмъ заучиваніе искусственныхъ формъ, не имѣющихъ никакой связи съ сущностью дѣла и разсыпающихся подъ непрія-

---

[1]) и [2]) Леффлеръ, стр. 19.

[3]) Тамъ же, стр. 31.

тельскимъ огнемъ въ пыль, какъ разсыпается перекаленое стекло отъ малѣйшаго удара".

„Тактическія формы русскихъ осудили сами себя. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что съ начала 1905 года на театрѣ военныхъ дѣйствій войска усиленно обучались новымъ формамъ" [1]).

„Въ началѣ войны и долгое время спустя русская пѣхота вела огневой бой взводными залпами. Качества отдѣльнаго стрѣлка отошли на задній планъ; на разумную волю и самостоятельность бойца не полагались. Поэтому стрѣльба постепенно снизошла до средства самоослѣпленія. Рѣшеніе боя русскіе видѣли въ штыковой атакѣ, напроломъ, густыми массами, не добившись главнаго условія побѣды—перевѣса въ огнѣ".

„Одно редактированное въ Главномъ Штабѣ донесеніе, объ атакѣ деревни Хегоутай въ концѣ января 1905 г., ставитъ въ особую похвалу войскамъ, что они ворвались въ деревню безъ выстрѣла. Это оказалось возможнымъ потому, что они были въ подавляющемъ большинствѣ. Въ другихъ случаяхъ фронтальныя атаки, вслѣдствіе такого способа дѣйствій, останавливались, а это, въ концѣ концовъ, привело къ тому, что всякія попытки къ активнымъ дѣйствіямъ погрязали въ пассивности" [2]).

„Одинъ изъ старшихъ русскихъ начальниковъ пытался поднять упавшій духъ своихъ войскъ послѣ Ляояна завѣреніями, что до сихъ поръ противъ нихъ были злые духи, сначала горный, а затѣмъ гаоляновый. На равнинѣ ихъ не будетъ и они не будутъ мѣшать русскимъ".

„Но это не оправдалось. Не духи горъ и гаоляна лишили русскихъ вѣры въ свои силы, но духъ и превосходство обученія японской арміи" [3]).

---

[1]) Леффлеръ, стр. 31.
[2]) Тамъ же, стр. 32.
[3]) Тамъ же, стр. 34.

Въ изслѣдованіи капитана французскаго генеральнаго штаба Ніесселя „Изъ опыта Русско-Японской войны“ находимъ оцѣнку дѣйствій главнаго рода войскъ—пѣхоты, начиная съ примѣненія къ мѣстности.

„Резервы японцевъ сохраняли сомкнутые строи только до тѣхъ поръ, пока считали себя внѣ выстрѣловъ; но и при этомъ старались пользоваться мѣстностью. Однако, неоднократно случалось, что резервы въ сомкнутыхъ строяхъ попадали подъ дальній артиллерійскій или ружейный огонь и тогда неизмѣнно или *отступали за закрытія или обращались въ бѣгство*“.

„Русскіе въ началѣ войны примѣнялись къ мѣстности въ значительно меньшей степени, лучшимъ доказательствомъ этому служитъ высказываемое ими удивленіе пустотѣ полей сраженій. Между прочимъ, они часто попадали подъ огонь въ сомкнутыхъ строяхъ. Впрочемъ, этотъ недочетъ былъ ими быстро исправленъ, и уже въ іюлѣ 1904 года они стали такъ же тщательно пользоваться мѣстностью, какъ и японцы. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, у нихъ, однако, всё-таки преобладало стремленіе къ примѣненію настолько густыхъ цѣпей, что стрѣлки мѣшали другъ другу дѣйствовать. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ у русскихъ солдатъ всегда замѣчалось стремленіе группироваться въ минуту опасности около своихъ начальниковъ“.

„Необходимость искать укрытія заставила обѣ стороны прибѣгать, въ широкихъ размѣрахъ, къ постройкѣ укрѣпленій не только во время обороны, но и при наступленіи. Повидимому, пользованіе лопатою въ послѣднемъ случаѣ не повліяло на наступательную тенденцію японцевъ“.

„Русскіе офицеры слишкомъ часто пренебрегали необходимостью укрываться, и этимъ объясняются громадныя потери, понесенныя ими; хотя въ современныхъ бояхъ огонь врядъ ли направляется спеціально на офицеровъ,

но, во всякомъ случаѣ, недостаточное ихъ укрытіе выдаетъ мѣсто расположенія части, которая вслѣдствіе этого неминуемо понесетъ излишнія потери“ [1]).

„Судя по многимъ описаніямъ, *ни у русскихъ, ни у японцевъ, собственно, прицѣльнаго огня не было*, а онъ сводился къ обстрѣливанію площадей. Повидимому, **одиночная подготовка стрѣлковъ обѣихъ армій оказалась довольно слабой**“ [2]). Да, это только повидимому, въ дѣйствительности же, оцѣнивая стрѣлковую подготовку арміи, надо отрѣшиться отъ полигонныхъ требованій мирнаго времени и не примѣнять къ арміямъ, укомплектованнымъ запасными, масштабъ, принятый для оцѣнки стрѣльбы кадра арміи. Но если японцы стрѣляли не лучше нашего, то вѣдь остается одной, существенной причиной нашихъ пораженій меньше. Все больше и больше обвиненіе въ исходѣ этой несчастной войны сосредоточивается на управленіи арміей и системѣ ея боевой подготовки.

„Въ извѣстныхъ случаяхъ крайне трудно заставить людей прекратить огонь. Опытъ показываетъ, что когда атакующему удалось подойти къ обороняющемуся на 150—75 шаговъ, огонь послѣдняго становится малодѣйствительнымъ. Даже самые храбрые люди становятся нервными и теряютъ самообладаніе. На тѣхъ дистанціяхъ, съ которыхъ дѣйствительно можно поражать одиночныхъ людей, даже солдаты, видавшіе виды, не способны использовать мѣткость своего оружія“ [3]).

Производство атаки.

„Какъ японцы, такъ и русскіе старались предварительно достигнуть превосходства въ огнѣ, особенно на среднихъ дистанціяхъ, т.-е. отъ 1.200—900 шаговъ. Въ этомъ періодѣ боя артиллерія принимала самое дѣятельное уча-

---

[1]) Ніессель, стр. 1.
[2]) Тамъ же, стр. 4.
[3]) Тамъ же, стр. 4.

стіе. Борьба за перевѣсъ въ огнѣ велась на всемъ фронтѣ, не исключая и такихъ пунктовъ, атаковать которые вовсе не предполагалось. Она продолжалась долго и длилась 5, 6 и болѣе часовъ".

„Движеніе впередъ начиналось только послѣ достиженія перевѣса" [1]).

Примѣненіе штыка.

„Почти во всѣхъ бояхъ войны штыковая атака является послѣднимъ рѣшающимъ аргументомъ; *противники часто доходили до рукопашнаго боя.* Несмотря на несомнѣнное презрѣніе японцевъ къ смерти, они часто отступали при одной угрозѣ штыкового удара. *Причина этого явленія, вѣроятно, кроется въ неоспоримомъ превосходствѣ русскихъ въ рукопашномъ бою*" [2]).

„Въ ночныхъ бояхъ за штыкомъ остается то же значеніе, которое онъ имѣлъ прежде. По свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, почти всѣ трупы 1.300 японцевъ, находившихся на Путиловской сопкѣ, послѣ ночной атаки 4 (17) октября, носили слѣды ранъ, нанесенныхъ холоднымъ оружіемъ [3])".

„Одна изъ причинъ неудачъ, испытанныхъ русскими, заключается въ худшемъ, сравнительно съ японцами, качествѣ кадровъ ихъ унтеръ-офицеровъ, которые были недостаточно развиты, обладали малою самоувѣренностью и не были способны проявить частный починъ. По своему характеру, у русскихъ есть стремленіе въ критическія минуты собираться около офицеровъ. Русскому солдату постоянно необходимъ руководитель. Между тѣмъ, вслѣдствіе большого числа безграмотныхъ, комплектованіе унтеръ-офицерами очень трудно. При условіи постоянной опеки со

---

[1]) Ніессель, стр. 5.
[2]) Тамъ же, стр. 9
[3]) Тамъ же, стр. 9.

стороны офицеровъ въ мирное время, у унтеръ-офицеровъ не можетъ развиться частный починъ, необходимый въ бою. Въ этихъ явленіяхъ, очевидно, кроется причина предпочтенія, отдаваемаго русскими сомкнутымъ строямъ и залповому огню; они же заставляютъ офицеровъ подвергать жизнь опасности болѣе, чѣмъ нужно, и обусловливаютъ большія потери среди ихъ состава“ [1]).

„Событія въ Манчжуріи доказали съ неопровержимою ясностью, что преобладающее значеніе болѣе, чѣмъ когда-либо, принадлежитъ пѣхотѣ“.

„Пѣхота сильнѣе всѣхъ оказываетъ воздѣйствіе на противника и несетъ наибольшія потери. Какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ, она является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ боя и наноситъ противнику $^{9}/_{10}$ всѣхъ потерь ($85^{0}/_{0}$ огнемъ и $7^{0}/_{0}$ штыкомъ)“ [2]).

„Рѣшающее значеніе принадлежитъ штыку, и въ теченіе послѣдней войны къ нему прибѣгали гораздо чаще, чѣмъ за послѣдніе 50 лѣтъ“ [3]).

„Какъ видно изъ результатовъ русскихъ контръ-атакъ, заставлявшихъ бѣжать противника, котораго не могъ остановить огонь, штыкъ въ полной мѣрѣ сохранилъ присущее ему нравственное значеніе“ [4]).

„Русско-Японская война доказала, что, вопреки усовершенствованіямъ и прогрессу техники, человѣкъ, какъ и въ прежнія времена, является главнымъ орудіемъ боя. Духовныя данныя сохранили за собою то же значеніе, которое было имъ присуще въ прежнія войны. Мужество и готовность къ самопожертвованію весьма цѣнны, но ихъ однихъ недостаточно. *Обѣ арміи обладали ими въ одинаковой степени*“ [5]).

---

[1]) Ніессель, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр. 41.
[3]) Тамъ же, стр. 42.
[4]) Тамъ же, стр. 42.
[5]) Тамъ же, стр. 54.

„Военная подготовка русскихъ, по ихъ собственному признанію, была недостаточна. У нихъ зачастую замѣчалось отсутствіе дѣятельности, выжиданіе приказаній даже въ критическія минуты, недостаточная связь съ сосѣдями и, наконецъ, отсутствіе знаній даже у лицъ, занимавшихъ высшія командныя должности“ [1]).

„Русскіе выказали много мужества, выносливость, готовность слѣдовать всегда за офицерами и способность къ перенесенію весьма большихъ потерь. Но ихъ офицеры должны были находиться впереди. Свойственная имъ пассивность, являющаяся однимъ изъ главнѣйшихъ условій ихъ стойкости, повела къ тому, что они слишкомъ долго ждали приказаній и слишкомъ упорно цѣплялись за укрѣпленія, возведенныя съ такою затратою силъ. Такъ какъ масса народа не была проникнута необходимостью войны и ея важностью для будущности Россіи, то арміи не хватало подъема духа, а это, несомнѣнно, вліяло на ея дѣйствія. Кромѣ того, къ концу войны постоянныя отступленія у большинства въ конецъ подорвали вѣру въ возможность успѣха и этимъ угасили остатки духа“ [2]).

Прекраснымъ матеріаломъ для сопоставленія съ заключеніями Ніесселя служитъ трудъ австрійскаго капитана фонъ-Трейеншверта, основательно осуждающаго насъ за многое, начиная съ устарѣлаго способа наступательныхъ дѣйствій.

„Руководствуясь уставными положеніями и придерживаясь традицій, русскіе наступали густыми, почти сомкнутыми массами, имѣвшими незначительное протяженіе по фронту и большую глубину. Такъ какъ во время перебѣжекъ открытіе огня частью, находившеюся впереди, служило какъ бы сигналомъ для начала движенія оставшихся позади, то огневая подготовка и безъ того слабыхъ цѣпей оказалась недостаточною. Впрочемъ, огонь долженъ былъ

---

[1]) Ніессель, стр. 54.
[2]) Тамъ же, стр. 55.

служить только подготовительнымъ средствомъ для удара въ штыки и облегчить безостановочное движеніе къ противнику. Огонь японцевъ дѣйствовалъ губительно на массы сосредоточенныя на небольшомъ пространствѣ и оказавшіяся безсильными, въ свою очередь, развить надлежащую его силу. Если, затѣмъ, узкій фронтъ оказывался охваченнымъ съ фланговъ, то массовая атака, естественно, должна была потерпѣть неудачу даже ранѣе, чѣмъ частямъ удавалось приблизиться на дистанцію дѣйствительнаго выстрѣла".

„Быстрота стрѣльбы, въ связи съ отлогостью траекторіи и разсѣиваніемъ выстрѣловъ въ глубину, влекла за собою такія потери, которыя оказались не по плечу даже такимъ храбрымъ и выносливымъ войскамъ, какъ русскія, духъ которыхъ былъ подорванъ".

„Въ настоящее время массовыя атаки отжили свой вѣкъ, и войска находящіеся въ сомкнутыхъ строяхъ рискуютъ, даже при укрытомъ расположеніи, понести большія потери отъ артиллерійскаго огня" [1]).

„Наступленіе въ уставныхъ формахъ шло гладко только на открытой мѣстности; на пересѣченной же и въ горахъ происходили тренія, такъ какъ младшіе начальники, не находясь подъ постояннымъ воздѣйствіемъ старшихъ, терялись. Очевидно, въ мирное время не обращалось достаточнаго вниманія на развитіе самостоятельности, а вслѣдствіе этого частные начальники всѣхъ степеней оказались не въ состояніи проявить должную самостоятельность, необходимую при дѣйствіяхъ на пересѣченной мѣстности" [2]).

„Что касается частнаго перехода въ наступленіе изъ оборонительнаго положенія, то этотъ пережитокъ русской національной тактики обыкновенно разбивался объ огонь, хотя онъ иногда и давалъ русскимъ возможность выйти изъ критическаго положенія. Въ общемъ же, этого рода

---

[1]) Трейеншвертъ, стр. 1.
[2]) Тамъ же, стр. 2.

контръ-атаки, не давая рѣшительныхъ результатовъ, вели къ постепенному истощенію силъ“ [1]).

„Воспитаніе русскихъ войскъ въ духѣ штыкового удара оказалось чрезвычайно полезнымъ. Выяснилось, что однимъ огнемъ нельзя прогнать противника, занявшаго позицію, и что для этого необходимо столкнуться съ нимъ грудь съ грудью. Исходъ этого столкновенія зависитъ отъ результатовъ огня, который, за исключеніемъ неблагопріятной для него обстановки, подготовляетъ ударъ въ штыки“.

„Во время послѣдующаго хода кампаніи дѣйствія русской пѣхоты хотя и стали болѣе индивидуальными и отвѣчающими требованіямъ современнаго огневого боя, но недостатки мирной подготовки все-таки не исчезли. Такъ, уже во время боевъ на Шахэ наступленіе производилось мелкими частями, примѣнявшимися къ мѣстности; однако какъ во время этихъ боевъ, такъ и подъ Мукденомъ были случаи, когда подъ огонь японской артиллеріи попадали части въ густыхъ колоннахъ. Недочеты мирной подготовки рѣзче всего обнаруживаются во время первыхъ столкновеній, имѣющихъ въ европейскихъ войнахъ рѣшающее значеніе, и они могутъ быть исправлены лишь съ большимъ трудомъ. Разъ въ войскахъ существуетъ пониманіе духа тактики, то къ формамъ они приспособляются. Такого именно пониманія духа не было налицо у русскихъ, и имъ пришлось натолкнуться на чисто огневую тактику, которая были имъ совершенно чужда. Для того же, чтобы такой сложный организмъ, какимъ является современная армія, усвоилъ себѣ новые взгляды, необходимо время“ [2]).

„Вообще же, недостатокъ развѣдки, привычка старшихъ начальниковъ командовать ротами и баталіонами, забывая про полки и дивизіи, пассивная оборона, отсутствіе связи въ дѣйствіяхъ какъ старшихъ, такъ и младшихъ начальниковъ, недостаточная оріентировка подчинен-

---

[1]) Трейеншвертъ, стр. 2.
[2]) Тамъ же, стр. 3.

ныхъ, халатное отношеніе къ службѣ и отсутствіе стремленія во что бы то ни стало двигаться впередъ, объясняются тѣмъ, что армія не обладала достаточнымъ воодушевленіемъ и что мирное обученіе было неудовлетворительно и сводилось къ муштровкѣ. Послѣдняя же, составляя пріемъ воспитанія, замѣнить его не въ состояніи. Какой смыслъ былъ въ томъ, что уставомъ первое мѣсто отводилось наступленію, если сознаніе его необходимости не вошло въ плоть и кровь войскъ“ [1]). Можно подумать, что капитанъ фонъ-Трейеншвертъ вѣкъ свой провелъ въ рядахъ нашей арміи да и сейчасъ не удалился изъ нея. Хорошо знаютъ иностранцы наши качества и недостатки.

„Потери, наносимыя непріятелю, мало замѣтны въ современномъ бою, но зато при бездымной стрѣльбѣ люди всецѣло находятся подъ впечатлѣніемъ убыли своихъ товарищей. Но даже если допустить, что у наступающаго впечатлѣніе это не будетъ особенно сильно, огонь несомнѣнно производитъ въ настоящее время на людей болѣе разлагающее нравственное дѣйствіе, такъ какъ при отсутствіи сомкнутыхъ строевъ, контроль надъ ними становится значительно труднѣе, чѣмъ прежде“ [2]).

„Японское орудіе, въ сущности, не было скорострѣльнымъ. Русское же хотя и обладало этимъ качествомъ, но имѣло конструктивные недостатки, одинъ родъ снаряда (шрапнель) и прислуга вначалѣ не умѣла съ нимъ обращаться. Русская восьми-орудійная батарея обладала недостаточною подвижностью и трудно было управлять ея огнемъ“.

„Отсутствіе гранаты привело къ тому, что пришлось воспользоваться поршневыми орудіями стараго образца“ [3]).

---

[1]) Трейеншвертъ, стр. 3.
[2]) Тамъ же, стр. 17.
[3]) Тамъ же, стр. 31.

Наступленіе въ сферѣ ружейнаго огня. Штурмъ. Ручныя гранаты.

„Японцы не были, какъ русскіе, воспитаны въ духѣ штыкового удара. Послѣ бурской войны его считали маловѣроятнымъ; однако, практика показала, что штыкъ остается попрежнему послѣднимъ аргументомъ и что необходимо отрѣшиться какъ отъ боязни открытыхъ пространствъ, такъ и отъ предубѣжденія къ штурму“ [1]).

„Подъ Ляояномъ дѣло часто доходило до штыковъ, а во время боевъ на Шахэ рукопашные бои велись даже крупными частями. Подъ Мукденомъ обѣ стороны въ теченіе нѣсколькихъ дней находились въ непосредственной близости одна отъ другой, ведя днемъ перестрѣлку, а ночью ожидая атаки, однако, ни одна изъ нихъ не отступала. Только штыковый ударъ рѣшалъ дѣло“.

„Штыковые бои, несомнѣнно, чаще всего будутъ случаться въ крѣпостной войнѣ и во время атакъ укрѣпленныхъ позицій. Хотя и тутъ главная роль принадлежитъ огню, но одного его, вѣроятно, будетъ недостаточно для того, чтобы сломить сопротивленіе упорнаго врага“.

„Иногда одна угроза штыка можетъ рѣшить дѣло, особенно это будетъ имѣть мѣсто тогда, когда противникъ не успѣетъ или забудетъ примкнуть штыки. Разсказываютъ, что подъ Дашичао Барнаульскій полкъ такъ стремительно пошелъ въ атаку, что японцы не успѣли примкнуть штыковъ и бѣжали“ [2]).

Въ извлеченіяхъ изъ сочиненія профессора капитана Р. Менье о Русско-Японской войнѣ, находимъ цѣнныя замѣчанія по вопросамъ организаціоннымъ и оперативнымъ, а также и боевой дѣятельности пѣхоты и конницы.

---

[1]) Трейеншвертъ, стр. 38.
[2]) Тамъ же, стр. 38.

„Русскіе“, пишетъ Р. Менье, „пользовались окопами, главнымъ образомъ, съ оборонительной цѣлью; японцы же придавали имъ значеніе средства для того, чтобы продвинуться впередъ. У нихъ, по мѣткому выраженію полковника Кивимура, „полевая фортификація являлась средствомъ дать войскамъ возможность отдохнуть во время наступленія“ [1]). Пріемъ замѣчательный. Безъ подобнаго отдыха въ современномъ наступательномъ бою не обойтись.

„Въ теченіе всей кампаніи русскіе перевозили на театръ войны все новыя и новыя части, составленныя наполовину изъ запасныхъ и неимѣющія надежнаго состава начальствующихъ лицъ; а въ то же время части, участвовавшія уже въ бояхъ, не получали укомплектованій“ [2]).

Профессоръ Менье полагаетъ, что, „во всякомъ случаѣ, образъ дѣйствій Куропаткина гораздо меньше обусловливался свойствами его характера, чѣмъ всею совокупностью полученной имъ военной подготовки“.

„Въ этомъ отношеніи весьма поучительными являются указанія, данныя разновременно русскимъ главнокомандующимъ. Они съ одной стороны, такъ сказать, обнажаютъ его душу, а съ другой—проливаютъ свѣтъ на тѣ причины, которымъ бывшій начальникъ штаба Скобелева приписываетъ успѣхи японцевъ и устранить которыя онъ оказывается не въ состояніи“.

„Стратегія и тактика находятся въ такой тѣсной взаимной связи, что армія, пріученная постоянно обороняться тактически, не въ состояніи воспитать начальниковъ въ духѣ наступательныхъ дѣйствій“ [3]).

„Руководящими основаніями для дѣйствій генерала Куропаткина, какъ видно изъ составленныхъ имъ указаній, являются слѣдующія:

---

[1]) Менье, стр. 4.
[2]) Тамъ же, стр. 7.
[3]) Тамъ же, стр. 11.

„Во-первыхъ, онъ считаетъ необходимымъ всегда имѣть сильный резервъ, который называетъ „стратегическимъ“ и который имъ вовсе не расходуется и чаще всего таетъ незамѣтно, не принеся пользы“.

„Въ составъ этого резерва всегда входитъ значительное количество артиллеріи“.

„Во-вторыхъ, генералъ Куропаткинъ постоянно напоминаетъ, что ранѣе, чѣмъ начать какое-либо движеніе или дѣйствіе, необходимо собрать точныя свѣдѣнія о силахъ противника и ихъ расположеніи“.

„Но такъ какъ собрать такія свѣдѣнія чаще всего оказывается невозможнымъ, то и переходъ въ наступленіе можетъ производиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ; кромѣ того, въ силу боязни, что собранныя свѣдѣнія неполны, переходъ этотъ, несомнѣнно, будетъ выполненъ только съ соблюденіемъ величайшей осторожности“ [1]).

Постепенно доходимъ до вывода профессора Менье, весьма для насъ отрадного. Онъ утверждаетъ, что русская армія „несмотря на неудачныя, подчасъ, ея дѣйствія и на ошибки сдѣланными ея начальниками *она не заслужила всѣхъ тѣхъ упрековъ, которыми ее осыпали*“.

„Она выказала замѣчательную выносливость, стойкость подъ огнемъ и способность совершать подвиги“.

„Ей не хватало начальника, который бы вѣрилъ въ свои силы и въ качества арміи, ему порученной“.

„Ея недостатки коренятся въ тѣхъ же причинахъ, которыя тридцать пять лѣтъ тому назадъ чуть не довели Францію до катастрофы, а именно: въ явномъ предпочтеніи пассивной оборонѣ“ [2]).

„Русская артиллерія во многихъ случаяхъ, и въ особенности подъ Дашичао и на Янзелинскомъ перевалѣ, доказала, что она вполнѣ способна поддержать дѣйствія пѣхоты. Но вкоренившаяся у начальства привычка вводить

---

[1]) Менье, стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

батареи послѣдовательно въ дѣло, сохраняя большую ихъ часть въ резервѣ, приводила къ тому, что она всегда оказывалась настолько слабою, что не была въ состояніи выполнить выпадавшую на ея долю задачу, а это чаще всего влекло за собою пораженіе пѣхоты“ [1]).

„Дѣйствія японской пѣхоты въ Манчжуріи представляютъ образецъ дѣйствій, руководствуясь нашимъ (французскимъ) уставомъ изд. 1904 года, но съ болѣе широкимъ примѣненіемъ полевой фортификаціи при наступленіи и съ болѣе частымъ прибѣганіемъ къ ночнымъ дѣйствіямъ“.

„*Этой молодой тактикѣ, приспособленной къ свойствамъ современнаго оружія, русскіе противопоставили устарѣлые пріемы, сводившіе къ нулю героическія усилія солдатъ*“ [2]).

„Какими бы риторическими пріемами ни старались доказать противное, нельзя не признать, что во время русско-японской войны казачья конница оказалась несостоятельною“.

„Однако изъ этого факта ни въ какомъ случаѣ нельзя, къ счастію, сдѣлать вывода о непригодности на войнѣ не только всей конницы вообще, но даже и русской въ частности“.

„Дѣйствительно, прежде всего нужно имѣть въ виду, что казаки—скорѣе ѣздящая пѣхота, чѣмъ кавалерія, въ въ полномъ смыслѣ слова и, что неудовлетворительные результаты ихъ дѣйствій объясняются, главнымъ образомъ, неудачными распоряженіями начальства“.

„Кромѣ того, большая часть казачьихъ полковъ, бывшихъ въ Манчжуріи, принадлежала ко второй и даже третьей очереди и не получила почти никакой подготовки.

„Наконецъ, такъ какъ всѣ учрежденія и лица получали отъ казаковъ вѣстовыхъ, конвойныхъ, посыльныхъ и пр.

---

[1]) Менье стр. 20.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

то наличный составъ полковъ былъ доведенъ до крайне малыхъ цифръ“ [1]).

Нѣтъ никакого разсчета скрывать отъ себя, что всѣ иностранцы остались недовольны нашей конницей, которой многаго недоставало и по части подготовки и въ смыслѣ управленія. Впослѣдствіи мы увидимъ, какимъ нареканіямъ подверглась наша конница отъ насъ самихъ, а потому покуда необходимо воспользоваться обширнымъ матеріаломъ, доставленнымъ иностранцами, начиная съ извлеченія изъ труда австрійскаго капитана графа Врангеля: „Конница въ Восточно-Азіатской войнѣ“.

„Передъ войной“, пишетъ гр. Врангель, „существовала увѣренность, что японская конница, слабая численно и считавшаяся по своимъ достоинствамъ ниже русской, будетъ совершенно разбита. Затѣмъ, русскимъ кавалерійскимъ дивизіямъ не трудно уже будетъ создать серьезнѣйшія затрудненія японскимъ колоннамъ при ихъ вступленіи въ Манчжурскую равнину“.

„То обстоятельство, что въ дѣйствительности обстановка сложилась совершенно иначе, не должно, однако, давать повода къ огульному осужденію всей русской конницы.— Количество конницы на манчжурскомъ театрѣ (подъ Мукденомъ въ распоряженіи ген. Куропаткина было 149 эск. и сотенъ), правда, представляется болѣе чѣмъ достаточнымъ для разрѣшенія выпадающихъ на ея долю задачъ. Однако, едва двѣ трети ея могутъ быть причислены къ настоящей конницѣ. Къ регулярной кавалеріи принадлежали только три драгунскихъ полка, изъ коихъ два (51-й и 52-й) прибыли на театръ войны только въ концѣ іюля 1904 г.

„4-я Донская казачья дивизія вошла въ составъ арміи еще позже, въ концѣ октября 1904 г.“

---

[1]) Менье, стр. 27.

„Оренбургскія, Уральскія и разныя азіатскія казачьи части, составлявшія главную массу русской конницы въ Манчжуріи, болѣе, чѣмъ наполовину, состояли изъ частей второй и третьей очередей. Разочарованіе, вызванное дѣятельностью русской конницы, должно быть большею частью приписано иррегулярнымъ казачьимъ частямъ".

„Пополненіе офицерскаго состава казачьихъ частей значительнымъ числомъ офицеровъ гвардейской кавалеріи не оказало замѣтнаго вліянія на дѣятельность русской конницы. Въ личномъ образованіи, мужествѣ и предпріимчивости у этихъ офицеровъ недостатка не было, но имъ нехватало служебнаго опыта, а главное—пониманія особенностей ихъ новыхъ подчиненныхъ" [1]).

„Крайне недостаточныя пока документальныя данныя о дѣятельности русской конницы позволяютъ, однако, признать, что вина въ недочетахъ этой дѣятельности,—а что таковыхъ было много, не подлежитъ сомнѣнію,—должна быть приписана не одному только высшему начальству, но и самимъ войскамъ" [2]).

Ну, конечно, довольно всю отвѣтственность возлагать на высшее начальство, полезно и на себя посмотрѣть.

„Русской конницѣ приходится защищать себя противъ обвиненія, исходящаго изъ заслуживающаго полнаго вниманія источника. Въ вышедшемъ вскорѣ послѣ сраженія подъ Ляояномъ приказѣ по арміи она обвиняется ген. Куропаткинымъ въ томъ, что „постоянно оставляла его въ невѣдѣніи мѣропріятій и намѣреній (?!) противника" [3]). Мнѣ кажется, что противъ такихъ обвиненій не стоитъ и защищаться. Вѣдь только устарѣлые учебники тактики прошлыхъ временъ могутъ требовать отъ конницы раскрытія намѣреній противника!

---

[1]) Графъ Врангель, стр. 6—7.
[2]) Тамъ же, стр. 8.
[3]) Тамъ же, стр. 9.

„14 февраля, т.-е. на слѣдующій день послѣ начала обходнаго движенія, Кавказской бригадой было установлено присутствіе значительныхъ силъ японской пѣхоты близъ Давана на р. Ляохэ (лѣвый заходящій флангъ Ноги) и о томъ донесено. Точно такъ же и казачьи разъѣзды донесли о занятіи японской конницей Синминтина, вслѣдствіе чего въ этомъ направленіи и была послана бригада ген. Биргера".

„Такимъ образомъ, рѣшительно невозможно возлагать на русскую конницу отвѣтственность за несчастье, вызванное обходной операціей японцевъ" [1]).

„Русская конница могла бы и должна была еще лучше работать. Она должна была раскрыть не только лишь начало марша, а и заблаговременный сборъ арміи Ноги за лѣвымъ флангомъ противника. Слабость непріятельской конницы и малая глубина японскаго расположенія облегчали эту задачу".

„Стратегическая развѣдка съ далеко выдвинутыми развѣдывательными эскадронами и разъѣздами, повидимому, не примѣнялась русскими ни передъ Мукденскимъ сраженіемъ, ни вообще во время послѣдней войны" [2]).

„Не безъ основанія венгерскій ротмистръ Спайсъ въ своемъ трудѣ „Съ казаками по Манчжуріи" (Mit Kosaken durch die Mandlschourei), говоритъ: „Кромѣ военнаго образованія, русской конницѣ прежде всего недоставало твердой рѣшимости пожертвовать собой и въ этомъ заключался, пожалуй, важнѣйшій недостатокъ". Если мы прочтемъ записки Креймана, то увидимъ цѣной какихъ разговоровъ удалось начальнику штаба III корпуса заставить Бредова пожертвовать своей бригадой. Можетъ-быть, и у насъ начальству надо было умѣть разговаривать съ кавалерійскими начальниками.

---

[1]) Графъ Врангель, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр. 10.

„Бездѣйствіе русской конницы въ періодъ длинныхъ перерывовъ въ военныхъ операціяхъ также не свидѣтельствовало о стремленіи къ подвигамъ, которое должно всегда отличать конницу. Ни понесенныя въ трехъ большихъ сраженіяхъ потери, ни какія-либо другія обстоятельства не могли оправдать полной пассивности русской конницы въ сентябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1904 г. и затѣмъ въ апрѣлѣ, іюнѣ и іюлѣ 1905 г.“ [1]).

„Однако, правдивая критика должна признать, что при существовавшей обстановкѣ русской конницѣ было чрезвычайно трудно сыграть активную роль на полѣ сраженія. Да врядъ ли и какая-либо другая европейская конница, придерживаясь основаній нынѣшней кавалерійской тактики, могла бы проявить достойную ея дѣятельность на манчжурскихъ поляхъ сраженій“.

„Каждый разумный кавалеристъ нынѣ вполнѣ сознаетъ, что времена массовыхъ атакъ на пѣхоту, которая находится еще въ рукахъ своихъ начальниковъ, прошли безвозвратно“.

„Съ тѣхъ поръ, какъ современное магазинное ружье, въ союзѣ съ шанцевымъ инструментомъ, господствуетъ на полѣ сраженія, немыслима даже и попытка къ подобной атакѣ“ [2]).

Азіатикусъ въ своей книгѣ „Развѣдка во время Русско-Японской войны“ даетъ яркую картину качествъ и недостатковъ нашей конницы. То и другое рѣдко выдѣляется при сравненіи съ противникомъ и при изученіи частныхъ случаевъ развѣдки.

„Будучи“, говоритъ Азіатикусъ, „въ большинствѣ случаевъ бѣднымъ и малоразвитымъ, русскій народъ чуждъ завоевательной политики и потому не могъ драться съ воодушевленіемъ за дѣло, значенія котораго не понималъ“.

---

[1]) Гр. Врангель, стр. 12.

[2]) Тамъ же, стр. 16.

„Изъ числа офицеровъ—гвардейскіе были прекрасно подготовлены и воплощали собою истыхъ кавалеристовъ. Драгунскіе офицеры — отличались прилежаніемъ, были мало прихотливы и на нихъ ложилась главная масса отвѣтственности и наиболѣе тяжелая работа. Казачьи офицеры—обладали меньшею подготовкою и болѣе узкимъ кругозоромъ, а потому самостоятельныя задачи можно было поручать только старшимъ изъ нихъ".

„Такъ какъ всѣ 3 категоріи офицеровъ находились въ кавалерійскихъ частяхъ и зачастую враждовали между собою, то трудно было ожидать единства въ дѣйствіяхъ второочередныхъ частей".

„Нижніе чины отличались храбростью, стойкостью, выносливостью и способностью переносить трудности походной жизни, но не обладали самостоятельностью и нуждались въ постояннымъ руководительствѣ".

„Въ своихъ сотенныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командирахъ они видѣли не только начальниковъ, но и кормильцевъ, за которыми слѣдовали слѣпо".

„Когда отрядъ терялъ своего начальника, люди не были способны продолжать начатыя дѣйствія, они скучивались и слѣдовали за тѣмъ, кто принималъ на себя командованіе".

„Такъ какъ въ мирное время казаки мало обучались производству развѣдки, а въ частной жизни занимались охотою, то при встрѣчѣ съ противникомъ они хватались за ружья и потому, несмотря на прекрасный конскій составъ и опытныхъ офицеровъ, зачастую не могли выполнить выпадавшую на ихъ долю задачу" [1]).

Разсматривая производство рекогносцировки Ренненкампфа въ окрестностяхъ Саймацзы, Азіатикусъ находитъ, что „ни въ одномъ изъ предыдущихъ предпріятій не было

---

[1]) Азіатикусъ, стр. 2—3.

выказано такого пренебреженія къ развѣдкѣ и охраненію, какъ въ этомъ".

„Несмотря на извѣстную и испытанную уже энергію противника, 8 сотенъ, высланныхъ на развѣдку, направляются въ сомкнутомъ строю къ перевалу, прибывъ къ подножію котораго, онѣ высылаютъ 3 разъѣзда въ составѣ 3-хъ человѣкъ каждый. Затѣмъ, не получивъ никакихъ свѣдѣній о противникѣ, отрядъ располагается бивакомъ на вершинѣ перевала".

„При такихъ уловіяхъ, конечно, ничего кромѣ удачнаго нападенія непріятеля нельзя было и ожидать" [1]).

„Расположившись бивакомъ, не выслали дозоровъ для обыска окружающей мѣстности, и вслѣдствіе этого противникъ могъ подойти, не будучи замѣченнымъ".

„Вслѣдствіе того, что заставы находились всего лишь въ разстояніи 300—600 шаговъ отъ бивака, произошло замѣшательство, поведшее къ отступленію всего отряда" [2]).

„Въ теченіе времени съ 2 апрѣля по 2 мая отрядомъ Ренненкампфа было сдѣлано всего 765 в. Въ среднемъ 25,5 верстъ въ день".

„Немудрено, что люди и лошади, имѣвшіе въ теченіе мѣсяца только три дневки, нуждались въ отдыхѣ".

„Результаты этой усиленной дѣятельности были весьма незначительны, такъ какъ собрать точныхъ свѣдѣній о фынхуанченскомъ отрядѣ не удалось, а проникнуть къ Куандянсяну Ренненкампфъ оказался не въ силахъ" [3]).

Относительно стратегической дѣятельности кавалеріи, Азіатикусъ приходитъ къ заключенію, что „производство стратегическихъ развѣдокъ вначалѣ возлагалось только на казаковъ и драгунъ, которые рѣдко встрѣчали непріятельскую кавалерію, но часто натыкались на пѣхоту, присутствіе которой обнаруживали звуки ружейной стрѣльбы и

---

[1]) и [2]) Азіатикусъ, стр. 35.
[3]) Тамъ же, стр. 39.

потери. Такъ какъ даже значительные конные отряды мало обращали вниманія на подлежащее охраненіе, то столкновенія съ противникомъ пріобрѣтали характеръ неожиданности и обыкновенно оканчивались отказомъ русскихъ отъ активныхъ дѣйствій и отступленіемъ, при чемъ опредѣлить силы противника удавалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ. На всякой мѣстности и при всякой обстановкѣ казакамъ приказывали спѣшиваться и имъ ни разу не удалось прорвать въ конномъ строю линію охраненія непріятеля. Все это взятое вмѣстѣ вынудило формировать смѣшанные отряды, которые, однако, увлекаясь боемъ, не обращали надлежащаго вниманія на развѣдку [1]).

„Дѣйствуя по пересѣченной мѣстности и въ суровое время года, казаки не могли извлечь надлежащей пользы изъ своей подвижности и старались, пользуясь выносливостью своихъ лошадей, пройти возможно большее разстояніе. Невозможность большому числу сотенъ развернуться на узкихъ долинахъ влекла за собою большія потери и дурно вліяла на духъ людей, такъ какъ скученныя части безцѣльно подвергались огню противника. Частая встрѣча съ пѣхотой заставила казаковъ прибѣгать къ спѣшиванію даже при столкновеніяхъ съ кавалеріей. Наконецъ, стремленіе быть всегда и вездѣ сильнѣе японцевъ, въ связи съ плохимъ составомъ унтеръ-офицеровъ, повело къ тому, что на развѣдку стали высылать цѣлыя сотни, которыя, однако, оказались слишкомъ неповоротливыми для дѣйствій въ узкихъ горныхъ долинахъ. Вслѣдствіе этого Ренненкампфъ пытается создать искусныхъ развѣдчиковъ путемъ вызова желающихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ“ [2]).

Я заслужилъ бы правильный упрекъ въ неполнотѣ изслѣдованія, если бы не познакомилъ читателя съ трудомъ ген.-лейт. германской службы Пелле Нарбонна („Поучитель-

---

[1]) Азіатикусъ, стр. 57.
[2]) Тамъ же, стр. 57—85.

ность для кавалеріи войны въ Манчжуріи“). Къ мнѣнію этого автора, завоевавшаго себѣ извѣстность въ европейской военной литературѣ, намъ не мѣшаетъ прислушаться съ особымъ вниманіемъ.

„Русская кавалерія“, пишетъ Пелле Нарбонъ, „какъ извѣстно, состояла почти исключительно изъ казаковъ; драгунскихъ полковъ въ арміи имѣлось только три, которые ни въ чемъ не проявляли своей дѣятельности и потому могутъ быть оставлены безъ вниманія. Что же касается казачьихъ частей, то даже къ лучшимъ изъ нихъ нельзя прикладывать масштабъ, принятый для европейской кавалеріи“.

„За послѣднее время казачество находится въ упадкѣ. Причину этого явленія нужно искать въ увеличеніи числа казаковъ и въ постоянныхъ раздѣлахъ, вслѣдствіе которыхъ казакамъ становится труднымъ содержать себя. Нѣкоторыя изъ казачьихъ войскъ совершенно утратили воинскій духъ и коневодство у нихъ разстроилось. Къ положительнымъ качествамъ казаковъ нужно отнести выносливость, неприхотливость, способность къ стрѣльбѣ и къ оріентировкѣ; отрицательныя же ихъ качества составляютъ: вороватость, лживость и отсутствіе любви къ лошади, вслѣдствіе чего они, не стѣсняясь, перегружаютъ ее на походѣ, не разсѣдлываютъ во время остановокъ и набиваютъ ей спину“ [1]). Я даю мѣсто этому суровому приговору иностранца, который и самъ указываетъ на источникъ, изъ котораго почерпнулъ фактическій матеріалъ изслѣдованія. Этимъ источникомъ служила книга Спайса „Съ казаками въ Манчжуріи“. Военная литература достаточно знакома съ этимъ талантливымъ произведеніемъ, страдающимъ, однако, крупнымъ недостаткомъ: нескрываемой враждебностью ко всему русскому.

„Совершенно особымъ видомъ атаки у казаковъ является лава. Во всякомъ случаѣ, казаковъ нельзя сравнивать съ европейскою кавалеріею. Этотъ взглядъ какъ бы подтвер-

[1]) Пелле Нарбоннъ, стр. 8—9.

ждается мнѣніемъ, высказаннымъ командиромъ Читинскаго казачьяго полка одному изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ, что казакамъ нельзя придавать серьезнаго военнаго значенія. Русскій военный корреспондентъ Красновъ, самъ казакъ, отзывается неодобрительно о забайкальскихъ казакахъ, треть которыхъ была плохо подготовлена и слишкомъ молода. Это говорится о первоочередныхъ частяхъ, а потому надо полагать, что полки второй и третьей очередей были еще хуже, такъ какъ въ нихъ почти совершенно не было дѣльныхъ офицеровъ“ [1]).

„Нельзя, впрочемъ, не упомянуть, что по своему характеру русскіе вообще мало пригодны для службы въ кавалеріи. Отличаясь героическою храбростью при оборонѣ, они, вообще говоря, медлительны, недостаточно энергичны и нерѣшительны“ [2]) Кто же станетъ разубѣждать автора въ его взглядахъ на русскихъ людей вообще. Это его личное дѣло, а вотъ писать о непригодности русскихъ къ службѣ въ кавалеріи военному изслѣдователю рискованно, потому что можетъ привести къ упреку въ недостаточномъ знакомствѣ съ русской военной исторіей.

„Самымъ серьезнымъ обвиненіемъ русской конницы является то, что, помимо недостаточной подготовки, она не сумѣла принести себя въ жертву общему дѣлу; это обвиненіе было ей предъявлено Куропаткинымъ, вслѣдъ за войною 1877—1878 года. Послѣ же первыхъ боевыхъ столкновеній въ Манчжуріи тотъ же Куропаткинъ, будучи главнокомандующимъ, писалъ:

„Хотя наши развѣдывательные отряды достигаютъ силы въ одну или даже нѣсколько сотенъ, ихъ зачастую останавливаетъ десятокъ японскихъ пѣхотинцевъ. Въ такихъ случаяхъ необходимо спѣшиваться и прогнать непріятеля огнемъ. Будь у казаковъ болѣе воинственный духъ, они атаковали бы противника въ шашки“.

---

[1]) и [2]) Пелле Нарбоннъ, стр. 9.

„Если, однако, взглянуть на событія войны совершенно безпристрастно, то невольно приходишь къ заключенію, что осужденіе, высказанное Куропаткинымъ, не вполнѣ заслужено казаками. По отзыву всѣхъ участниковъ войны, духъ ихъ былъ не дуренъ, причину недочетовъ нужно искать въ ихъ особенностяхъ и въ неудачномъ подборѣ командnаго состава. Находись во главѣ ихъ другіе начальники, результаты ихъ дѣятельности были бы иные“ [1]).

„Кавалерія не входила въ составъ пѣхотныхъ дивизій, гдѣ ее должны были замѣнить конно-охотничьи команды, являющіяся особенностью русской арміи“ [2]).

„Русскіе, очевидно, желали напасть на японцевъ врасплохъ, но вмѣсто этого сами были атакованы неожиданно. Объясняется это неудачными дѣйствіями ихъ выдвинутыхъ впередъ сотенъ, которыя, вѣроятно, уклонились въ сторону; невысылкою головныхъ разъѣздовъ и позднимъ выступленіемъ, т.-е. ошибками, которыя часто повторялись ими впослѣдствіи. Разъ начальникъ русскаго развѣдывательнаго отряда остановился передъ Чончжу, то самая цѣль его предпріятія отошла на второй планъ и онъ уже не могъ продолжать развѣдку. Ни одна изъ сторонъ не выказала склонности къ дѣйствіямъ холоднымъ оружіемъ“ [3]).

„Послѣ этого произошло сраженіе на Ялу, выигранное японцами благодаря тому, что имъ въ ночь съ 17 (30) апрѣля на 18-е (1 мая) удалось переправиться черезъ рѣку и обойти лѣвый флангъ русскихъ. Несмотря на то, что на этомъ флангѣ находилось три сотни Уссурійскихъ казаковъ, о переправѣ донесено не было. Сотни эти отошли въ сѣверномъ направленіи и только по стуку колесъ русскіе узнали, что они обойдены“ [4]).

---

1) Пелле Нарбоннъ, стр. 10.
2) Тамъ же, стр. 11—12.
3) Тамъ же, стр. 13—14.
4) Тамъ же, стр. 14.

„Какъ младшіе начальники, такъ и казаки не были подготовлены къ несенію сторожевой и развѣдывательной службы. Этимъ объясняются частыя нечаянныя нападенія и сборъ свѣдѣній почти исключительно при посредствѣ китайскихъ лазутчиковъ. Однако, въ видахъ справедливости, нельзя не упомянуть о тѣхъ необычайныхъ трудностяхъ, которыя представляла мѣстность. Казаки, способные быстро спѣшиваться, безспорно, могли легче преодолѣть эти трудности, *чѣмъ любая европейская кавалерія.* Задача, рѣшить которую выпало на ихъ долю, надо сознаться, оказалась бы непосильною для европейской кавалеріи“ [1]).

„Повидимому, въ силу наличности коноводовъ, стѣсняющихъ дѣйствія кавалеріи въ пѣшемъ строю, она никогда не будетъ въ состояніи вести стрѣлковый бой съ такимъ же упорствомъ, какъ пѣхота. Придача ей пулеметовъ, безспорно, усилила бы ее или могла бы зачастую имѣть рѣшающее значеніе. Въ общемъ же, въ такой гористой странѣ, какъ восточная часть Манчжуріи, роль кавалеріи сводится только къ возстановленію соприкосновенія съ противникомъ; веденіе же рекогносцировочныхъ боевъ должно возлагаться на пѣхоту, слѣдующую за конницею въ близкомъ разстояніи“.

„Къ такому образу дѣйствій съ успѣхомъ прибѣгали японцы“.

„Во время самаго боя русскіе прекращали развѣдку, какъ бы не уясняя себѣ ея цѣли. Попытки прокрасться сквозь цѣпь передовыхъ постовъ, какъ уже было упомянуто, не удались; повидимому, результатъ былъ бы иной, если бы онѣ предпринимались во время боя, когда вниманіе противника, естественно, отвлечено въ другую сторону“ [2]).

---

[1]) Пелле Нарбоннъ, стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 19.

„Нельзя не обратить вниманія на то, что безусловно храбрый и пользовавшійся въ арміи заслуженною прекрасною репутаціею генералъ Мищенко въ данномъ случаѣ не проявилъ кавалерійскихъ способностей. Весьма возможно, что причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что онъ до послѣдняго назначенія передъ войною служилъ въ артиллеріи. Приходится постоянно убѣждаться, что выдающійся кавалерійскій начальникъ долженъ обладать особыми способностями и рѣшимостью въ случаѣ надобности „сжечь свои корабли". Изъ тѣхъ качествъ, которыми обладалъ Стюартъ, у Мищенки была налицо только личная храбрость. Впрочемъ, какъ видно изъ разсмотрѣнія второго набѣга, предпринятаго въ маѣ 1905 года, незадолго до заключенія мира, его способности постепенно развивались".

„Во время этого набѣга въ составъ его отряда входили 45 сотенъ, 6 орудій и два пулемета. Ему было приказано обойти лѣвую группу японскихъ армій съ тыла, развѣдать ея расположеніе и произвести возможно болѣе серьезныя разрушенія. Обходя сильныя непріятельскія позиціи, заслоняясь огнемъ отъ слабыхъ отрядовъ и атакуя отступающихъ, отряду удалось 3 (15) мая прорвать передовое расположеніе японцевъ, произвести многочисленныя разрушенія и продвинуться къ Ляохэ въ 80-ти верстахъ у нихъ въ тылу. Набѣгъ далъ весьма серьезные результаты, такъ какъ выяснилъ все расположеніе японцевъ. Кромѣ того, имъ былъ нанесенъ весьма существенный матеріальный вредъ: 2 роты были уничтожены, взяты два пулемета и 234 человѣка плѣнныхъ" [1]).

„Послѣ современныхъ боевъ, продолжающихся въ теченіе нѣсколькихъ дней, даже такія устойчивыя и храбрыя войска, какъ русскія, могутъ подвергнуться паникѣ при одномъ появленіи кавалеріи, а послѣдняя даетъ ей

[1]) Пелле Нарбоннъ, стр. 38—39.

возможность превратить отступленіе въ бѣгство и полное уничтоженіе“ [1]).

Капитанъ Винцентъ, помощникъ Гамильтона, въ своемъ сообщеніи характеризуетъ боевую работу нашей артиллеріи, которой онъ отдаетъ должную справедливость.

„Бой 11 іюля у Дашичао былъ тяжелымъ днемъ для японской артиллеріи; здѣсь 5 русскихъ батарей (40 орудій) успѣшно боролись съ 7 артиллерійскими полками, или 252 орудіями непріятеля“ [2]).

„Въ Ляоянскомъ сраженіи русская артиллерія была очень искусно расположена на хорошо укрѣпленныхъ, укрытыхъ позиціяхъ. Тѣ батареи, которыя находились противъ арміи Куроки на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ, не имѣя заблаговременно возведенныхъ укрѣпленій, укрывались въ гаолянѣ. Всѣ русскія батареи, находившіяся на южномъ фронтѣ, пользовались почти исключительно наводкой по вспомогательной точкѣ. 17 и 18 августа я находился на удобной для наблюденія, самой высокой горѣ восточнѣе Ляояна и хорошо видѣлъ всѣ русскія батареи, находившіяся противъ 2-й и 4-й японскихъ армій. Японской артиллеріи этихъ армій, стоявшей на низкихъ мѣстахъ, стоило большихъ трудовъ обнаружить расположеніе русскихъ орудій“ [3]).

„Въ сраженіи на р. Шахэ въ октябрѣ 1904 года, когда гаолянъ былъ снятъ и мѣстность была открыта, всегда можно было видѣть блескъ орудійныхъ выстрѣловъ или пыль, поднимаемую ими. Русскіе быстро сообразили это и старались отвлечь вниманіе непріятеля отъ мѣста расположенія своихъ орудій ложными вспышками; эта хитрость была вскорѣ перенята японцами, но, въ сущности, никого надолго не вводила въ забужденіе“ [4]).

---

[1]) Пелле Нарбонъ, стр. 40.
[2]) Винцентъ, стр. 16.
[3]) Тамъ же, стр. 17.
[4]) Тамъ же, стр. 20.

„Въ первые дни Мукденскаго сраженія артиллерійскіе бои отличались своеобразнымъ характеромъ, въ виду того, что обѣ стороны имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлую зиму для того, чтобы приготовиться къ великой битвѣ, которая должна была произойти весной“ [1]).

„Русскіе вели пристрѣлку дистанціонной шрапнелью и въ общемъ весьма успѣшно, хотя бывали любопытные случаи, когда они безуспѣшно расходовали для этого сотни пудовъ огнестрѣльныхъ припасовъ, тогда какъ нѣсколько ударныхъ снарядовъ дали бы имъ возможность быстро пристрѣляться“ [2]).

„Если въ общемъ дѣйствительность артиллерійскаго огня разочаровала насъ, то такое же разочарованіе мы должны чувствовать и по отношенію задерживающей силы ружейнаго огня. Мѣткость ружейнаго огня русскихъ была ниже средняго уровня мѣткости стрѣльбы европейскихъ армій, но русская пѣхота была мужественна и покидала свои укрѣпленія только тогда, когда ее выбивали оттуда штыками. Эта война убѣдила меня въ томъ, что рѣшительная пѣхота можетъ наступать на открытой мѣстности подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, съ интервалами въ цѣпяхъ между людьми не болѣе 2—3 шаговъ“ [3]).

Въ заключеніе приведу сказаніе еще одного иностранца—уже извѣстнаго намъ капитана Кюльмана. Онъ останавливается на вопросѣ о причинѣ громадныхъ потерь, понесенныхъ и нами и японцами. Послушаемъ, что Кюльманъ говоритъ по этому поводу.

„Всѣ бои, въ которыхъ участвовали русскіе, всегда отличались чрезвычайною кровопролитностью и сами они всегда несли большія потери (Цорндорфъ—37,1%; Эйлау—32,5%; Бородино—41,3%; Плевна—28%; 22,5%; 19,4%).

---

[1]) Винцентъ, стр. 20.
[2]) Тамъ же, стр. 21.
[3]) Тамъ же, стр. 37—28.

Поэтому нечего удивляться, что то же самое повторилось въ Манчжуріи" [1]).

„Въ Манчжуріи какъ русскіе, такъ и японцы проявили поразительную выносливость и выходящую изъ ряда стойкость, но начальники ихъ не обладали способностью добиться успѣха съ наименьшимъ количествомъ жертвъ. Желая возможно полнѣе выяснить обстановку, Куропаткинъ не двигался съ мѣста, оборонялся, запаздывалъ, переходя къ активнымъ дѣйствіямъ, и, въ концѣ-концовъ, оказывался вынужденнымъ отступать. Ойямѣ не удается надлежащимъ образомъ сгруппировать свои силы: пытаясь атаковать сперва съ фронта, а затѣмъ съ фланга, онъ каждый разъ натыкается на сильныя укрѣпленія, о которыя разбиваются его атаки, и, въ концѣ-концовъ, бой принимаетъ характеръ кровопролитнаго, фронтальнаго столкновенія, веденнаго съ дикою настойчивостью. Въ общемъ бои эти по своей формѣ напоминаютъ сраженія временъ Фридриха Великаго, и такъ же, какъ тогда, войска несутъ весьма большія потери" [2]).

„Въ прежнее время на моральную сторону войскъ болѣе всего дѣйствовала угроза штыкового удара сомкнутою массою и серьезныя потери начинались послѣ сближенія съ противникомъ, а потому войска до конца сохраняли большую свѣжесть духа, и поколебать послѣдній было труднѣе. Поэтому они могли вынести болѣе значительныя потери.

„Въ настоящее время потери начинаются съ гораздо болѣе дальнихъ дистанцій, проходить которыя приходится въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Между тѣмъ, повидимому, легче перенести болѣе серьезную опасность, продолжавшуюся недолго, чѣмъ находиться въ теченіе долгихъ часовъ лицомъ къ лицу даже съ меньшимъ рискомъ, но постоянно видѣть убитыхъ и раненыхъ" [3]).

[1]) Кюльманъ, стр. 6.
[2]) Тамъ же, стр. 7.
[3]) Тамъ же, стр. 25.

„Современный бездымный порохъ также не можетъ не дѣйствовать вредно на духъ войскъ, такъ какъ теперь всѣ ужасы поля сраженія не окутаны густымъ дымомъ“ [1]).

„Численно слабѣйшая русская артиллерія систематически выдѣляла часть батарей въ резервъ и, не имѣя щитовъ, отказалась отъ маневрированія, оставаясь неподвижно въ вырытыхъ окопахъ. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ бою подъ Дашичао ей пришлось бороться съ не вдвое, а вчетверо сильнѣйшимъ противникомъ. Затѣмъ, не взирая на превосходство ея матеріальной части, она примѣняла всевозможныя средства, чтобы уменьшить свои потери, а именно: располагалась на далекихъ разстояніяхъ, пользовалась закрытыми позиціями, окапывалась, увеличивала интервалы между орудіями и пр. Благодаря всѣмъ этимъ средствамъ, она достигла того, что потери ея были незначительны, но зато пострадали и результаты ея дѣйствій“ [2]).

---

[1]) Кюльманъ, стр. 25.
[2]) Тамъ же, стр. 38.

VIII.

Борьба за Портъ-Артуръ.

Грандіозная борьба за Портъ-Артуръ невольно вызвала удивленіе и восхищеніе всего цивилизованнаго міра: не только наши враги—японцы, но никто въ Европѣ не предполагалъ, что недостроенная крѣпость могла дать такой неслыханный отпоръ осаждающему. Всѣ предполагали, что борьба на Квантунскомъ полуостровѣ недолго протянется, что это театръ совсѣмъ второстепенный и неинтересный. Естественнымъ послѣдствіемъ такого мнѣнія было малое количество иностранныхъ военныхъ агентовъ и корреспондентовъ при арміи Ноги и полнѣйшее отсутствіе ихъ въ осажденной крѣпости.

Находившіеся при осаждающей арміи, большею частью англичане, естественно, писали, главнымъ образомъ, о дѣйствіяхъ японцевъ; вотъ почему въ иностранной военной литературѣ нѣтъ подробнаго описанія дѣйствій гарнизона. Англійскіе корреспонденты, какъ представители союзной Японіи державы, восторженно отзываются о дѣйствіяхъ генерала Ноги и съ явнымъ недоброжелательствомъ говорятъ о русскихъ, признавая японскую армію самой лучшей въ мірѣ (конечно, за исключеніемъ англійской), а японцевъ—наикультурнѣйшей націей.

Но даже у нихъ, при видѣ отбитыхъ ужасныхъ штурмовъ, невольно прорывается чувство справедливости, и они отдаютъ дань удивленія храброму гарнизону, съ мужествомъ и упорствомъ встрѣчавшему бѣшеныя атаки врага. Даже такой ненавистникъ Россіи, какъ талантливый Эллисъ

Ашмедъ Бартлетъ, и тотъ говоритъ: „Солдаты Россіи и Японіи исполняли доблестно свое назначеніе въ теченіе всей осады Портъ-Артура; они выказали прекрасныя качества при самой тяжелой обстановкѣ. Вниманіе міра болѣе привлекаетъ побѣдитель, чѣмъ побѣжденный, но было бы гнусно не уравнять вызывающія величайшее восхищеніе достоинства этихъ двухъ народовъ“ (стр. 480).

Несмотря на пристрастіе англичанъ, надо отдать должное ихъ наблюдательности, и лучшимъ описаніемъ осады Портъ-Артура признать сочиненіе г-на Бартлета.

Изъ писателей другихъ національностей болѣе выдѣляется французъ де-Грандпре, который спокойно и безпристрастно разбираетъ всѣ эпизоды осады.

Остальныя сочиненія представляютъ собою, въ большинствѣ случаевъ, компиляціи, по преимуществу изъ русскихъ источниковъ, а потому большого интереса не представляютъ.

Наконецъ, въ послѣднее время появился переводъ краткаго описанія осады, которое составлено бывшимъ начальникомъ штаба японской крѣпости Портъ-Артуръ—генераломъ Каміо, какъ путеводитель по фортамъ и укрѣпленіямъ бывшей крѣпости. Въ этомъ сочиненіи всѣ событія изложены кратко и сухо, безъ всякихъ прикрасъ, отдавая должное обѣимъ сторонамъ.

Читая эти немногія произведенія иностранцевъ, зачастую весьма картинно изложенныя, какъ, напримѣръ, у Бартлета, невольно проникаешься уваженіемъ къ величію духа русскаго солдата!

Качества будущихъ защитниковъ крѣпости проявились еще до начала осады, въ бою у Цзиньчжоу. Вотъ что говоритъ по поводу этого боя Грандпре:

„13 (26) мая произошло одно изъ самыхъ ужасныхъ сраженій этой войны. Пользуясь численнымъ превосход-

ствомъ, Оку атаковалъ съ фронта 1 дивизіей, тогда какъ 3 дивизія охватывала правый флангъ русскихъ, а 4 дивизія—лѣвый ихъ флангъ“ [1]).

„Во время боя при Цзиньчжоу (Наньшань) наблюдалось оригинальное явленіе—участіе въ бою русскаго и японскихъ миноносцевъ. Русскій миноносецъ въ заливѣ Хунуэза (Hand) чуть не сдѣлался причиной пораженія японцевъ, тогда какъ три японскихъ миноносца въ Цзиньчжоуской бухтѣ, дѣйствительно, вызвали пораженіе русскихъ, въ то время, когда всѣ остальныя дѣйствія японцевъ не имѣли успѣха“.

„Было условлено, что три японскихъ миноносца, которые должны были поддержать атаку сухопутной арміи, будутъ находиться въ Цзиньчжоуской бухтѣ къ 4 часамъ утра 13 (26) мая, но по нѣкоторымъ причинамъ они не показывались до 9 часовъ утра. Это опозданіе миноносцевъ, а также выдвинутыя впередъ русскія траншеи отсрочили японскую атаку на главную позицію до начала 11 час. утра. Подъ прикрытіемъ страшнаго артиллерійскаго огня японскихъ орудій, расположенныхъ за закрытіями по линіи, идущей сѣвернѣе бухты Хунуэза (Hand) къ гор. Цзинчжоу въ разстояніи 4000—7000 ярдъ ($3^1/_2$—6 вер.) отъ русской позиціи, 1-я дивизія повела фронтальную атаку на восточный участокъ позиціи. Атака эта, встрѣченная сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ защитниковъ, совершенно не удалась и дивизія отошла на нѣкоторое разстояніе назадъ. 2 роты, бросившіяся на траншею, были совершенно сметены; ни одинъ человѣкъ не уцѣлѣлъ. Послѣ этого 1-я дивизія оставалась всю остальную часть дня на той же позиціи, у подножія высотъ, къ востоку отъ русскихъ позицій. Невозможно было продвинуться впередъ, въ виду ужасающаго артиллерійскаго и ружейнаго огня. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ продвинуться впередъ

[1]) Грандпре, стр. 20.

небольшими кучками отчаянныхъ смѣльчаковъ, но всѣ эти попытки были обречены на неудачу".

„Теперь наступила очередь второй японской дивизіи, которая должна была попытаться продвинуться къ югу, въ обходъ русской позиціи. Если бъ только этой дивизіи удалось пересѣчь перешеекъ полуострова Ляодуна и повернуть затѣмъ направо, вдоль линіи желѣзной дороги, она оказалась бы въ тылу расположенія русскихъ и судьба боя была бы рѣшена".

„2-я дивизія, хорошо руководимая, удачно наступала сѣвернѣе бухты Хунуэза, но затѣмъ она была остановлена ужаснымъ огнемъ русскаго миноносца (канонерской лодки „Бобръ"), стоявшаго въ бухтѣ. Это судно давало залпъ за залпомъ изъ своихъ многочисленныхъ скорострѣльныхъ орудій, число которыхъ для этого случая было значительно увеличено, по головнымъ частямъ наступавшей японской линіи, нарушая ея построеніе и сдерживая ея дальнѣйшее движеніе. Часть 2-й дивизіи, отдѣлившись отъ остальныхъ, нашла укрытіе отъ огня подъ склонами высотъ, гдѣ и задержалась".

„Атака 1-й дивизіи на центръ потерпѣла полную неудачу; обходное движеніе 2-й дивизіи къ югу чуть не окончилось пораженіемъ, и всѣ надежды японскаго командующаго арміей сосредоточились на обходномъ движеніи съ сѣвера 4-й дивизіи, еще рано утромъ направленной для этой цѣли. Почва здѣсь была болѣе благопріятна, чѣмъ тамъ, гдѣ наступала 2-я дивизія, и тутъ огонь своихъ миноносцевъ поддерживалъ японцевъ, тогда какъ на лѣвомъ флангѣ непріятельскій миноносецъ препятствовалъ движенію 2-й дивизіи".

„**Этотъ однодневный бой стоилъ японцамъ болѣе 5000 человѣкъ.** Попавшій въ плѣнъ унтеръ-офицеръ показалъ, что его рота—8-я рота 5-го Восточно-Сибирскаго полка—была расположена въ наиболѣе выдвинутомъ впередъ окопѣ, на

восточной сторонѣ, противъ 1-й дивизіи; къ началу дѣла въ ротѣ было 250 человѣкъ, а вечеромъ на перекличкѣ оказалось только 26 человѣкъ“ [1]).

Русскіе потеряли около 1200 человѣкъ, что составляетъ около 40% наличнаго состава защитниковъ позиціи.

„Съ обѣихъ сторонъ „говоритъ Грандпре,“ было замѣтно одинаковое ожесточеніе. Девять штурмовъ было отбито, пока не сошлись грудь съ грудью.“

„Очень восхваляютъ совмѣстныя дѣйствія сухопутныхъ и морскихъ силъ японцевъ, порывъ и отвагу ихъ пѣхоты. **Сопротивленіе русскихъ, принимая во вниманіе ихъ численную слабость, не менѣе замѣчательно**“. [2])

Однимъ изъ слѣдствій Цзинчжусскаго боя было поспѣшное очищеніе русскими города Дальнаго, а боевыя дѣйствія перешли къ борьбѣ за мѣстность, лежащую впереди крѣпости.

Уступивъ Хуинсанъ послѣ упорнаго боя въ теченія цѣлаго дня, русскіе нѣсколько разъ пытались вернуть эту важную для нихъ высоту, но не имѣли успѣха. Особенно настойчива была атака въ ночь съ 20 на 21 Іюня. Русскіе **„выполнили при этомъ почти невѣроятную задачу**, за что получили похвалу отъ своихъ противниковъ; они взобрались по крутымъ склонамъ Хуинсана никѣмъ не наблюдаемымъ, и достигли траншей ранѣе, чѣмъ ихъ замѣтили. Произошла отчаянная рукопашная схватка въ траншеяхъ; съ обѣихъ сторонъ были пущены въ дѣло холодное оружіе, штыки, приклады и даже камни. Нѣкоторое время исходъ этого кроваваго столкновенія оставался неопредѣленнымъ, но у японцевъ было преимущество—они сражались за хорошими окопами“. [3])

---

[1]) Бартлетъ, стр. 20—25.
[2]) Грандпре, стр. 21.
[3]) Бартлетъ, стр. 33.

„Все-же квантунскому отряду атаками съ 20 по 23 іюня удалось вернуть незначительную часть позицій, но главная цѣль всѣхъ атакъ—важная по своему значенію гора Кіеншань (Хуинсанъ) оставалась въ рукахъ японцевъ. **Активный энергичный образъ дѣйствій русскихъ, особенно на южномъ флангѣ, которымъ командовалъ г.-м. Кондратенко**, не смотря на незначительный успѣхъ, котораго они добились, тѣмъ не менѣе **служилъ доказательствомъ того, что способность сопротивленія квантунскаго отряда не поколебалась отъ неудачъ** 13 мая (Цзинчжоу) и 13 іюня (Кіеншань)“ [1]).

13 Іюля генералъ Ноги повелъ наступленіе на укрѣпленную позицію русскихъ. Между 9 и 10 часами утра артиллерія обѣихъ армій вступила въ бой. Въ теченіе дня японская пѣхота упорно, хотя и нѣсколько медленно, подвигалась впередъ, а къ вечеру подошла вплотную къ подножію высотъ, на которыхъ окопались русскіе. Въ эту-же ночь японцы по всей линіи повели атаку, которая повсюду была отбита; ни одной пяди земли они больше не выиграли.

Утромъ 14 Іюля артиллерія обѣихъ сторонъ начала перестрѣлку. Японцы сосредоточили свой огонь на горѣ Юпилазѣ.

„Едва ли когда-нибудь“, говоритъ Бертлетъ, „на какой либо вершинѣ, былъ сосредоточенъ болѣе сильный артиллерійскій огонь. Легко понять, какъ жестоко должна была страдать отъ этого огня русская пѣхота, несмотря на самыя усовершенствованныя землянныя закрытія. **На вершинахъ холмовъ, по обѣ стороны перевала, шрапнельныя пули лежали такъ густо, какъ горохъ; на каждый квадратный футъ ихъ приходилось нѣсколько дюжинъ, а на пространствѣ, шириной и длиной не болѣе вытянутой руки, можно было наполнить пулями пустой снарядъ**“ [2]).

---

[1]) Борьба за Портъ-Артуръ. Штреффлеръ. Переводъ ф.-Шварца и Романовскаго. Стр. 66—67.

[2]) Бартлетъ стр. 35 и 36.

„Въ теченіе дня японцы начали взбираться по нижнимъ склонамъ горы Юпилазы (Оджикишань), очень крутымъ и совершенно открытымъ. Русскіе не рѣшались выставлять головы изъ-за бруствера, ибо градъ шрапнели ни на одну минуту не прекращался. По достиженіи японцами первыхъ окоповъ, произошла отчаянная рукопашная схватка за обладаніе ими. **Русская пѣхота, несмотря не героическія старанія своихъ офицеровъ**, была сбита вверхъ по высотѣ въ траншеи, расположенныя на вершинѣ, изъ которыхъ ихъ не могъ выбить даже сосредоточенный огонь всѣхъ орудій".

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скаты горы были совершенно отвѣсны. Здѣсь японцы находили закрытіе, становились спиной къ скалѣ и стрѣляли вверхъ черезъ голову; русскіе, замѣтивъ, что не могутъ достать врага, укрывающагося такимъ образомъ, начали спускать веревки и старались захватить петлей японскихъ солдатъ, чтобы расправиться съ ними, вытащивъ ихъ изъ-за закрытія. По всей линіи примѣнялась эта новая форма боя. **Тысячи мелкихъ фактовъ частной иниціативы и храбрости, которые никому, кромѣ участниковъ, извѣстны не будутъ, дѣлаютъ этотъ день однимъ изъ наиболѣе своеобразныхъ и замѣчательныхъ въ современной военной исторіи".**

Послѣ взятія нижнихъ склоновъ Юпилазы (Оджикишань) японцы не могли продвинуться дальше; стрѣльба продолжалась до наступленія ночи, но относительное положеніе обѣихъ сторонъ осталось безъ перемѣнъ [1]).

Въ своемъ оффиціальномъ донесеніи генералъ Ноги описываетъ это сраженіе слѣдующимъ образомъ. „Непріятель прекратилъ стрѣльбу и позволилъ приблизиться атакующей пѣхотѣ, чтобы затѣмъ встрѣтить ее убійственнымъ огнемъ. Подъемъ на крутые склоны былъ чрезвычайно труденъ; наши атаки не имѣли никакого успѣха. Только въ 3 часа пополудни удалось нашей пѣхотѣ съ крайней затратой

[1]) Бартлетъ, стр. 36—37.

силъ и подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня занять часть этихъ высотъ, при отчаянномъ сопротивленіи врага и фланговомъ огнѣ его ближайшихъ позицій штурмъ вершины горы былъ до солнечнаго заката невозможнымъ".

„Пространство, на которое еще оставалось взобраться, было такъ круто, что стрѣлять изъ ружей японцамъ не имѣло больше никакого смысла и русскіе, съ своей стороны, вмѣсто стрѣльбы, начали скатывать внизъ на японцевъ, которые мѣстами находились отъ нихъ только на разстояніи 25 метровъ, тяжелыя каменныя глыбы. До наступленія сумерокъ японская артиллерія обстрѣливала русскія позиціи на вершинѣ Юпилазы. Подъ покровомъ темноты японская пѣхота около 2 час. ночи двинулась на послѣдній штурмъ; на этотъ разъ ей удалось послѣ кровопролитной рукопашной схватки ворваться въ русскіе стрѣлковые окопы и удержаться въ нихъ, несмотря на фланговый огонь сосѣднихъ позицій, еще занятыхъ русскими" [1]).

Японцы прорвали правый флангъ русскихъ, вслѣдствіе чего послѣдніе рѣшили бросить всю линію и отступить.

„**Очень медленно и угрюмо отступала упорная русская пѣхота, подбирая своихъ убитыхъ и раненыхъ; безъ малѣйшаго признака безпорядка или дезорганизаціи она оставила траншеи на Юпилазѣ** (Оджикишань) и перевалъ Шинлинцзы (Антцулинъ) и отошла назадъ къ Портъ-Артуру, занявъ болѣе близкую къ нему позицію".

Въ рядѣ боевъ, происходившихъ непрерывно, въ теченіе трехъ дней, съ 13 (26) по 15 (28) іюля японцы потеряли болѣе 6 тыс. убитыхъ и раненыхъ [2]), русскіе, 900 человѣкъ.

---

[1]) Штрефлеръ, стр. 72—73.
[2]) Бартлетъ, стр. 39.

На линіи Дагушаня и Волчьихъ горъ гарнизонъ крѣпости рѣшилъ вновь дать отпоръ. Въ ночь на 17 (30) іюля японцы начали наступленіе на эту позицію и въ 4 часа утра внезапно атаковали выдвинутыя на лѣвомъ флангѣ части 7-й дивизіи, которыя принуждены были отступить [1]), удержавъ только нѣсколько передовыхъ позицій на флангахъ.

Въ ночь на 25 іюля (7 августа) четыре полка японцевъ одновременно атаковали Дагушань, но дождь и туманъ заставили ихъ отступить къ подошвѣ высоты [2]). Овладѣть же Дагушанемъ противнику удалось только вечеромъ.

Въ ночь на 27 іюля (8 августа) японцы начали наступленіе на сосѣдній Сяогушань. Только на разсвѣтѣ, послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ штурмовъ, японцамъ удалось здѣсь укрѣпиться, но верхняя часть позиціи все еще оставалась въ рукахъ русскихъ. „Всѣ попытки въ теченіе дня окончательно вытѣснить отсюда русскихъ не имѣли успѣха; только послѣ наступленія темноты обороняющійся добровольно покинулъ позицію“.

„Сраженія за упомянутыя предкрѣпостныя позиціи продолжались въ общемъ 3 дня и, по собственному отчету японцевъ, обошлись имъ въ 1500 человѣкъ убитыми и ранеными. Цифры русскихъ потерь до сихъ поръ не были извѣстны, но больше сотни убитыхъ было оставлено ими на позиціяхъ“ [3]).

Атака, предпринятая въ ночь съ 1 (14 августа) на 2 (15) августа не имѣла серьезнаго успѣха. „На Панлуншанѣ японцы продвинулись впередъ, но атаки на Трехголовую гору (164 метр.) были отбиты, чему много способствовали проволочныя загражденія и свѣтящія ракеты,

---

[1]) Германскій Большой Генеральный Штабъ, стр. 51.
[2]) Грандпре, стр. 25—26.
[3]) Штрефлеръ, стр. 90.

хорошо освѣщавшія подступы къ позиціи. Только днемъ 2 (15) августа Трехголовая гора занята была японцами".

„Во время всѣхъ этихъ атакъ японцы потеряли 1000 человѣкъ".

„Такимъ образомъ, со 2 (15) августа обложеніе крѣпости стало полнымъ и тѣснымъ. Линія передовыхъ постовъ японской арміи на сѣверо-западѣ доходила до Голубиной бухты, огибала Угловую гору (174 метр.) и отъ Трехголовой горы (164 метр.) шла къ Панлуншаню, пересѣкала долину р. Лунхэ сѣвернѣе д. Шуйшуинъ, шла по промоинамъ впереди Волчьихъ горъ, у Дагушаня и Сяогушаня подходила къ подошвѣ Драконова хребта и за Сяогушанемъ упиралась въ море".

„Вершины Дагушаня и Сяогушаня не были заняты японцами, такъ какъ онѣ сильно обстрѣливались съ восточныхъ фортовъ крѣпости" [1]). Бои за дальнія передовыя позиціи были закончены. Наступала крѣпостная война".

Предположенія командующаго осадной арміей для скорѣйшаго овладѣнія крѣпостью до сихъ поръ еще точно не извѣстны, но „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что японцы съ самаго начала твердо рѣшили завладѣть крѣпостью атакой открытою силой... „То, что удалось въ 1894 году, казалось одинаково возможнымъ въ 1904 году, въ виду незаконченнаго состоянія крѣпости. Однимъ мощнымъ усиліемъ, сколько бы жертвъ это ни стоило, должна была III армія быстро завладѣть крѣпостью, чтобы освободиться для военныхъ дѣйствій противъ русской сухопутной арміи Куропаткина" [2]).

Приступая къ осадѣ, японцы, видимо, забыли, что дали крѣпости нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе коихъ, послѣ усиленной работы, она могла быть приведена въ

---

[1]) Грандпре, стр. 26—27.
[2]) Штрефлеръ, стр. 84—85.

оборонительное состояніе и оказать серьезное сопротивленіе [1]).

„Природа дала генералу Стесселю, говоритъ Бартлетъ, прекрасныя позиціи, а судьба послала ему храбрѣйшихъ и наиболѣе опытныхъ русскихъ военачальниковъ; генералъ имѣлъ возможность восполнить нѣкоторые собственные недочеты знаніемъ и преданностью долгу своихъ подчиненныхъ. Ко всему этому, храбрый и неутомимый генералъ Кондратенко съ момента первой атаки японцевъ—26 января посвятилъ себя заботамъ о надлежащемъ укрѣпленіи забытой—къ стыду сказать—линіи высотъ, которую слѣдовало сдѣлать неуязвимой значительно раньше“ [2]).

Какъ бы то ни было, японцы рѣшили атаковать крѣпость открытой силой. „Съ какой увѣренностью японцы разсчитывали на успѣхъ атаки открытою силой, видно изъ словъ, съ которыми генералъ Ноги обратился къ иностраннымъ корреспондентамъ утромъ 6 (19) августа въ своей главной квартирѣ: „Вы прибыли издалека, милостивые государи, чтобы видѣть эту войну и должны были долго ждать моего разрѣшенія придти сюда; но я могу васъ только поздравить съ тѣмъ, что вы какъ разъ явились въ настоящую минуту, чтобы присутствовать при окончаніи побѣдоноснаго похода“. Донесенія англійскаго генерала Яна Гамильтона, точно такъ же, какъ и донесенія англійскаго корреспондента Эллиса Бартлета, въ которыхъ единодушно говорится, что неблагопріятный результатъ атаки открытою силою былъ немедленно сообщенъ маршалу Ойяма, послѣ чего наступленіе на Ляоянъ больше не задерживалось, показываетъ, что и главнокомандующій японской арміей раздѣлялъ это общее ожиданіе успѣха“ [3]).

---

[1]) Грандпре, стр. 13.
[2]) Бартлетъ, стр. 71—72.
[3]) Штрефлеръ, стр. 106.

Считая численность японской дивизіи около 14 тыс. человѣкъ, а резервной бригады—6-8 тыс. человѣкъ, получимъ, что 3-я армія, готовившаяся штурмовать Портъ-Артуръ, имѣла въ своихъ рядахъ 50—60 тыс. человѣкъ.

„Пунктами атаки были избраны редуты 1 и 2, весьма выгодные для этой цѣли, такъ какъ взятіе ихъ штурмомъ открывало путь къ наиболѣе значительной высотѣ сѣверо-восточнаго фронта, а именно: къ Большому Орлиному Гнѣзду. Если бы эту возвышенность удалось взять, то первое кольцо крѣпостной обороны было бы прорвано. При дальнѣйшемъ наступленіи, съ занятіемъ города и гавани, японцы захватывали въ свои руки важнѣйшіе административные центры, равно какъ и источники продовольствія и боевыхъ припасовъ для крѣпостныхъ сооруженій, еще не взятыхъ. Вскорѣ послѣ этого принуждена была бы пасть и вся крѣпость“ [1]).

7 августа, въ 3 часа дня японцы открыли сильный огонь по Водопроводному редуту (фортъ Куропаткина), а вскорѣ послѣ этого перешли въ наступленіе. Накопившись въ складкахъ мѣстности, пѣхота двинулась на штурмъ. „Когда японцы достигли стѣнки изъ земляныхъ мѣшковъ (брустверъ), русскіе отошли на тыловую сторону редута; однако, недолго японцы владѣли позиціей; русскіе, получивъ подкрѣпленіе, бросились въ рѣшительную контръ-атаку и быстро отбросили японцевъ. Нѣсколько русскихъ солдатъ, не довольствуясь этимъ, продолжали преслѣдовать японцевъ. Четыре человѣка, подъ вліяніемъ возбужденія, пробѣжали довольно далеко, останавливаясь черезъ каждые 3—4 шага, чтобы опуститься на колѣно и выстрѣлить. **Японцы, нѣсколько опомнившись послѣ бѣгства**, обернулись назадъ и скоро пристрѣлили троихъ изъ этихъ храбрыхъ преслѣдователей“.

---

[1]) Германскій Генеральный Штабъ, стр. 35.

Въ ночь на 8-е августа японцы атаковали и, около 5 час. утра, взяли д. Шуйшуинъ послѣ рукопашнаго боя на улицахъ деревни, частью сожженной и разрушенной снарядами. Успѣхъ этотъ заставилъ русскихъ отойти къ четыремъ укрѣпленіямъ, расположеннымъ къ югу отъ деревни; они теперь стали передовыми позиціями русскихъ на этомъ участкѣ.

„Въ ту же ночь, какъ разъ передъ разсвѣтомъ, 9-я дивизія сдѣлала неудачную попытку взять редуты № 1 и № 2 (Банрушань). Тогда же 11-я дивизія произвела нѣсколько ночныхъ атакъ на батарею лит. Б. и фортъ II (Кейкваншань), но атаки эти потерпѣли полную неудачу, какъ это и надо было ожидать, если принять во вниманіе силу этихъ позицій“.

8 (21) августа было днемъ подготовки. Всѣ японскія батареи поочереди открывали огонь, направляя его на оба редута (Банрушань) такъ ожесточенно, что стало вполнѣ ясно, что на этомъ именно участкѣ нужно ожидать рѣшительной атаки: снаряды рвались надъ ними по 10—20 штукъ въ минуту.

„Въ теченіе ночи 8 (21) и утра 9 (22) августа 9-я дивизія сдѣлала пять неудачныхъ попытокъ овладѣть редутомъ № 1 (Восточный Банрушань), но въ результатѣ — только были перерѣзаны проволочныя загражденія у подошвы укрѣпленія. Около разсвѣта, обѣ стороны, обезсиленныя продолжительнымъ бодрствованіемъ, прекратили взаимное истязаніе; это дало солдатамъ нѣсколько часовъ отдыха передъ тяжелымъ боемъ, который долженъ былъ рѣшить вопросъ: кому принадлежатъ редуты“ [1]).

Утро 9 августа было хорошее и ясное. Затишье предшествовало бурѣ. Казалось уже, что день пройдетъ безъ особыхъ происшествій, какъ вдругъ японская артиллерія открыла шрапнельный огонь по редутамъ. „Огонь этотъ

[1]) Бартлетъ стр. 77 и 78.

былъ настолько сильный и сосредотченный, что редуты, совершенно окутанные клубами бѣлаго дыма шрапнелей, скоро стали невидны, а ниже стояла черная туча отъ земли и песку, взлетавшихъ вверхъ послѣ каждаго разрыва снаряда".

Въ 10 1/4 ч. утра бомбардировка сразу прекратилась и японцы пошли въ атаку на редутъ № 1, подъ сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ. Около двухъ часовъ дня японцы бросились на штурмъ; обѣ стороны пустили въ дѣло штыки и камни и, послѣ громадныхъ усилій, японцы заняли редутъ № 1.

Въ 3 час. дня японцы неожиданно атаковали редутъ № 2; русскіе оказали лишь слабое сопротивленіе и отошли на лежащія сзади высоты.

Такой успѣхъ былъ совершенно неожиданъ для осаждающей арміи. Бартлетъ говоритъ: „Лейтенантъ Хори, адъютантъ генерала Ошима, начальника 9-й дивизіи, далъ мнѣ живое описаніе той **растеряности и неувѣренности**, которыя царили въ этотъ день у японцевъ".

Но не дешево достались противнику эти редуты. „7-й полкъ послѣдней атакой былъ доведенъ до состава въ 208 человѣкъ, 35-й полкъ—до состава 240 человѣкъ. Оба эти полка сильно пострадали еще раньше, за время боевъ съ 13-го (26) по 15 (28) іюля, а послѣ взятія редутовъ они въ дѣйствительности не существовали, пока не прибыли изъ Японіи подкрѣпленія, пополнившія ихъ ряды".

„Съ ночи 9 (22) до ночи 14-го (27) августа русскіе сдѣлали цѣлый рядъ отчаянныхъ попытокъ отобрать оба укрѣпленія. **Обѣ стороны бились съ величайшимъ мужествомъ**; нѣсколько разъ русскіе были на волосокъ отъ осуществленія своихъ намѣреній; только ободряющее присутствіе доблестнаго Ичинохэ предупредило изгнаніе изъ занятыхъ редутовъ истрепанныхъ, почти умиравшихъ отъ голода, японцевъ" [1].

[1]) Бартлетъ стр. 81 82 и 83.

Въ ночь съ 10 на 11-ое августа генералъ Ноги рѣшилъ продолжать атаку со стороны взятыхъ редутовъ на Б. Орлиное Гнѣздо. Одновременно съ этимъ было рѣшено попытаться пойти на штурмъ той части форта № II (Сѣв. Кейкваншанъ), передъ которой не было проволочныхъ загражденій, и затѣмъ явиться на подкрѣпленіе атакующихъ Орлиное гнѣздо [1]).

„Невѣроятная сила позицій обыкновеннаго генерала испугала бы и вызвала въ немъ сомнѣнія, слѣдуетъ ли даже пытаться штурмовать эти позиціи? Однако, справедливость требуетъ сказать, что въ то время, какъ это происходило, японцы не изучили еще на горькомъ опытѣ всей силы позицій, которыя собрались атаковать, и не знали, что огонь многихъ русскихъ батарей всегда можетъ быть сосредоточенъ на любомъ укрѣпленіи, избранномъ для атаки. Вдобавокъ къ этому, войска, штурмуя Б. Орлиное Гнѣздо съ сѣверо-востока, оставляли нетронутыми непосредственно у себя въ тылу-капониръ № 2 (укрѣпленіе Р) и фортъ II (Сѣв. Кейквашань); такимъ образомъ, атакуя гору, они открывали свой тылъ огню съ капонира № 2 и форта II. Допуская даже, что японцы овладѣли бы Б. Орлинымъ Гнѣздомъ и Заредутной батареей, трудно уяснить себѣ, какъ они могли бы удержать эти позиціи при дневномъ свѣтѣ. Ни на одной изъ этихъ высотъ не было долговременныхъ укрѣпленій, которыя могли бы дать защиту гарнизону отъ огня отдѣльныхъ хорошихъ стрѣлковъ съ окружающихъ высотъ, или отъ сосредоточеннаго артилерійскаго огня, который немедленно направили бы на нихъ. Что же въ такомъ случаѣ, имѣлъ въ виду японскій главнокомандующій, отдавая приказъ для атаки и какого результата онъ надѣялся достигнуть, взявъ эти двѣ позиціи?

---

[1]) Штрефлеръ стр. 117 и 118.

Безъ сомнѣнія, генералъ Ноги надѣялся, взявъ Б. Орлиное Гнѣздо, заставить русскихъ очистить всю восточную линію оборонительныхъ сооруженій. Если бы ему удалось удержать эту гору, расположенную въ самомъ центрѣ восточнаго фронта и командующую надъ подступами къ укрѣпленію № 3, форту III, форту II и батареѣ лит. Б. онъ сдѣлалъ бы для русскихъ снабженіе припасами и усиленіе гарнизоновъ этихъ укрѣпленій почти невозможнымъ. Гарнизоны ихъ, отрѣзанные отъ запасовъ продовольствія и воды, были бы принуждены сдаться черезъ нѣсколько дней. Однако, больше вѣроятія было, что осажденный заставитъ очистить взятыя позиціи огнемъ съ тѣхъ именно укрѣпленій, которыя предполагалось отрѣзать и голодомъ принудить къ сдачѣ".

„Такимъ образомъ, атака, въ сущности, была основана на заблужденіи, не только относительно силы русскихъ позицій и количества войскъ въ Портъ-Артурѣ, но также и **относительно духа гарнизона, который въ это время, да еще и много мѣсяцевъ позже, не выказывалъ никакихъ признаковъ деморализаціи.**

„Русскіе, повидимому, не оказали большого сопротивленія на линіи китайской стѣны и позволили бригадѣ пройти за нее, гдѣ она **моментально была сметена огнемъ русскихъ стрѣлковъ и пулеметовъ.** Позже одинъ солдатъ разсказывалъ Бартлету, что онъ думалъ, что у каждаго русскаго солдата былъ пулеметъ".

Атаковавшихъ Б. Орлиное Гнѣздо съ сѣверо-востока тоже встрѣтили страшнымъ огнемъ не только съ вершины горы, но также съ форта II, находившагося какъ разъ въ тылу у атакующаго. Несмотря на тяжелыя потери, японцамъ удалось кое-гдѣ занять вершину Б. Орлинаго Гнѣзда между 1 и 2 ч. ночи, потерпѣвъ неудачу при атакѣ на Заредутную батарею.

Удержаться на Б. Орлиномъ Гнѣздѣ японцамъ не удалось, такъ какъ русскіе сосредоточили на этой вершинѣ губительный огонь съ форта II и со Скалистаго гребня. Въ особенности японцы страдали отъ огня послѣдняго, скоро заставившаго ихъ отойти. Японскій гарнизонъ редута № 2, въ самый критическій моментъ долженъ былъ двинуться впередъ на помощь атакующимъ Скалистый гребень.

„Приказали наступать, но ничто не могло заставить 8 полкъ покинуть закрытія въ траншеяхъ редута № 2 и въ мертвомъ пространствѣ за этимъ укрѣпленіемъ. Напрасно ветераны 7-го и 35-го полковъ жертвовали своею жизнью, чтобы своимъ примѣромъ подѣйствовать на 8-й полкъ.“

„Пріѣзжали штабные офицеры и упрашивали колеблющійся полкъ двинуться впередъ, но все было напрасно: ничто не могло заставить солдатъ, скорчившихся за своими траншеями, стать лицомъ къ лицу съ свинцовымъ дождемъ и раздѣлить участь своихъ товарищей. Тогда нѣкоторые офицеры, видя, что дальнѣйшія убѣжденія безполезны, начали рубить своихъ собственныхъ людей шашками, но гдѣ не принесло пользы убѣжденіе, тамъ и сила не помогла“ [1]).

Послѣдствія этого отказа были крайне тяжелы для атакующихъ. Они дольше не могли удержать занятыя ими позиціи подъ огнемъ русскихъ и не устояли противъ рѣшительной контръ-атаки. Когда они дошли до Китайской стѣны, оказалось, что русскіе сомкнулись сзади нихъ, отрѣзавъ имъ путь отступленія. Такимъ образомъ, этимъ войскамъ пришлось пробивать себѣ путь, чтобы вернуться подъ защиту редута № 1. Остатки двухъ бригадъ были отброшены за редуты, въ долину Шуйшуинъ, и дошли до желѣзнодорожной насыпи, гдѣ 18-я бригада сдержала дальнѣйшее наступленіе русскихъ [2]). Съ разсвѣтомъ бой прекратился.

---

[1]) Бартлетъ, стр. 98, 99 и 100.
[2]) Бартлетъ, стр. 100

„О продолженіи атаки нечего было и думать. Потери японцевъ по достовѣрнымъ источникамъ равнялись 14.000 человѣкъ убитыми и ранеными; изъ 6-й бригады въ 7-мъ полку осталось налицо всего 2 офицера и 208 нижнихъ чиновъ“, а въ 35-мъ полку—2 офицера и 247 нижнихъ чиновъ“ [1]).

„Хотя русскіе и потерпѣли неудачу въ томъ смыслѣ, что не взяли обратно потерянныхъ ими редутовъ № 1 и № 2, все же **честь успѣха въ этомъ ужасномъ бою, несомнѣнно, на ихъ сторонѣ.** Они съ успѣхомъ отразили атаку, которую японцы намѣревались обратить въ рѣшительную атаку на крѣпость. Своему упорному врагу они нанесли потери около 15,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, и очень удачно затянули осадныя операціи японцевъ, такъ что болѣе мѣсяца японцы не дѣлали никакихъ попытокъ противъ какой либо изъ русскихъ позицій [2]).

„**Требовалась храбрость и упорство русскихъ, чтобы сломить ярость японцевъ** [3]).

Предпримая штурмъ безъ надлежащей подготовки, японцы „полагались на храбрость и самопожертвованіе своей пѣхоты, вполнѣ испытанной во многихъ случаяхъ, и думали, что это замѣнитъ научную подготовку и тяжелыя осадныя орудія [4]). Генералъ Ноги сдѣлалъ отчаянную попытку—прорваться чрезъ всѣ преграды, но здѣсь, первые за войну, вся храбрость и самопожертвованіе японцевъ оказались безполезны. Атака не удалась, и Ноги получилъ приказаніе—выждать подвоза осадныхъ орудій и сильныхъ подкрѣпленій“.

„Вѣроятно, для генерала Ояма и Генеральнаго Штаба въ Манчжуріи былъ тяжкій ударъ,—убѣдиться, что всѣ ихъ

---

[1]) Бартлетъ, стр. 101—102.
[2]) Грандпре, стр. 41.
[3]) Бартлетъ, стр. 93—94.
[4]) Тамъ же, стр. 103.

планы, изловить русскаго главнокомандующаго, старательно осуществляемые въ теченіе 6 мѣсяцевъ, не удались. Всякая надежда покончить войну въ ореолѣ славы пропала; лучшее, на что они еще могли надѣяться, изгнать его съ укрѣпленныхъ позицій и принудить отойти дальше къ сѣверу. Былъ данъ приказъ—идти на Ляоянъ, и большой бой произошелъ, но безъ рѣшительнаго результата. Русская армія въ Маньчжуріи ускользнула изъ рукъ японцевъ, нужно считать, съ 1 ч. ночи 10 (23) августа 1904 г.; т.-е. съ того момента, когда японская пѣхота подъ Портъ-Артуромъ была выбита въ ужасающей рѣзнѣ, съ горы Б. Орлинаго Гнѣзда“ [1]).

Наступила короткая передышка, но не перемиріе для уборки раненыхъ и убитыхъ [2]). „**Такимъ образомъ 7.000 убитыхъ и раненыхъ японцевъ, не считая русскихъ, оставались лежать на небольшомъ участкѣ мѣстности между линіями противниковъ, тогда какъ, въ разстояніи человѣческаго голоса, находились тысячи ихъ друзей, готовыхъ все отдать за возможность помочь имъ. Но такова была война**“ [3]).

„Сильная жара, стоявшая въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ на Ляодунскомъ полуостровѣ, вызвала очень быстрое разложеніе тѣлъ убитыхъ; такимъ образомъ, ко всѣмъ прочимъ ужасамъ въ передовыхъ траншеяхъ, прибавилась еще вонь отъ разлагающихся труповъ своихъ же товарищей, оставшихся безъ погребенія“ [4]).

„Въ то время, какъ русскіе задѣлывали брешь въ Китайской стѣнѣ и увеличивали число траншей около Б. Орлинаго гнѣзда, японцы прочно окапывались съ горжевой стороны редутовъ № 1 и 2. Гарнизонъ каждаго изъ этихъ укрѣпленій составляла рота, въ 250 человѣкъ, съ 4 пулеметами. Пункты эти были чрезвычайно опасны; здѣсь за день часто бывало по сотнѣ убитыхъ и раненыхъ“.

---

[1]) Барлетъ стр. 72.
[2]) Грандпре, стр. 42.
[3]) Барлетъ, стр. 104.
[4]) Тамъ же, стр. 105.

„Русскіе много разъ пытались взять обратно редуты, но, **несмотря на чудеса храбрости**, они никакъ не могли овладѣть ими".

Приступивъ къ постепенной атакѣ японцы повели подступы миля за милей, рыли зигзагами траншеи, начавъ ихъ отъ прикрывающаго гребня черезъ открытую долину, пока переднія линіи не достигли подножія фортовъ. Въ теченіе дня, въ особенности, когда сапы подошли къ подножію русскихъ позицій, работать было невозможно, вслѣдствіе огня артиллеріи и точной стрѣльбы отборныхъ стрѣлковъ, попадавшихъ въ каждаго, кто хоть на дюймъ показывалъ свою голову изъ-за земляныхъ мѣшковъ.

„Русская артиллерія дѣйствовала въ этотъ періодъ очень энергично и очень удачно, обстрѣливая японскія артиллерійскія позиціи" [1]).

Время отъ времени, по ночамъ „слѣдовали многочисленныя вылазки, отрядами величиною отъ 30 до 200 человѣкъ, цѣлью которыхъ, главнымъ образомъ, было препятствовать траншейнымъ работамъ съ помощью метанія разрывныхъ снарядовъ. Подобныя предпріятія, повторяемые часто (даже днемъ) **съ удивительной неустрашимостью**, причиняли японцамъ значительныя потери офицерами и солдатами и довольно значительно задерживали ходъ траншейныхъ работъ [2]).

Въ началѣ Сентября подступы подошли настолько близко (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 60 шаговъ), что Ноги рѣшилъ попытаться произвести новый штурмъ, который былъ назначенъ на 6 (19) Сентября [3]).

Послѣ сильной бомбардировки 6 Сентября, „въ 5 час. дня, японцы полуротою атаковали русскихъ; завязался горячій пѣхотный бой, причемъ обѣ стороны широко поль-

---

[1]) Барлетъ, стр. 109.
[2]) Штрефферлъ, стр. 109.
[3]) Грандпре, стр. 43—44.

зовались ручными гранатами. Японцы одержали верхъ и и овладѣли окопомъ въ промоинѣ; затѣмъ они были усилены до 500 человѣкъ, которые всѣ здѣсь сосредоточились. Однако, они продержались на этой позиціи лишь полчаса и были выбиты контръ-атакой русской пѣхоты, „потерявъ, какъ говорили, всѣ свои флаги и понеся большія потери“ [1]).

Тогда артиллерія возобновила огонь и пробила брешь около сѣверо-восточнаго угла редута. Подъ покровомъ ночи японцы два раза пытались проникнуть въ редутъ черезъ эту брешь, но были отбиты. Передъ разсвѣтомъ они одновременно со всѣхъ сторонъ бросились на штурмъ и утвердились въ укрѣпленіи. Здѣсь они натолкнулись на блиндажи, изъ которыхъ ихъ встрѣтили страшнымъ огнемъ пулеметовъ, и они должны были драться въ рукопашную, чтобы выбить оттуда русскихъ. Двѣ русскихъ роты, составлявшія гарнизонъ редута, отошли на свои поддержки.

Атака Кумирнскихъ редутовъ не имѣла успѣха, пока не былъ взятъ Водопроводный редутъ. Съ паденіемъ его, утромъ 7 Сентября цѣлая бригада атаковала ихъ и захватила.

У Длинной горы японскія сапы подошли на 14 саженъ къ проволочнымъ загражденіямъ, защищавшимъ сѣверо-восточный уголъ. „Какъ видно изъ всего сказаннаго, для атаки непріятеля японской пѣхотѣ не приходилось далеко идти; ей, просто, надо было выйти изъ своего жилища и атаковать непріятеля въ его жилищѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ“ [2]).

7 (20) сентября японская артиллерія, замолкнувшая на нѣсколько часовъ, съ разсвѣтомъ возобновила стрѣльбу. Въ 5 часовъ вечера японцы двинулись впередъ. Русскіе

---

[1]) Бартлетъ, стр. 148 и 149.
[2]) Грандпре, стр. 44, 45 и 46.

замѣтили это движеніе только тогда, когда противникъ уже занялъ гребень“ [1]).

„Каждый японскій солдатъ несъ съ собою три ручныхъ гранаты, такъ какъ опытъ показалъ, что русскіе оставались въ траншеяхъ до послѣдняго момента, когда люди свои и противника перемѣшивались и невозможно было дѣйствовать ни ружьемъ, ни штыкомъ. Когда бросаніе ручныхъ гранатъ было въ самомъ разгарѣ, вся сцена очень похожа была на обыкновенное изображеніе ада. Длинная гора имѣла видъ огромнаго котла, изъ середины котораго медленно поднимались клубы желтаго дыма, отъ взрыва безчисленныхъ ручныхъ бомбъ“ [2]).

Этотъ штурмъ, произведенный послѣ 24 часовъ полнаго затишья между линіями противниковъ, продолжался менѣе 10 минутъ и былъ увѣнчанъ успѣхомъ. У высокой горы (203 метра) японцы были менѣе счастливы.

Подступы японцевъ были доведены здѣсь до проволочныхъ заграждeній [3]). „До этого времени японцы не сознавали огромнаго значенія при оборонѣ Портъ-Артура Высокой горы (203 метра высоты). Надо полагать, что они не знали, какой обширный кругозоръ на гавань открывается съ этой горы, и не подозрѣвали, что это единственная позиція, съ которой можно увидѣть русскій флотъ [4]).

Въ $3^1/_2$ часа дня бомбардировка усилилась. Въ моментъ атаки Длинной горы непріятель двинулся впередъ, но былъ отброшенъ. Второй штурмъ, произведенный ночью, постигла та же участь. Весь день 8 сентября японская артиллерія бомбардировала русскую позицію, но безъ значительнаго успѣха [5]).

---

[1]) Грандпре, стр. 47.
[2]) Бартлетъ, стр. 145.
[3]) Грандпре, стр 48.
[4]) Бартлетъ, стр. 126.
[5]) Грандпре, стр. 48.

Въ 9 часовъ вечера 16-й резервный полкъ, получивъ подкрѣпленія, двинулся на приступъ, но, вслѣдствіе большого количества убитыхъ и раненыхъ, долженъ былъ его прекратить. Генералъ Каміо говоритъ: „Затаивъ въ душѣ злобу (буквально,—проглотивъ злобу), мы отступили на прежнее мѣсто расположенія и принуждены были остаться въ долгомъ выжидательномъ положеніи".

Каково было состояніе штурмующихъ Высокую гору частей, можно судить изъ словъ генерала Каміо: „Для достиженія цѣли нами было совершено болѣе 10 очень жаркихъ атакъ; въ теченіе 4 сутокъ мы почти не знали ни сна, ни пищи; части были совершенно разстроены и изъ строя выбыло очень много офицеровъ. Отъ штурмующихъ 22-хъ ротъ осталось 318 человѣкъ" [1]).

Вечеромъ 9 сентября японцы очистили всю Высокую гору и, такимъ образомъ, атака на западѣ совсѣмъ не удалась, хотя Длинная гора и была взята, но обладаніе ею было безполезно, пока высокая гора оставалась въ рукахъ непріятеля [2]).

"10 (23) сентября, передъ восходомъ солнца, одному лейтенанту [3]) русскаго флота, съ нѣсколькими матросами, удалось скатить въ блиндажъ, гдѣ сидѣли японцы, два заряда пироксилина, вѣсомъ 150 п. (2500 килогр.). Отъ этого взорвались ручныя гранаты, которыя держали японскіе солдаты, и произошла страшная паника; русскіе воспользовались моментомъ и отбросили японцевъ въ ихъ собственныя траншеи. Большая часть отступавшихъ японцевъ погибла на проволочныхъ загражденіяхъ" [4]).

„Результатъ штурмовъ японцевъ 6 (19) сентября и въ послѣдующіе дни сводился, такимъ образомъ, къ слѣ-

---

[1]) Каміо, стр. 46 и 47.
[2]) Бартлетъ, стр. 147.
[3]) Лейтенантъ Подгурскій. Это ошибка: патроны были въ 18 фнт.
[4]) Грандпре, стр. 48 и 49.

дующему. Была взята Длинная гора. Атака на Высокую гору успѣха не имѣла, вслѣдствіе чего, передъ сѣверо-восточнымъ фронтомъ, попрежнему находилась передовая позиція".

„Были взяты всѣ временныя укрѣпленія у Шуйшіина. Послѣдствіемъ этого было то, что путь для веденія дальнѣйшей атаки на всѣ долговременныя укрѣпленія сѣверо-восточнаго фронта былъ открытъ. Потери японцевъ, на всѣхъ пунктахъ атаки, выразились общею суммою въ 3000—4000 человѣкъ" [1]).

„Взятіе Водопроводнаго редута (фортъ Куропаткинъ) стоило 9-й дивизіи 1000 человѣкъ. Съ начала кампаніи потери этой дивизіи были огромны, и къ данному времени достигли почти 10.000 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и больныхъ; это только послѣ двухъ мѣсяцевъ борьбы, такъ какъ дивизія высадилась въ Дальнемъ лишь въ концѣ іюля [2]).

„Обѣ враждебныя арміи жили вдоль восточнаго фронта крѣпости, отдѣленныя другъ отъ друга разстояніемъ, измѣнявшимся отъ 100 ярдовъ (43 саж.) до 30 ярдовъ (13 саж.), замѣтно было какое-то особое ощущеніе, когда ходишь по передовымъ японскимъ траншеямъ и сознаешь, что лишь въ 30 ярдахъ отъ тебя находится непріятель" [3]).

„Между тѣмъ, японскія сапы усиленно подвигались впередъ. Почти каждую ночь русскіе производили вылазки, съ цѣлью разрушенія Японскихъ работъ и избіенія рабочихъ. Много разъ они въ нѣсколько минутъ разрушали опасную работу нѣсколькихъ дней" [4]).

„Между тѣмъ, общественное мнѣніе Японіи удивлялось сопротивленію Портъ-Артура. Болѣе рѣзкіе органы печати обвиняли Ноги въ неспособности и трусости. Этотъ

---

[1]) Германскій Генеральный Штабъ, стр. 71.
[2]) Бартлетъ, стр. 152.
[3]) Тамъ же, стр. 173—174.
[4]) Грандпре, стр. 51.

генералъ, потери котораго были черезмѣрны, сравнительно съ достигнутыми результатами, рѣшилъ попытаться произвести третій общій штурмъ. **Онъ хотѣлъ преподнести Портъ-Артуръ своему Императору, какъ подарокъ ко дню его рожденія 21 октября (3 ноября)**“ [1]).

Осадныя работы шли своимъ чередомъ. Все ближе и ближе подходила японская пѣхота къ позиціи русскихъ, бывшихъ уже недалеко [2]). Только у Высокой горы (203 метр.) японцы неподвинулись впередъ. Вся работа была разрушена вылазками, возобновлявшимися почти каждую ночь. Для этой цѣли генераломъ Кондратенко былъ сформированъ отрядъ изъ 400 охотниковъ, людей очень отважныхъ [3]).

13 октября начался штурмъ еще болѣе жестокій, чѣмъ всѣ предшествующіе. Японцы, начиная отъ генерала и кончая послѣднимъ солдатомъ, были вполнѣ увѣрены въ побѣдѣ. „Они не могли себѣ представить, какая ужасающая рѣзня предстоить еще и сколько мѣсяцевъ тяжелой работы, пока они въ состояніи будутъ вступить на одинъ изъ долговременныхъ фортовъ“ [4]).

„Штурмъ укрѣпленій группы Кейкваншань“, пишетъ Бартлетъ, былъ прыжкомъ въ неизвѣстность, или, въ лучшемъ случаѣ, опытомъ для опредѣленія эффекта дѣйствія тяжелыхъ орудій на укрѣпленія. Не было никакихъ шансовъ, чтобы штурмъ привелъ къ рѣшительному результату. Но разъ было принято рѣшеніе, штабъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ него, хотя ясно было, что первоначальный планъ не можетъ быть исполненъ даже на половину“ [5]).

---

[1]) Бартлетъ, стр. 58—59.
[2]) Герман. Генер. штабъ, стр. 72.
[3]) Грандпре, стр. 58.
[4]) Бартлетъ, стр. 193.
[5]) Тамъ же, стр. 230.

Японская бомбардировка не въ состояніи была потушить огонь русской артиллеріи мелкихъ калибровъ. „Самая ожесточенная борьба происходила на батареѣ лит. Б. Въ нѣсколько минутъ 12 полкъ овладѣлъ центральнымъ участкомъ передовой русской траншеи и бросился вверхъ. Однако длинный и крутой скатъ обстрѣливался съ батареи, съ Китайской стѣны, съ ближайшихъ высокихъ батарей и съ участковъ передовой траншеи, занятыхъ еще русскими; это сломило порывъ штурмующихъ“ [1]).

„Скоро скатъ бруствера покрылся тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Пришлось отступать. Невѣроятный безпорядокъ произошелъ при встрѣчѣ отступавшихъ съ тѣми, которые непрерывно шли сверху. Въ это время русскіе уже вновь овладѣли своей передовой траншеей, откуда и поражали столпившихся въ кучу японцевъ страшнымъ огнемъ“ [2]).

Полевое укрѣпленіе, построенное на холмѣ Кобу, было взято, но достигнуть Китайской стѣны японцы не могли, такъ какъ сзади нея русскіе сосредоточили пулеметы и резервы [3]). Батальонъ, штурмовавшій Куропаткинскій люнетъ, былъ уничтоженъ.

Тогда на штурмъ былъ направленъ второй отрядъ, который былъ отбитъ огнемъ русской артиллеріи. Не рѣшаясь признать свое пораженіе, японцы направили третій отрядъ. „Артиллерія японцевъ снова открыла огонь по всѣмъ позиціямъ, въ особенности по ходу сообщенія и по мѣстности сзади него, пытаясь заставить замолчать русскую полевую артиллерію, главную виновницу столь тяжкихъ потерь въ рядахъ японской пѣхоты. Но и это было безуспѣшно: третій отрядъ постигла та-же участь; онъ только увеличилъ количество убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на склонѣ горы. Тогда увидѣли, что Куропаткинскій люнетъ (укрѣ-

---

[1]) Грандпре, стр. 60—61.
[2]) Бартлетъ, стр. 61.
[3]) Тамъ же, стр. 61.

пленіе Q) удерживать нельзя и прекратили всякія дальнѣйшія попытки овладѣть имъ: мѣсто это предоставлено было убитымъ и раненымъ; только артиллерія продолжала бѣшеную бомбардировку, какъ и утромъ".

Пришлось отказаться и отъ атаки форта II; русскіе остались побѣдителями на фортѣ; только одна артиллерія продолжала сыпать на него снарядами [1]). Но за то, пользуясь общимъ смятеніемъ во время боя, японцы успѣли продвинуть свою минную галлерею до контръ-эскарпа въ сѣв.-восточномъ углу фронта.

Фортъ III и укрѣпленіе № 3 отчаянно отбивали атаки. Японцы спустились въ рвы этихъ укрѣпленій, но выйти изъ нихъ не могли. Они потерпѣли неучачу, такъ какъ штурмовыя лѣстницы были слишкомъ коротки и не могли служить для устройства переходовъ черезъ ровъ, а фланкирующія постройки не были еще разрушены.

Когда наступила ночь, японцы, занявшіе открытый капониръ № 2 (укрѣпленіе P), поспѣшно въ немъ укрѣпились. **„Около 10½ часовъ вечера, русскіе пытались выбить ихъ оттуда, но безуспѣшно. Однако, повторивъ атаку, они достигли успѣха и японцы побѣжали къ своимъ параллелямъ.** Тогда генералъ Ичинохэ, который командовалъ 6-й пѣхотной бригадой (9 дивизіи) **огнемъ остановилъ бѣглецовъ** и поддержавъ ихъ своей бригадой, бросился впередъ; въ дикомъ порывѣ, они не только овладѣли траншеей, но и полевымъ укрѣпленіемъ, которое еще оставалось въ рукахъ русскихъ. **Это укрѣпленіе—было единственнымъ трофеемъ цѣлаго дня борьбы, такъ какъ укрѣпленіе Кобу, очень опасно расположенное, было очищено японцами"** [2]).

„Въ часъ заката солнца Портъ-Артуръ представлялъ оригинальную картину: форты были окутаны красноватымъ блескомъ, вызваннымъ огромнымъ количествомъ порохо-

---

[1]) Бартлетъ, стр. 216. 217, 218 и 219.
[2]) Грандпре стр. 62—63.

вого дыма, все еще висѣвшаго надъ нимъ, неразсѣяннаго вѣтромъ; въ этомъ туманѣ слабо блестѣли прожектора, усиливая сказочный тонъ картины и странное освѣщеніе. **Русскіе, празднуя свой успѣхъ, начали сыпать надъ линіями японцевъ свои прелестныя звѣздныя ракеты, которыя еще такъ недавно почти не были видны.** Въ японскихъ лагеряхъ, не было замѣтно и слѣда того оживленія, которое царило тамъ въ дни предшествовавшіе штурму. **Офицеры и нижніе чины были подавлены исходомъ боя и замѣчалось какое-то малодушіе, нависшее надъ арміей**“ [1]).

Съ разсвѣтомъ 18 Октября, когда японцы увидѣли скаты укрѣпленій, покрытые трупами убитыхъ и ранеными, они были охвачены порывомъ бѣшенства. Бомбардировка производилась съ бо́льшимъ ожесточеніемъ чѣмъ наканунѣ.

„Потери японцевъ, съ 13 по 20 октября (2 ноября), достигли 13.000 человѣкъ“ [2]).

Неудача штурма побудила японцевъ довести атаку противъ долговременныхъ укрѣпленій до самыхъ послѣднихъ стадій; для этого оставалось только одно средство: подземная минная война [3]). Въ періодъ времени до новаго штурма, 13 (26) Ноября, японскіе саперы и были заняты подготовкой мѣстности для слѣдующей атаки пѣхоты. Они спускались внизъ минными галлереями, направляясь къ контръ-эскарповымъ сооруженіямъ и затѣмъ ихъ взрывали, или шагъ за шагомъ завоевывали ихъ, вступая съ русскими въ рукопашныя схватки. Эти инженерныя работы, наиболѣе трудныя изъ всѣхъ осадныхъ работъ, производились противъ фортовъ II и III укрѣпленія № 3 [4]).

10 (22) ноября, японцы хотѣли овладѣть русской передовой траншей, окружавшей батарею лит. Б. Въ 6 часовъ вечера одинъ батальонъ двинулся на штурмъ съ ручными

[1]) Бартлетъ, стр. 220—221.
[2]) Грандпре, стр. 63.
[3]) Штреффлеръ, стр. 148.
[4]) Бартлетъ, стр. 225.

гранатами и примкнутыми штыками; подъ страшнымъ огнемъ пулеметовъ японцы овладѣли однимъ участкомъ траншеи. „Однако, около 9 часовъ вечера, русскіе произвели контръ-атаку столь значительными силами, что японцы были отброшены. Въ 11 часовъ вечера, японцы возобновили атаку и, послѣ рукопашной схватки, вновь утвердились въ русской траншеѣ. Въ 1 часъ ночи русскіе отбросили японцевъ вторично и уже окончательно".

„Этотъ семичасовой бой стоилъ японцамъ 250 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, а русскимъ—200 человѣкъ. Ожесточеніе во время боя было такъ велико, что противники устраивали баррикады изъ труповъ" [1]).

Въ теченіе этой сапной и минной войны японскіе саперы несли громадныя потери. „Въ началѣ осады у японцевъ было болѣе 2000 человѣкъ саперъ, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы число ихъ уменьшилось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе съ трудомъ оставались въ строю".

Убыль въ рядахъ японской осадной арміи пополнялась непрерывно, и въ началѣ ноября численность арміи возросла до 100.000 чел. „Между тѣмъ, въ Японіи замѣчалось разочарованіе, которое, вслѣдствіе медленной осады, начало проявляться все рѣзче и рѣзче. Возбужденіе особенно замѣтно было въ прессѣ и въ политическихъ кругахъ". Японскіе передовые журналы позволяли себѣ презрительныя выраженія по адресу осадной арміи и упрекали Ноги, что онъ не возстановилъ свою запятнанную честь самоубійствомъ, какъ дѣлали это предки. Послѣ урока, полученнаго 17 октября, казалась маловѣроятной новая попытка взять форты штурмомъ, пока эскарпъ не будетъ минированъ и обрушенъ; такого мнѣнія держался генералъ Ноги.

„Но каковы бы ни были взгляды генерала Ноги и его начальниковъ дивизій, ихъ осилили—военное министерство

[1]) Грандпре, стр. 65, 68 и 69.

въ Токіо и генеральный штабъ манчжурскихъ армій. Пугало, въ видѣ балтійскаго флота, и только оно одно, привело къ безполезной гибели человѣческихъ жизней. Военныя и морскія власти въ Японіи нервничали“ [1]).

„Подъ вліяніемъ этого, Ноги отдалъ приказъ о повтореніи 13 (26) ноября злосчастнаго штурма 17 (30) октября“. Правда, что теперь шансовъ на успѣхъ у генерала Ноги было все-таки больше, чѣмъ въ предыдущемъ мѣсяцѣ. Штурмовые отряды находились ближе къ пунктамъ атаки. Рвы форта III и укрѣпленія № 3 были почти засыпаны [2]).

По обычаю, страшная бомбардировка предшествовала штурму. Уже 12 ноября всѣ осадныя орудія японцевъ начали рѣшительную бомбардировку, которая утромъ 13 ноября еще болѣе усилилась. „По бѣшенству и силѣ эта бомбардировка превосходила всѣ предшествовавшія; въ ней участвовало бо́льшее количество 28-сант. гаубицъ, чѣмъ въ октябрѣ; бомбардировали фортъ III, укрѣпленіе № 3, а также фортъ II и батарею лит. Б.“.

„Въ 10 ч. утра японская артиллерія открыла въ послѣдній разъ огонь по безформеннымъ кучамъ песку, камней, обугленныхъ бревенъ и обломковъ, въ которыя, по внѣшнему виду, превратились форты послѣ непрерывной бомбардировки“.

„Русскіе, видимо, поняли, по огромной силѣ артиллерійскаго огня, что наступаетъ рѣшительный моментъ. Они рѣшили воспользоваться случаемъ, который могъ быть для нихъ послѣднимъ, и открыли, съ своей стороны, бѣшеный огонь по японской артиллеріи“ [3]).

Генералъ Ноги рѣшилъ, что, кромѣ фронтальнаго штурма, ночью изъ долины Лунхе долженъ быть произведенъ внезапный обходъ лѣво-фланговаго опорнаго пункта атакуемаго фронта (укрѣпленіе № 3). Для этого былъ сформированъ особый отрядъ изъ 2 тысячъ добровольцевъ, такъ

[1]) Бартлетъ, стр. 260.
[2]) Грандпре, стр. 69—70.
[3]) Бартлетъ, стр. 272—273.

называемый отрядъ „Бѣлыхъ помочей“ (крестообразные бѣлые шнуры сверхъ шинели, чтобы ночью отличить отъ противника) подъ начальствомъ генералъ-маіора Накамура; цѣлью атаки указана Курганная батарея, къ югу-востоку отъ укрѣпленія № 3. Послѣ этого долженъ былъ начаться штурмъ укрѣпленія № 4 и распространиться по всему сѣверо-восточному фронту [1]).

Въ четверть перваго часа дня 500 орудій бомбардировали русскіе форты и 50 тысячъ человѣкъ ждали сигнала, чтобы броситься на врага. „Въ подземномъ ходѣ, ведущемъ въ ровъ и къ контръ-эскарповымъ галлереямъ форта II солдаты были набиты буквально, какъ сардинки въ коробкѣ. Траншеи близъ этого форта были усѣяны стрѣлками, которые должны были своимъ огнемъ сдерживать огонь русскихъ, когда японская пѣхота будетъ пытаться эскаладировать брустверъ форта. Въ траншеѣ, ведущей къ подземному ходу, нѣсколько солдатъ были снабжены бамбуковыми штурмовыми лѣстницами, которыя были необходимы, чтобы взять фортъ“.

Въ траншеяхъ подъ фортомъ III и укрѣпленіемъ № 3 происходило то же самое. **„Нельзя было не вспомнить о русскихъ, этихъ храбрецахъ, прижавшихся за разрушенными валами, укрывающихся отъ урагана желѣза въ углубленіяхъ, вырытыхъ глубоко въ землѣ, напряженно считавшихъ секунды, пока непріятельская пѣхота не бросится на нихъ“** [2]).

Послѣ часу штурмовыя колонны начали наступленіе; онѣ были встрѣчены уничтожающимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ обороняющагося; послѣ короткой рукопашной схватки въ укрѣпленіи № 3, японцы были снова отброшены въ ровъ. Неудачей окончилась и вторичная попытка атаки въ 5 часовъ пополудни; только во время третьяго штурма, уже ночью, атакующій проникъ во вну-

---

[1]) Штрефлеръ, стр. 155—156.

[2]) Бартлетъ, стр. 277.

тренность укрѣпленія. **Обороняющемуся все-таки удалось, послѣ двухчасовой безпримѣрно жестокой борьбы, вторично и на этотъ разъ окончательно выгнать противника.**

Бой у форта III происходилъ почти такимъ же образомъ. Всѣ попытки взобраться на верхній валъ были безуспѣшны, несмотря на постоянно прибывавшія свѣжія штурмовыя колонны и непрерывный огонь артиллеріи. Японцы, послѣ долгаго боя, еще ночью съ большими потерями отступили въ ровъ [1]).

„Во рвы форта III и укрѣпленія № 3 русскіе выливали керосинъ; это еще болѣе увеличивало ужасы борьбы на этихъ укрѣпленіяхъ, такъ какъ во рвахъ было много соломы, набросанной туда для образованія переходовъ черезъ ровъ, по которымъ пѣхота должна была атаковать. Когда защитники замѣтили, что много людей возится на днѣ рвовъ, они бросили ручныя гранаты на пропитанную керосиномъ солому и подожгли ее. Сотни японскихъ солдатъ погибли, такимъ образомъ, во рвахъ этихъ укрѣпленій“ [2]).

Въ такомъ же положеніи очутились отряды, наступавшіе на фортъ II; они хотя и проникли въ укрѣпленіе, но тамъ попали подъ такой перекрестный огонь изъ внутренняго участка и изъ густо занятыхъ блиндажей, что были принуждены отступить послѣ контръ-атаки въ штыки, оставивъ большое число убитыхъ и раненыхъ [3]).

„Когда русскіе“, говоритъ Бартлетъ, „увидѣли, что японцамъ удалось занять часть бруствера, они вышли изъ-за своихъ закрытій и поднялись, чтобы встрѣтить своихъ враговъ штыкомъ. Это было блестящее, достойное лучшихъ традицій русскихъ, зрѣлище; эти великаны-бородачи вдругъ

---

[1]) Штрефлеръ, стр. 156 и 157.
[2]) Бартлетъ, стр. 288.
[3]) Штрефлеръ, стр. 157.

поднялись изъ-за бруствера и встрѣтили лицомъ къ лицу солдатъ микадо, выглядѣвшихъ передъ ними карликами. Мнѣ казалось, что русскіе отлично умѣли владѣть своимъ штыкомъ".

„Русскія ручныя гранаты наносили огромныя потери японской пѣхотѣ; многихъ охватывала паника; они убѣгали внизъ и, въ концѣ концовъ, скатывались на дно рва. Убитые и раненые тоже падали съ края отлогости внизъ, на дно рва съ высоты около 40 футъ, сбивая при этомъ людей, еще державшихся на малонадежной опорѣ, и сбрасывая при паденіи даже штурмовыя лѣстницы" [1]).

Атаки, предпринятыя въ то же время въ интервалахъ вышеупомянутыхъ трехъ фортовъ на Китайскую стѣну и лежащія вблизи ея сооруженія, всѣ не удались. Также была отбита атака на батарею лит. Б, хотя для нея былъ назначенъ 27-й полкъ 7-й дивизіи; на него, какъ свѣжій, возлагали большія надежды; **въ концѣ-концовъ, русскіе и здѣсь остались побѣдителями** [2]).

Всю ночь шли бои на укрѣпленіяхъ Портъ-Артура. „На слѣдующее утро обнаружилось, что русскіе вездѣ заняли свои прежнія позиціи. Этотъ день, самый кровопролитный день всей осады, обошелся японцамъ, не принеся имъ ни малѣйшаго успѣха, отъ 8.000 до 9.000 убитыми и ранеными. Всюду японцы проникли въ укрѣпленія, ихъ натискъ не преграждался никакими препятствіями—и, въ концѣ-концовъ, они терпѣли неудачу только **благодаря безпримѣрному упорству и храбрости обороняющагося.** Повтореніе атаки на этомъ же фронтѣ казалось безнадежнымъ, тѣмъ болѣе, что неудача произвела на войска тяжелое впечатлѣніе [3]). Замѣтна была сильная угнетенность; всѣ огромныя

---

[1]) Бартлетъ стр. 284, 285, 286 и 288.
[2]) Штрефлеръ, стр. 158.
[3]) Тамъ же, стр. 158 и 159.

жертвы, понесенныя войсками въ этотъ день, были напрасны. Тысячи легли, ничего не достигнувъ своей смертью".

„Если **когда-либо армія и ея генералы теряли голову, то именно это случилось съ японской арміей въ данномъ случаѣ.** Они вели себя, какъ игроки, которые, потерявъ болѣе, чѣмъ имѣли право потерять, рѣшаются поправить свои дѣла отчаяннымъ ударомъ, который можетъ принести либо удачу, либо еще бо́льшую потерю [1]). 14 (27) ноября Ноги отдалъ приказъ—очистить позиціи, занятыя въ теченіе ночи, и продолжать минныя работы" [2]).

Всѣ неудачи, понесенныя японцами на восточномъ фронтѣ не оказали вліянія на упорную рѣшимость командующаго осадной армій. „Съ невѣроятнымъ упорствомъ Ноги обратился къ западному фронту крѣпости, въ надеждѣ, что онъ окажетъ меньше сопротивленія" [3]).

„Въ дѣйствительности же борьба, кипѣвшая на склонахъ Высокой горы въ теченіе слѣдующихъ десяти дней, всегда будетъ считаться однимъ изъ наиболѣе выдающихся военныхъ событій. Борьба носила такой эпическій характеръ, что если-бы произошла она на 2000 лѣтъ раньше, традиціи и легенды, связанныя съ мѣстностью и участниками ея, навѣрное дошли бы до насъ въ стихахъ и пѣсняхъ".

„Японцы и русскіе дрались съ такой храбростью и отчаяніемъ, которыя превосходили все, что можно было наблюдать до сихъ поръ во время осады. Борцы буквально бросались другъ на друга, оставаясь совершенно равнодушными къ смерти; каждый стремился достичь гребня высоты или же умереть на ея склонахъ".

„Обыкновенно, во всѣхъ арміяхъ, отдѣльные солдаты не особенно понимаютъ дѣйствительное значеніе позиціи,

---

[1]) Бартлетъ, 290.
[2]) Грандпре, стр. 73.
[3]) Тамъ же, стр. 73.

которую они призваны атаковать или защищать, но бой за Высокую гору составлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Какъ бы ни былъ мало развитъ сибирскій мужикъ, лежавшій въ траншеяхъ на вершинѣ горы, какъ бы мало онъ былъ ознакомленъ со стратегическими задачами японскій солдатъ, сидѣвшій въ траншеяхъ у подошвы горы, но и они могли понять, какъ много ставится на карту и какія послѣдствія могутъ получиться отъ успѣха или неудачи. Обѣ арміи сознавали, что конечный результатъ затѣянной игры для выигравшаго значилъ больше, чѣмъ всѣ предыдущіе бои въ раіонѣ крѣпости“ [1]).

„16 (29-го) ноября японцы сдѣлали новую попытку взять нѣкоторыя изъ позицій. Дѣла начали принимать серьезный оборотъ: двѣ общія атаки на Высокую гору и одна атака на Плоскую гору (Акасакаяма) потерпѣли неудачу. Хотя потери русскихъ были велики, они все еще съ прежней рѣшимостью крѣпко держались на гребнѣ и не хотѣли уходить отъ ужаснаго артиллерійскаго огня, продолжавшаго осыпать гребень“ [2]).

17 (30) ноября, 7 японская дивизія получила боевое крещеніе, двинувшись на штурмъ Высокой горы. „Штурмъ этотъ былъ почти точнымъ повтореніемъ неудачной попытки, произведенной днемъ 15-го (28) ноября. Люди, наступая въ сомкнутомъ строю, достигли верхней линіи русскихъ траншей, гдѣ подъ крутымъ обрывомъ высоты атакующій былъ укрытъ отъ огня стрѣлковъ, занимавшихъ гребень; но, какъ только баталіонъ пытался взобраться на послѣдніе 40 ярдовъ, его отбрасывали назадъ пулями, штыками и ручными гранатами. **Опять японцы не выдержали и побѣжали отъ этой казни; опять передъ нами предстало ужасное зрѣлище охваченныхъ паникой людей, пристрѣливаемыхъ во время бѣгства**“ [3]).

[1]) Бартлетъ, стр. 298—300.
[2]) Тамъ же, стр. 305—306.
[3]) Тамъ же, стр. 309.

„Сѣверные склоны такъ горячо оспариваемаго холма, представляли послѣ этого боя ужасную картину: они были буквально усѣяны трупами и тяжело ранеными, у которыхъ тѣло отъ безпрерывнаго взаимнаго обстрѣливанія было по нѣсколько разъ разорвано на куски, и у которыхъ взрывами гранатъ платье превращено въ лохмотья. Люди испытывали почти суевѣрный страхъ передъ неприступностью этой высоты, которую они уже раньше прозвали Мертвымъ Холмомъ“ [1]).

„19-го, 20-го и 21-го ноября (2-го, 3-го и 4-го декабря) японцы не атаковали ни одной позиціи. Въ теченіе этихъ трехъ дней, артиллерія не прекращала бомбардировки, осыпая снарядами гребень Высокой горы и все на ней разбивая въ щепы. Какъ русскіе могли держаться—необъяснимо; **храбрость ихъ, какъ оборонительной пѣхоты, никогда не подвергалась болѣе суровому испытанію, и никогда они не отвѣчали на вызовъ врага болѣе доблестно и самоотверженно.** Когда не угрожала атака, большая часть войскъ отводились внизъ, на восточный склонъ, гдѣ они выжидали новаго нападенія своего грознаго врага, но и здѣсь ихъ находили японскіе снаряды; нѣсколько орудій, съ этой цѣлью, обстрѣливали задній склонъ горы, чтобы препятствовать подходу подкрѣпленій на гребень горы“.

„**Борьба за Высокую гору была битвой гигантовъ; ни одна страна въ самую славную эпоху своей исторіи никогда не выставляла въ поле солдатъ, которые дрались бы съ такимъ упорствомъ, храбростью и безусловнымъ презрѣніемъ къ жизни, какъ русская и японская пѣхоты въ теченіе этихъ дней**“.

„Къ утру 22-го ноября сапы на склонахъ Высокой горы продвинулись впередъ, насколько было возможно, а затѣмъ, саперы передали задачу—выбить русскихъ—въ руки пѣхоты. Окончательная атака на Высокую гору, со всѣхъ сторонъ, назначена была на этотъ день“.

---

[1]) Штрефлеръ, стр. 163.

Послѣ кровопролитной рукопашной схватки, продолжавшейся 4 часа, японцы овладѣли Высокой горой [1]).

„Въ бояхъ, имѣвшихъ мѣсто на западномъ фронтѣ, съ 14 по 23 ноября, японцы въ общемъ итогѣ потеряли убитыми и ранеными 12.000 человѣкъ, при чемъ, половина урона приходилась на 7 дивизію. Но цѣль кровопролитной борьбы была достигнута: былъ достигнутъ свободный видъ на гавань; ничто не мѣшало теперь приступить къ уничтоженію русскаго флота“ [2]).

Прямымъ слѣдствіемъ взятія японцами Высокой горы была гибель русскаго флота, стоявшаго въ Портъ-Артурѣ. А оборона западнаго фронта была перенесена на линію: фортъ IV и V и укрѣпленіе № 5.

„2 декабря 11-ти-дюйм. снарядъ пробилъ казематъ на форту II. Этотъ казематъ соединялся съ сосѣднимъ, гдѣ происходило совѣщаніе генерала Кондратенко съ полковникомъ-инженеромъ, комендантомъ форта и нѣсколькими другими офицерами. Всѣ они погибли, задушенные ядовитыми газами, при разрывѣ снаряда“ [3]).

Со смертью генерала Кондратенко, бывшаго поистинѣ душой обороны крѣпости, событія пошли ускореннымъ темпомъ: израненные, исковерканные форты умирали.

Послѣдовали взрывы и японцы (около 1 тыс. чел.) бросились на штурмъ. Двѣ большихъ бреши появились на брустверѣ. Все внутреннее пространство форта было исковеркано, но ретраншаментъ остался нетронутымъ: оттуда былъ открытъ такой сильный огонь изъ пулеметовъ, что штурмовая колонна не въ состоянія была перейти край воронки. Она два раза пыталась двинуться впередъ, но несла такія потери, что должна была отказаться отъ этого намѣренія [4]).

---

[1]) Грандпре, стр. 77.
[2]) Штрефлеръ, стр, 165.
[3]) Грандпре, стр. 80 и 81.
[4]) Тамъ же, стр. 81—83.

„Большинство русскихъ, занимавшихъ фортъ, было укрыто въ тыловой казармѣ; хотя они потеряли много людей при этихъ взрывахъ, но оставшіеся въ живыхъ быстро оправились отъ охватившей ихъ паники; съ тыловой позиціи форта они отдѣлывали японцевъ ручными гранатами и ружейнымъ огнемъ въ то время, какъ артиллерія съ окружающихъ высотъ сосредоточила энергичный шрапнельный огонь по бреши“ [1]).

„Генералъ Самеджима въ 7 часовъ вечера прошелъ впередъ, въ брешь, чтобы лично посмотрѣть на положеніе дѣлъ. Увидѣвъ людей лежащими на краю бреши, онъ подумалъ, что всѣ они убиты или ранены. **Велико было его удивленіе, но еще больше былъ его гнѣвъ, когда среди раненыхъ и убитыхъ онъ нашелъ очень много людей совершенно здоровыхъ, отказавшихся итти впередъ.** Генералъ обратился къ сконфуженнымъ солдатамъ: „мнѣ не нужны солдаты, отказывающіеся итти впередъ, когда имъ приказываютъ. Вы можете вернуться въ свои траншеи, а я подведу свѣжія войска, чтобы взять фортъ!“ [2]). Вслѣдъ затѣмъ были подведены люди 38-го полка, которые въ темнотѣ бросились на штурмъ и утвердились на форту. Рукопашная схватка съ ручными гранатами и штыками продолжалась до полуночи.

„Послѣ промежутка, почти въ двѣ недѣли, японцы попробовали взорвать и второй долговременный фортъ“.

„Подъ эскарпъ форта III были выведены двѣ минныхъ галлереи, длинною около 50-ти футъ каждая. Отъ галлереи были проведены боковые рукава, въ которыхъ заложено было 5 минъ. Зарядъ состоялъ изъ двухъ тоннъ (124 пуда) динамита и пироксилина“ [3]).

„Взрывы произведены были 15 (28) декабря въ 10 часовъ утра, съ промежутками въ нѣсколько секундъ. Они

[1]) Бартлетъ, стр. 346.
[2]) Грандпре, стр. 83.
[3]) Бартлетъ, стр. 350.

разрушили эскарпъ и брустверъ сѣвернаго фаса и, отчасти, западнаго и восточнаго фасовъ; ровъ и головы сапъ были засыпаны. Русскіе пулеметы смели первыхъ людей, бросившихся въ атаку, но около 3 часовъ дня штурмовые колонны прочно утвердились на развалинахъ; въ теченіе многихъ часовъ они бились за каждый шагъ пространства“ [1]).

„18 (31) декабря японцы взорвали мины, заложенныя ими подъ укрѣпленіемъ № 3. Вся операція и штурмъ, который долженъ былъ послѣдовать послѣ взрыва, были подробно разработаны, какъ было это сдѣлано и при штурмѣ форта III. Однако, борьбы здѣсь не было, такъ какъ произошелъ взрывъ склада боевыхъ припасовъ, который разрушилъ фортъ. Изъ 400 человѣкъ гарнизона 250 человѣкъ были убиты и погребены подъ развалинами; остальные, запертые въ казематѣ, сдались военноплѣнными и были освобождены японскими саперами“.

„Минныя галлереи подъ Китайскую стѣну были выведены отъ капонира № 3 и редута № 1. Послѣ того, какъ въ стѣнѣ была сдѣлана брешь, японцы перешли ее и продвинулись вдоль нея до подошвы Б. Орлинаго гнѣзда на востокѣ и до укрѣпленія № 3 на западѣ, почти не встрѣтивъ сопротивленія. Ночью они укрѣпились на этихъ позиціяхъ“.

„19 декабря утромъ японцы атаковали русскую позицію на Голубиной бухтѣ и овладѣли ею. Съ этой стороны японцы почти подошли къ западному бассейну. Сообщеніе между Ляотешанемъ и западными фортами было прервано. Въ этотъ же день осаждающіе овладѣли Большимъ Орлинымъ гнѣздомъ“ [2]).

„Въ 2 часа ночи 20 декабря русскія орудія на батареѣ лит. Б. сдѣлали свой послѣдній выстрѣлъ. Затѣмъ гарнизонъ очистилъ батарею, взорвалъ ее и отступилъ на не-

---

[1]) Грандпре, стр. 84—85.
[2]) Грандпре, стр. 85—86.

высокіе холмы, сзади занятой японцами линіи укрѣпленій. Взрывъ былъ такъ удаченъ, что послѣ него не было возможности возстановить очертанія форта. Большія орудія были сброшены со своихъ лафетовъ, и одно изъ нихъ было переброшено на разстояніе около пятидесяти ярдовъ (около 60 шаговъ). Утѣшеніемъ для гарнизона батареи лит. Б. должно служить сознаніе, что онъ остался непобѣжденнымъ въ теченіе всей осады, и что послѣднее разрушеніе произведено имъ самимъ, а не противникомъ“ [1]).

„19 декабря Стессель послалъ письмо съ предложеніемъ сдать крѣпость. Уже давно Стессель палъ духомъ. Еще въ концѣ сентября, получивъ свѣдѣніе, что Куропаткинъ разбитъ подъ Ляояномъ, и что балтійскій флотъ не вышелъ изъ русскихъ водъ, Стессель говорилъ, что онъ обреченъ идти въ Японію въ качествѣ военно-плѣннаго. Потеря Высокой горы, смерть Кондратенко, паденіе форта II и форта III, послѣдовавшія одно за другимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, убили въ Стесселѣ остатокъ моральныхъ силъ. Несчастныя событія 18 и 19 декабря окончательно склонили Стесселя къ сдачѣ. Дѣйствительно, сила сопротивленія гарнизона уменьшалась со дня на день“ [2]).

Борьба за Портъ-Артуръ „стоила арміи генерала Ноги 89.000 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и больныхъ, а, если включить и бой при Цзинчжоу, то 94.000 человѣкъ. Изъ общаго числа потерь, по оффиціальнымъ донесеніямъ, убитыхъ и раненыхъ было 64.000 человѣкъ; остальные 25.000 человѣкъ—больные и умершіе отъ болѣзней. Относительно числа убитыхъ, съ японской стороны оффиціальныхъ свѣдѣній не имѣется; если принять во вниманіе особый характеръ операцій и огромное количество раненыхъ, которые оставались умирать на атакуемыхъ позиціяхъ, то число убитыхъ едва ли можно считать 25.000 человѣкъ;

---

[1]) Бартлетъ, стр. 369.
[2]) Грандпре, стр. 86.

пожалуй, оно было даже больше. Потери въ офицерскомъ составѣ у японцевъ были огромныя, и доходили за время осады, какъ говорятъ, до 10.000 человѣкъ".

Что касается гарнизона, то „по имѣющимся свѣдѣніямъ, круглымъ числомъ, 10.000 человѣкъ были убиты или умерли отъ ранъ; 13.000 раненыхъ и больныхъ японцы нашли въ госпиталяхъ, когда приняли ихъ; кромѣ того, много тысячъ русскихъ были ранены болѣе одного раза, почему точнаго подсчета сдѣлать нельзя. [1]).

„Съ военной точки зрѣнія, Портъ-Артуръ сослужилъ не малую службу, ибо гарнизонъ его, не превышавшій 50.000 человѣкъ, приковывалъ японскую армію въ 150.000 человѣкъ" [2]).

Описывая происходившіе подъ Портъ-Артуромъ бои, я приводилъ, по возможности, мнѣнія иностранцевъ о дѣйствіяхъ въ бою русскихъ и японцевъ.

Теперь попытаюсь собрать вмѣстѣ эти мнѣнія о дѣйствіяхъ русскаго гарнизона во время обороны, хотя, какъ я уже говорилъ раньше, иностранцы были въ отношеніи насъ весьма скупы на похвалу.

Вотъ какъ иностранцы оцѣниваютъ значеніе борьбы за лежащую передъ крѣпостью мѣстность, на чемъ такъ настаивалъ генералъ Кондратенко. „Начиная съ 6 (19) августа", говоритъ Грандпре, „бомбардировки и штурмы производились непрерывно и **отбивались съ полнымъ презрѣніемъ къ жизни и съ ожесточеніемъ, на которыя, можетъ быть, неспособна ни одна европейская армія** [3]).

„На отпоръ, данный обороняющимся въ послѣдовавшей затѣмъ осадѣ, можно вполнѣ указать, какъ на типичный. Если вспомнить, что у русскихъ былъ недостатокъ въ метательныхъ снарядахъ, именно маленькаго калибра, которое

---

[1]) Бартлетъ, стр. 463 и 464.
[2]) Грандпре, стр. 91.
[3]) Тамъ же, стр. 100 и 101.

могло бы постоянно держать подъ огнемъ траншеи, а особенно головы сапъ, то нужно допустить, что за успѣхъ въ замедленіи атаки слѣдуетъ благодарить почти исключительно русскую пѣхоту. И дѣйствительно, по оффиціальнымъ японскимъ донесеніямъ красной нитью проходитъ постоянное сѣтованіе на неустанную дѣятельность обороняющагося, вылазки котораго все время мѣшали траншейнымъ работамъ“ [1]).

Періодъ сапныхъ работъ тоже заставляетъ иностранцевъ сказать по нашему адресу нѣсколько лестныхъ замѣчаній.

„Самое блестящее примѣненіе постепенной обороны представляетъ, однако, бой за постоянныя укрѣпленіе Сѣв. Кикваншанскаго форта. Поэтому японцы, не смотря на всѣ, успѣхи, еще въ концѣ декабря были настолько проникнуты мыслью о такихъ-же дальнѣйшихъ, продолжительныхъ бояхъ, что были чрезвычайно изумлены капитуляціей. Если ко всѣмъ этимъ работамъ прибавить еще тѣ лишенія и тяготы, которымъ постоянно былъ подверженъ храбрый гарнизонъ крѣпости, то, конечно, нужно будетъ согласиться съ утвержденіемъ русскихъ, что для обороны крѣпости необходимы первокласныя войска, прошедшія тяжелую школу работъ еще въ мирное время“ [2]).

А насколько трудно и опасно было сидѣть въ разстояніи десятковъ шаговъ отъ противника, видно изъ слѣдующихъ словъ Бартлета о стрѣльбѣ по бойницамъ.

„Направьте свой глазъ упорно на этотъ небольшой квадратикъ свѣта и старательно наведите винтовку на эту точку; подождите, пока свѣтъ померкнетъ, тогда вы можете быть увѣрены, что кто-то закрылъ бойницу, помѣстивъ свою голову или другую часть тѣла передъ отверстіемъ, съ цѣлью наблюденія за противникомъ; затѣмъ, не колеблясь, надавите на спускъ и, если вашъ прицѣлъ былъ

---

[1]) Штрефлеръ, стр. 193 и 194.

[2]) Тамъ же, стр. 198.

взятъ правильно, свѣтъ опять появится передъ вами, а противникъ упадетъ мертвымъ. Вотъ почему опасно было смотрѣть черезъ бойницы, отдѣленныя отъ русскихъ небольшимъ разстояніемъ; только часовые, или особенно хорошіе стрѣлки рѣшались на это" [1]).

Что касается нашихъ саперныхъ работъ, то онѣ мѣтко характеризуются слѣдующими словами генерала Ноги сказанными норвежскому артиллерійскому капитану Норреганду. Указывая на старую русскую кирку, которая съ обѣихъ сторонъ была стерта почти до рукоятки, генералъ сказалъ: „Я долженъ былъ показать ее моимъ людямъ, чтобы они видѣли, **какими средствами русскіе насъ разбили** и чтобы имъ сдѣлать понятнымъ, что для насъ существуетъ только одно средство пойти къ непріятелю: копать и опять копать" [2]).

Наши враги, послѣ сдачи крѣпости, стали распространять слухи, что въ крѣпости осталась масса здоровыхъ, годныхъ для боя, солдатъ и изобиліе огнестрѣльныхъ и продовольственныхъ припасовъ. А вотъ что говоритъ австріецъ Штреффлеръ: „Вопреки японскимъ представленіямъ, положеніе дѣлъ у обороняющагося успѣло, однако, притти—насколько теперь извѣстно—уже къ концу ноября въ критическое состояніе" [3]).

П. О.

На этомъ и закончимъ знакомство съ разсказами иностранцевъ о подвигахъ нашей арміи въ Манчжуріи, проявленныхъ въ теченіе всей минувшей войны.

При желаніи, сказанія иностранцевъ можно увеличить многимъ числомъ страницъ. Но, едва-ли тогда прибавится

---

[1]) Барлетъ стр. 177.
[2]) Штреффлеръ, стр. 197.
[3]) Штреффлеръ, стр. 170.

какая либо существенная черта къ характеристикѣ нашей арміи данной иностранцами.

Чтобы наглядно и всесторонне представить себѣ всю картину боевой работы русской арміи въ войну съ Японіей, надо перейти къ изученію нашихъ источниковъ, какъ офиціальныхъ (документовъ), такъ и принадлежащихъ участникамъ войны, начиная съ самого командующаго арміей. Къ такой работѣ и будетъ приступлено вслѣдъ за выходомъ настоящей книги.

А. Н. А.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Театръ Военныхъ дѣйствій въ южной Маньчжуріи
1904-1905 г.г.
Масштабъ 50 вер. въ дюймѣ
50 40 30 20 10 0 50 100
Мукденъ
Синь-минь-тинъ
Фу-шунь-чень
Ин-пань
Синь-минь-пу
Син-цзин-тинъ
Хуай-жень-сянь
Ст. Янтай
Ляоянъ
Анпинъ
Ст. Айсяндзянь
Ляндянсянь
Тхавуанъ
Нючжуанъ
Хайченъ
Силучень
Ин-коу
Ст. Ташичао
Фын-хуан-ченъ
Куань-дянь-сянь
Сай-ма-цзы
Цао-хэ-коу
Тюренченъ
Ичжю
Ань-дун-сянь
Саходза
Гайчжоу
Сю-янь
Сеньючень
Кан-цзя-тун
Да-дун-гоу
Дарушань
Ст. Вафангоу
Ст. Вафандянь
Фу-чжоо
Би-цзы-во
Ст. Пуландянъ
Ст. Санышилипу
Кинчжоу
Таліенванъ
Дальній
Портъ-Артуръ
Зал. Ляодунъ
Зал. Корейскій
Зал. Адамсъ
б. Фу-чжоу
Ова Элліотъ
М. Ляотешань
р. Ялу
р. Шахэ
р. Тайдзы-хэ
р. Ляо-хэ

Шуйшуйнъ
Фортъ Куропаткина
Скалистый редутъ
Редутъ №2
Редутъ №1
Фортъ №III
Укр. №3
Фортъ №II
Фортъ №IV
гора Высокая (203 м.)
Лит. Вид.
Укрѣпл. №4
Портъ Артуръ
Новый Городъ
Фортъ Пайшюйшань
Старый Городъ
Новая бат
Фортъ №I
Старая бат
Восточный бассейнъ
Прѣсное оз
Золотая гора
№16
№17
Крестовая бат
Укрѣпл. №5
Западный бассейнъ
Фортъ Тигровый хвостъ (артил. бат.)
Входъ въ гавань
Желтое Море
Батареи №6 и 7
бат. №5
бат №2
Фортъ №VI
Схема театра борьбы за Портъ Артуръ
0 1/4 1/2 3/4 1 2
Масштабъ Одна Миля въ дюймѣ
Условные Знаки
Временное
Долговремен.
батарея
Укрѣпл.
Японскія сапы и паралели
Китайская стѣнка-валъ
Проэктирован. линія укрѣпл

Маг. № 18
Квит. №
Цена 6 р. — к.

МГФУ
№
Цена 6 р

Б.Ш. 45